

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (73) / 2020

9 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан) (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Международные индексы:

Ответственный редактор:

Главный редактор:

Завальский Яков Андреевич (Россия), доктор психологических наук, профессор

Международный редакционный совет:

Научный редактор: Игнатьев Сергей Петрович (Россия), доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь редакции: Давыдова Наталия Николаевна, кандидат психологических наук, доцент.

Арсеньев Дмитрий Петрович (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией

Бычковский Роман Анатолиевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, МГППУ

Ильченко Федор Валериевич (Россия),

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии

Кобзон Александр Владимирович (Россия),

доктор педагогических наук, профессор

Панов Игорь Евгеньевич (Россия),

доктор технических наук, профессор

Петренко Вадим Николаевич (Казахстан),

доктор психологических наук, профессор

Прохоров Александр Октябринович (Казахстан),

доктор педагогических наук, профессор

Савченко Татьяна Николаевна (Беларуссия),

кандидат психологических наук, доцент

Стеценко Марина Ивановна (США),

Ph.D., профессор

Строганова Татьяна Александровна (Украина),

доктор педагогических наук, профессор

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович

Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:

г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ; www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г. Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Svobodina A.K.</i> RUSSIA AND RUSSIANS IN POPULAR JAPANESE LITERATURE IN THE FIRST HALF OF 20TH CENTURY.....4	<i>Федотова П.И.</i> «ИДЕАЛЬНАЯ» ДОРОГА: БЫЛ ЛИ ВОЗМОЖЕН ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ ПО РЕКАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?.....10
<i>Суходольская Е.С.</i> ПОЛИТИКА ХОСРОВА III КОТАКА: КРИЗИС АРШАКИДОВ НА АРМЯНСКОМ ПРЕСТОЛЕ.....8	

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аскеров И.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ РУССКО- ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ26	<i>Колмогорова А.В., Мельникова М.И.</i> МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА КРАСНОЯРСКА В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА.....48
<i>Багдарыин Н.С.</i> ЮКАГИРСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ БАСЕЙНА РЕКИ КОЛЫМА29	<i>Назмутдинова М.А., Буренкова О.М.</i> «АЛЬМАНЗОР» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ И ЕГО ПЕРЕВОД САГИТОМ СУНЧЕЛЕЕМ.....52
<i>Бегимов О.Т.</i> ОБ УЧАСТИИ ФИТОНИМОВ В НАИМЕНОВАНИИ ОРОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА.....33	<i>Хабекирова З.С., Шхумишхова А.Р., Хачецукова З.К., Калашаова А.А.</i> ФИЛОСОФИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ55
<i>Dolzhih E.A., Dmitrichenkova S.V.</i> THE CONCEPT OF INTERTEXTUALITY IN <i>LINGUISTICS</i> 36	<i>Хабекирова З.С., Хачецукова З.К., Калашаова А.А., Шхумишхова А.Р.</i> ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ОТРИЦАНИЯ58
<i>Родичева А.А., Зайцева Т.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА39	<i>Чжан Цзиньлэй, Непомнящих Е.А.</i> ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОСКОПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)60
<i>Чижилова С.Н., Колесникова А.Ю.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ43	

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Hodjajev O.Sh.</i> THE NEED FOR INTENSIFICATION OF IDEOLOGICAL PROCESSES63	<i>Shaymanov F.T.</i> THE ROLE OF EDUCATION AND PHILOSOPHICAL IDEOLOGY IN RAISING THE SPIRITUALITY OF YOUTH 66
<i>Mirahmedov J.M.</i> FEATURES OF MANIFESTATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN NATIONAL-SPIRITUAL SECURITY65	<i>Князева О.В.</i> ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА БУНТА КАК ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АЛЬБЕРА КАМЮ68

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Шелеметьева Е.В.</i> СУБЪЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ73	<i>Эктумаев А.Б.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНЗУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ75
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82-3.520
ГРНТИ 03.09.55

RUSSIA AND RUSSIANS IN POPULAR JAPANESE LITERATURE IN THE FIRST HALF OF 20TH CENTURY

Svobodina A.K.

Post-Graduate Student,

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk,

Language Supervisor: E.V. Lazutkina, Associate Professor,

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

ABSTRACT

The image and perception of one country in another have a huge meaning in bilateral relations of these countries. On the one hand, the existing image of a country reflects the nature of established relations on various levels. On the other hand, it can have an influence on them. The perception of Russia in Japan in the first half of the 20th century is very complicated and consists of numerous contradictions as in different periods Russia was an enemy, a friend, a partner or a friend and a potential enemy at the same time. One of the most recent methods of studying the nation's opinion is to analyse national literature more closely. Japanese literature in Meiji (1868 – 1912), Taisho (1912 – 1926) and early Showa (1926 – 1989) periods is full of links to Western countries including Russia. The reason is simple. Japanese society tried to learn and adopt the best ideas from Europe and the USA to develop and enrich their own industry and culture. Therefore, the Japanese daily life was loaded with the things which came from the West. The aim of this article is to understand what Russia was known for among the Japanese society in this period.

Key words: Japanese literature in the first half of the 20th century, image of Russia, Japanese-Russian relations.

Famous Japanese literati at the beginning of the 20th century were not only very talented, but they also were very well paid for their works. The sales of a certain newspaper depended directly on the writers, so many editors were hiring the most famous authors and published their writings [1. P. 46]. That means that a lot of people had access to them and the ideas and views in the novels were widely spread. In this research seventeen works of seven most famous authors of that period (such as Kikuchi Kan, Natsume Soseki, Nagai Kafu, Tanizaki Juichiro, Takeo Arishima, Saneatsu Musyanokoji, Yasunari Kawabata) and numerous short

stories of Ryunosuke Akutagawa were searched for any mention of Russia or the Russians. All of the writings were published within the period of 1905–1939, after the Russian-Japanese War ended and before the World War II started.

Eleven of the seventeen novels mention Russia and almost every novel mentions the West (except “The Izu Dancer” by Yasunari Kawabata) and among 26 short stories and three essays of Ryunosuke Akutagawa analysed, eighteen short stories and all the essays contain links to the West and seven short stories and one essay mentions Russia.

Table 1.

The total number of links regarding Russia and the West in the Japanese literature

	Russia, Russians	Western countries
Total number of links	56	383
Among them:		
Russian literature	28	
Russian-Japanese War	16	
Russian art and science	5	
Russian politicians	2	
Nikorai-do (Holy Resurrection Cathedral)	2	
Japanese-Russian relations	2	
Russian cities	1	

The table above presents that about 13.5 % of all the links are about Russia and the Russians, which shows that Russia took a significant place in the Japanese society mind. Also, it is important to mention that among characters met in novels who were “non-Japanese”, the Russians are being described in the most

detailed way compared to others. Moreover, one of the short stories of Ryunosuke Akutagawa named «Woodcock» is completely devoted to the Russian reality and the main characters there are Ivan Turgenev and Leo Tolstoy. Further we consider closer the content of the links regarding Russia and the Russians.

The highest number of links is related to Russian writers and Russian literature which indicates that Japanese society's interest lay mostly in this sphere. One interesting fact is that a big number of the links included in this group is related to L. Tolstoy (10), which points out that the writer was very popular among the Japanese reading public in the first half of 20th century.

The other writers are mentioned as follows: Dostoevsky (5), Gorky (3), Turgenev, Chekhov, Gogol, Andreev, Chirikov (one time each) and also Russian literature was mentioned as itself without any correlations with specific authors four times. All of these writers are mentioned as outstanding people or as authors of their best works (Dostoevsky works: "The House of the Dead" in Akutagawa's "Monkey", "Crime and Punishment" and "The Brothers Karamazov" in Akutagawa's "Spinning Gears"; the novel of Turgenev "Fathers and Sons" in Kikuchi Kan's "Madame Pearl"). Dostoevsky's name is mentioned five times, but all of the links are placed exclusively in the works of Akutagawa, who gives the Russian author a very good estimation in the following lines: "of course, I loved Dostoevsky even ten years ago" [2, p. 618], "In front of him there was "the end of the century" rather than just books" [2, p. 627].

The writer Gorky's name can also be found only in one novel ("Botchan" of Natsume Soseki). No estimation is given there. Gorky is mentioned only as "one Russian writer" and also there is a play of words as the writer's name pronunciation is very similar to one fish name "goruki", which novel's characters found pretty funny.

Russian literature has been mentioned as a whole category. In the same novel "And Then" of N. Soseki there are two scenes that show interesting thoughts regarding it. The first thought is this: "The uncertainty that took so much space in the Russian literature Daisuke explained with the climate condition and political oppression" [3, p. 231]. One interesting fact is that Russia was already described as a country with the existence of political oppression long before the events in the end of 1930s (the novel was written in 1909). In the second scene the main character describes one friend of his as a big follower of Russian literature and says a serious writer should not admire Russia too much and only the one who participated in the Russian-Japanese War can speak of it [3, p. 250]. It is very likely the meaning of these lines is that Russia being highly praised thanks to its famous writers is a different country, which can be judged not by books, but by real mutual contacts one of which was the Russian-Japanese War. At the same time this mention repeats again, how widely Russian literature was spread among intellectuals of that time. The other two links regarding Russian literature take place in N. Soseki's "Botchan" and in the novel "Madame Pearl" of K. Kan. The last one also confirms its popularity [4, p. 170].

The second group includes all the links regarding the Russian-Japanese War (15) and has two particular features. The first one is that all of the links were found only in the novels written before 1917, meaning the war remained important as the memories of it were still

fresh. Sometimes it was mentioned just as the War so everybody knew what war it was.

Moreover, half of the links are placed in Natsume Soseki's novel "I am a Cat" published in 1905, the time the war was still going on. Therefore, the more time passes by, the less important the war becomes in the daily life of the Japanese. And the second issue is that despite the well-known fact that during the war Russia was illustrated in Japanese mass media in quite an unpleasant way (which is obvious as Russia was the main enemy), no negative image of Russia was met on the pages of Japanese fiction in the context of the war. Partly it can be explained by the fact that almost immediately after the war both countries became good partners in different fields: economic, political, cultural, etc. A lot of war veterans also felt respect for Russian soldiers and officers, admitting their brave behaviour during combat operations, although no positive image of Russia was met either.

All the links regarding the war were put into the text due to the following reasons:

- To specify the time when the story is happening ("Father returns", "I Am a Cat", "The Gate")
- To condemn the war ("Sansiro", "And Then")
- To draw an analogy between the scenes in the novels and real combat operations ("I Am a Cat")
- To mock the popularisation of the war among common people ("I Am a Cat", "And Then")

As for the third group (Russian art and science), it is comparatively small. It consists of the links regarding Russian composers (2), scientists (1) and the Russian ballet (2). The rest of the links are quite sporadic and cannot be united in a particular group.

The mentioned Russian composers are A.P. Borodin and M.A. Balakirev and their music namely "The Sea Ballade" written in 1870 (in the text it is called just "The Ballade") and "Islamey". Two of them are found in the same novel "Madame Pearl" in the scene with a concert for the *haut monde* where those works are being played. This scene can tell Japanese intellectuals also paid high tribute to the Russian music.

The only scientist mentioned in the analysed texts is a chemist S.V. Lebedev, who invented polybutadiene synthetic rubber. His name was found on the pages of "Sansiro" by N. Soseki.

In the tale "Elegy" and novel "Snow Country" by Yasunari Kawabata there are links to the Russian Ballet and Isadora Duncan as one of its most outstanding representatives. The main character in "Snow Country" Simamura translates the articles about the Russian Ballet written by French authors. The photo of Isadora Duncan was printed on the cover of the album lying on the table. Therefore, we may make a conclusion the Russian Ballet, very popular in the world, was also very well-known in Japanese society. Despite the fact that Isadora Duncan was not a Russian, her life was strongly connected with Russia and Russian dance school that is why her name was also included.

The other mentions are quite sporadic. Two times there were references to Lenin's name, one in an essay "Aphorisms by a Pygmy" and one in a short story "The Life of a Stupid Man", both by R. Akutagawa. The first one says Lenin was an ordinary hero, but that was the

most incredible fact about him [2, p. 688]. The second tells about one Russian who is composing a poem dedicated to Lenin where he is being described as a person full of contradictions.

In the novel "The Woman" (1919) by T. Arishima Japanese-Russian relations were touched twice. The first time it was mentioned as a headline of one newspaper's article devoted to bilateral relations in China. There is no more extra context but the fact that China was mentioned proves that this territory remained one of the important issues in relations between the two countries. The second time Japanese-Russian relations were categorised as unstable as well as Japanese-American relations and the society felt the oncoming storm. At the same time people already forgetting the war time were enjoying the life and were not concerned about the events in China so remote from their own country [5, p. 254]. This description of the public spirit is based on the position of Japan after the World War I, when the country was one of the winners and experienced economic growth. It is very likely the society was not busy thinking about the situation in other countries while their own life was being filled with new benefits.

The name of Holy Resurrection Cathedral (mostly known as the Temple of St. Nikolas) was found twice in different writings. The first one is the novel "And Then" by N. Soseki. Daisuke, the main character in this novel, said he went there to watch the Easter prayer service. The second piece of writing with the mention of the temple is the short story "Kappa" by R. Akutagawa. There is a scene where one building is described as ten times more imposing than the Nikolas's Cathedral [2, p. 467]. Both links allow us to think that Nikolas Temple was important for Japanese society both from the architectural point of view where it exemplifies a "great building" and from the religious one (the Japanese attend services there).

The last category of the links is called "Russian cities" and there is only one mention. The interesting thing this is not a capital city, such as Moscow or St. Petersburg, or cities close to Japan like Vladivostok, but Samarkand which was found in the essay "Spinning Gears" by R. Akutagawa (1927). The main character, the author himself, dreams about "healthy nerves" and for that he needs to go somewhere to Madrid, Rio de Janeiro or Samarkand. Based on this context it can be said the city of Samarkand was not mentioned as part of the USSR. The city is very likely shown here as an independent unit with its own history and culture, the culture of Central Asia. The country affiliation is not important here.

Therefore, based on the links analysed, there can be distinguished a certain image of Russia in Japanese literature, which is multi-faceted and vague at the same time. On the one hand, Russia is mainly associated with its writers and in Japan Russian writers are not only very popular, their ideas and opinions are considered valuable (especially it concerns L. Tolstoy). The Japanese are also fond of Russian culture, namely music and ballet. On the other hand, all the rest of the elements forming the image of Russia are very uncertain. There are many links to the Russian-

Japanese War, but almost nothing regarding Russia itself, except the word "bear" as a symbol of this country. Sometimes it is possible to find such collocations as "political oppression" and "climatic conditions". Without any certain meaning there is a name of a Russian scientist Lebedev, and such significant political figure as Lenin was described mainly as a symbol rather than a real person.

Nevertheless, the Russian characters input in the narrative are very colorful. In the listed works we came across five or six Russians who were given the following characteristics: good manners, severity, poverty, good physical condition, snow-white skin and passion about own ideals.

The most interesting character among them is Countess Shlemskaya. She is a white Russian emigrant who fled to Japan hiding from the revolution and earned her living by teaching in Tokyo in a local dance school. Despite the fact that Shlemskaya's character plays no significant role in the story and all the words she says are "No", "no good", "walk with me", almost nine pages are devoted to her description.

The image of the countess is presented very highly. As the main character, Shlemskaya appears as a heavenly deity, absolutely superior to the physically imperfect Japanese, including himself and his beloved. Though this is not because the countess is Russian. Most likely, here the dance teacher acts as a representative of the white race, the world of the West, which had a tremendous impact on Japanese culture and mentality. Suffice it to say the novel itself contains many references to Western countries (31): movie actors, European songs, American dances, Vogue magazine, different brand names, etc. And everything that has to do with the Western culture evokes delight and veneration in the protagonist.

One of the consequences of worshiping the West in Japan was a complex concerning one's body. Meshcheryakov says that the Japanese had a great desire to become taller in order to catch up with the more physically developed Europeans and various attempts were made in the society to achieve this result, such as making a recommendation to sit on a chair and not in the *seiza* position (on one's lap) [6, p. 30]. This trend is well reflected in the novel:

– She is engaged with passion. That is so right!

– Indeed, Shlemskaya loves her job! Japanese teachers are far from her, and Europeans, even women, are very strict. It is very nice! And look - she does it without a break for an hour or two ... It is tiring in such a hot season. I offered her an ice cream, but she refused. During the class, she doesn't need anything ...

– It's amazing how she doesn't get tired?!

– The Europeans are well trained, not like us." [7, p. 355]

Another feature Meshcheryakov speaks of is admiration for the white skin of Europeans. It was considered a standard of beauty. In addition, in the early twentieth century, in the era of racial prejudice, white skin was considered as a sign of dominant nations, all other shades were perceived negatively. It would be enough to bring the combination "yellow menace" which was widespread in the press of that time. The

Japanese, largely adopting the ideas of the West, also adopted the concept of "beautiful white skin."

In the novel, the whiteness of Countess Shlemskaya appears one of the outstanding features in the description of her looks: "But most of all these hands were distinguished from Naomi's hands by their extreme whiteness. The skin was so clear that the pale blue veins seemed as a delicate pattern on marble. Until now, caressing Naomi's hands, I often told her "You have beautiful hands, white, like a European woman!" But, alas, now I realised that Naomi's hands are completely different from those of Shlemskaya, they were simply dark..." [7, p. 360]

Therefore, the main merits of the countess praised by the protagonist are not due to nationality, but racial affiliation. The protagonist of the novel, being a representative of the middle class, has a low probability of direct contact with a European from high society. For this reason, a Russian white emigrant is introduced. She has high origins, but experiencing financial difficulties due to the unstable situation in her own country, she is forced to deal with middle-class society.

At the same time we can clearly identify the stereotypes inherent in Russian people, such as severity, pride, poverty, endurance and poor knowledge of the English language.

In general, the image of the Russian aristocrat placed in the novel corresponds to how the Japanese perceived Russian white emigrants. They seemed refined and proud. [8, p. 19]

As was mentioned earlier, there is a short story "Woodcock" by R. Akutagawa, in which not only the main characters are Russians, but the whole action is taken place in Russia, specifically at the Tolstoy's estate "Yasnaya Polyana" in 1880. Even the characters' speech is built taking into consideration the colloquial features of the Russian high society of that time (such as use of the French language). This work describes Tolstoy as a very stubborn person with elements of eccentricity and a tendency to put himself above others. It is not the first time when Akutagawa brings to the foreground the writer's negative traits (in "Spinning Gears" he also speaks of his great insincerity). This sharply contrasts with the generally recognised image based on the love of Japanese society for Tolstoy, as a writer, teacher, and great person. But also Tolstoy sincerely admires rural children and their ability to give interesting figurative expressions based on their life experiences, while adults cannot demonstrate this. The other main character, I. Turgenev, is depicted as a courteous, amiable man with good manners, which should not be surprising since he was a representative of the nobility. He is also represented as a non-conflict person. He was ready to reconcile with Tolstoy (according to the story there was a fight between two writers), "if he had noticed even the slightest sign of

goodwill." [2, p. 423]. Also in the text, several times both writers are referred to as "the author of Fathers and Sons" and "the author of Anna Karenina", which emphasises the importance of their contribution to the world literature.

Despite the fact that it is completely focused on Russian writers, this short story does not give anything meaningful to the idea of a Russian person. To a greater extent, the appearance of Turgenev and Tolstoy as the main characters is a consequence of the great popularity of Russian literature in Japan.

Summarising on the basis of the obtained data, it can be argued that at the beginning of the twentieth century there was a considerable interest in Russia in Japan, and despite great contradictions in relations between the countries, a negative image of Russians was not found in the texts of fiction. The interest in the northern neighbor was also mainly conditioned by Russian literature and white race affiliation. As a result, the image of Russia in Japanese society was vague and based on fragmentary information.

References

1. Nathan Shockey. Literary Writing, Print Media, and Urban Space in Modern Japan, 1895-1933. Columbia University, 2012. 371 p.
2. Akutagawa Ryunosuke. Small Collected Works. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 736 p.
3. Natsume Soseki. Sansiro. The Gate. And Then. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1973. 480 p.
4. Kikuchi Kan. Madame Pearl. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1977. 280 p.
5. Arishima Takeo. A Certain Woman. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1993. 351 p.
6. AN Meshcheryakov. Japanese Self-Identification in Relations with the West // Historical Psychology and Sociology of History, 2009. No 2. P. 27-41
7. Tanizaki Juichiro. Selected Works. Novels. Moscow, Khud. Lit. Publ., 1986. 543 p.
8. Sawada Kazuhiko. White Russians and the Japanese Culture (Hakkei Rosiajin to Nihonbunka). Seibunsha, 2007. 390 p.
9. Kawabata Yasunari. Snow Country / St. Petersburg, Amphora Publ., 2000. 288 p.
10. Nagai Kafu. Geisha in Rivalry. St. Petersburg, Azbooka-klassika, 2006. 256 p.
11. Natsume Soseki. Kokoro. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1935. 52 p.
12. Natsume Soseki. Selected Works. St. Petersburg, Giperion Publ., 2005. 704 p.
13. Kawabata Yasunari. Selected Works. Moscow, Raduga Publ., 1986. 592 p.
14. Japanese Drama. Moscow, Iskustvo Publ., 1988. 461 p.

930.1

ПОЛИТИКА ХОСРОВА III КОТАКА: КРИЗИС АРШАКИДОВ НА АРМЯНСКОМ ПРЕСТОЛЕDOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.714](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.714)*Суходольская Елена Сергеевна
аспирант***POLITIC OF KHOSROV III KOTAK: ARSHAKIDS CRISIS ON THE ARMENIAN THRONE****АННОТАЦИЯ**

В предложенной статье анализируется политика армянского царя из династии Аршакидов Хосрова III Котак. Оценка деятельности царя Хосрова проливает свет на возможные причины последующего кризиса правящей династии и дальнейшего распада государства в условиях ирано-римского конфликта.

RESUME

The proposed article analyzes the policy of the Armenian king from the Arshakid dynasty of Khosrov III Kotak. An assessment of the activities of Tsar Khosrov sheds light on the possible causes of the subsequent crisis of the ruling dynasty and the further collapse of the state in the context of the Iran-Roman conflict.

Ключевые слова: Армения, Аршакиды, нахарарство, внутренняя политика, внешняя политика

Keywords: Armenia, Armenian princes Arshakids, domestic policy, foreign policy

В IV веке в Армении происходит процесс перехода к феодальному обществу. Нахарары занимают привилегированное положение в государстве, владеют крупными территориями, влияют на политику государства. Несмотря на это, цари из династии Аршакидов не стремятся отходить рабовладельческих устоев, намеренно удерживают власть в своих руках, что в условиях усугубившейся внешней политики влияет на внутреннюю политику государства. Усложняет сложившиеся обстоятельства и тот факт, что правящая династия Аршакидов имеет далёкие персидские корни. Иные ветви данной династии сохраняют за собой власть в других небольших государствах региона. В III веке среди четырех ветвей династии Аршакидов – персидской, армянской, индийской и массагетской (албанской) – первое место занимал царь персидский с титулом «царя царей», владевший всей Персией. Агатагелос сообщает, что армянские Аршакиды занимали второе место по значимости среди четырёх ветвей династии [1]. Индийские Аршакиды занимали третье место и царствовали в Бактрии, у армянских хронистов индийские Аршакиды известны под именем царей кушанов. Четвертая ветвь господствовала в Кавказской Албании, что на севере от Черного и Каспийского морей. С ростом этнического самосознания представители армянской аристократии предпочитают видеть на престоле представителя армянского рода. Этим обусловлены попытки как обосновать своё происхождение, так и ослабить положение Аршакидов.

После смерти Трдата III в 330 году к власти приходит его сын Хосров III Котак (330-338 гг.). Само по себе прозвище «Котак» переводится как «маленький» и досталось Хосрову за его маленький рост. Однако прозвища царей – это не столько их внешняя характеристика, сколько отношение народа к нему, его признание. Продолжая политику отца, Хосров III способствует интегрированию церкви в государственную структуру. Так, например, деятельность царя Фавстос Бузанд

напрямую связывает с главой церкви Вртанесом, сыном Григория Просветителя. «В их годы и дни возросли и умножились мир и благодать, многолюдство и здравие, плодородие, преизбыток и благополучие в делах и великое божественное служение и богоугодный добрый нрав. Святой Вртанес подобно отцу своему и брату просвещал и руководил. Процветали в тот век правда и справедливость» [4]. Тесная связь царя с церковью вызывала недовольство в среде нахараров, не желавших платить налог в пользу церкви и мириться с постоянным ростом её земель. Многие из княжеских родов отказывались признавать власть Хосрова. Так Фавстос Бузанд рассказывает о трагической судьбе сразу двух армянских княжеских родов – Манавазян и Ордуни. Согласно сведениям Бузанда, два крупных нахарара что-то не поделили между собой, в ходе чего меду ними вспыхнула усобица. Хосров и Вртанес приняли участие в примирении конфликтующих, что впоследствии привело к ещё большим ссорам. Для примирения князя из рода Манавазян и нахапета из рода Ордуни по приказу Хосрова был отправлен великий епископ Албианн. «Они же надругались над ним и отвергли его посредничество; они пренебрегли посланными и с большим бесчестьем отослали епископа и даже захватили и разрушили царский дом; а сами они, остервенев, сейчас же стали воевать еще ожесточеннее друг с другом» [4]. Попытка захватить царский дворец обернулась гневом Хосрова. В результате он приказал спарапету Ваче Мамиконяну истребить оба нахарарских рода. «И полководец Ваче пошел на них, разгромил и уничтожил оба рода, не оставил в живых из обоих родов ни одного отпрыска мужского пола, и сам вернулся к армянскому царю Хосрову и к патриарху Вртанесу, и (царь) отдал епископу Албиану в пользу церкви аван и коренное стольное село нахапета Манавазянов, то есть Манавазакерт со всеми пределами и с прилегающим к нему округом, находящимся возле реки Евфрат. А коренное селение Ордуни, называвшееся Ордуру, находящееся в Басанской

земле, со всеми пределами, было отдано басанскому епископу, который происходил из селения Ордору» [4]. Недовольство положением церкви приводило к нередким покушениям на её представителей. Так Фавстос Бузанд рассказывает о нападении на первосвященника Вртанеса. «Они нагрянули и окружили большие стены аштишатской церкви. В то время как он (Вртанес) внутри служил литургию, многочисленная толпа с наружной стороны пыталась окружить его и осадить» [4]. Инициатором нападения стала жена Хосрова III, которая, как сообщает хронист, была уличена Вртанесом в развратном образе жизни. Это событие дополняет образ царя Хосрова, который, как видно, не являлся авторитетом для своей жены. Несмотря на близкую дружбу мужа с главой церкви, она организовала покушение, в котором, по словам Бузанда, приняло участие около двух тысяч человек.

В отношениях с соседними державами царь придерживался политики нейтралитета. Получив власть при поддержке римского императора Константина, он, в то же время, не выступал против Персии, а даже, напротив, не препятствовал её завоеваниям в регионе. Мовсес Хоренаци сообщает о хрупком телосложении царя, говорит о том, что военные походы были чужды Хосрову. «Хотя он и был мал ростом, но ведь не до такой степени, как Александр Македонский, который хотя и был ростом в три локтя, однако же не терял бодрости духа. Этот же, пренебрегая подвигами и доброй памятью (по себе), предавался развлечениям и ловле птиц, и прочим видам охоты» [2]. Такой нелестный отзыв говорит об ослаблении правящей династии, падении её авторитета. Уступчивостью Хосрова III активно пользуются персидские цари, постепенно захватывая бдешхи Армении. Регулярные военных походы персов в Армению и нежелание царя им противостоять вызвали всё большее недовольство народа. «...он не принимал никаких мер также по поводу отпадения областей, после того случая, когда те потерпели от греческих войск. Предоставив персидскому царю действовать по своему усмотрению, он заключает с ним мир, полагая достаточным властвовать над оставшимися пределами и не питая никаких благородных замыслов» [2]. В это же время на территорию Армении совершает набег массагетская армия во главе с царем Санесаном Аршакуни. Фавстос Бузанд сообщает, что Хосров III не рискнул идти против врагов, укрылся в храме, спасаясь молитвой. По инициативе спарапета Ваче Мамиконяна было собрано войско из знатных нахарарских родов. Им удалось отбить войско массагетов и убить царя. Голову царя армянские воины доставили царю. Вместо благодарности за защиту родных земель, царь сокрушался о смерти Санесана. «А он [Хосров III], когда увидел, расплакался и сказал: “Братом он был моим, родом Аршакуни”» [4]. Позже царь всё же отблагодарил князей и пожаловал некоторым из них земли и иные награды.

Важным событием во внутренней политике Хосрова III стал перенос резиденции армянских князей из города Арташат в город Двин. «Дувий — страна очень плодоносная, имеет благорастворенный воздух и хорошую воду; отстоит от Феодосиополя на восемь дней пути. Тут поля ровные, способные к конской езде; многолюдные селения, лежащие близко друг к другу, заняты торговцами, потому что из Индии, из соседственной Иверии и почти от всех народов, подвластных персам и даже римлянам, привозят туда товары, которыми они торгуют» [3]. Мовсес Хоренаци сообщает о страшной эпидемии, которая разразилась в городе в 330-е годы. В попытке справиться с охватившей город болезнью царь принимает решение перенести город на холм, основав новое крупное поселение — Двин. В скором времени Двин станет одним из крупнейших городов Армении, её ведущим экономическим центром. Несмотря на это, регулярные вражеские нападения, конфронтация с крупными княжескими родами, эпидемия, унёсшая жизни многих жителей страны — всё это усугубляло положение правящей династии, ослабевало их незыблемость на престоле. Если царь Трдан III своими действиями, внутренней политикой стремился укрепить государство, то его приемник царь Хосров III своей политикой способствовал разобщению этнического самосознания князей. Нахарары, хранившие верность царскому двору, отныне критически смотрят на Аршакидов на престоле.

Оставаясь у власти всего 8 лет, царь Хосров III умирает в 338 году, а власть переходил его сыну Тирану (338-350 гг.), который оказался на престоле в неспокойное время. В 345 году между Римом и Персией вновь начинается противостояние, в которое будет втянута и Армения.

Таким образом, в IV веке Армения представляет собой сложный организм, содержащий в себе множество противоречий на различных уровнях. Это и религиозное противостояние, вылившееся в конфронтации дохристианских культов, самого христианства и влиятельного веяния с Востока — зороастризма. Это и противоречие в управленческой среде, выраженное в конфликте царской династии, церкви и нахараров. Наконец, постоянное давление со стороны Рима и Персии, и вынужденное участие Армении в этом противостоянии. Всё это подрывало Армению изнутри, разобщало народ, делало государство уязвимым для внешней угрозы, а также ослабляло позиции Аршакидов у власти. Недальновидная политика Хосрова III способствовала политическому разобщению среди армянской знати, их обособленности от правящей династии. Кризисная ситуация поставила основной вопрос о сохранении правящей династии на армянском престоле.

Список источников и литературы:

1. Агатангелос.	История	Армении
[Электронный	ресурс]	URL:

<http://www.vehi.net/istoriya/armenia/agathangelos/ru/04.html> (дата обращения: 07.04.2020)

2. Мовсес Хоренаци. Мовсес Хоренаци. История Армении [Электронный ресурс] URL: <https://unotices.com/book.php?id=63476&page=20> (дата обращения: 06.04.2020)

3. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга II [Электронный ресурс] URL:

<http://militera.lib.ru/h/caesariensis/02.html> (дата обращения: 09.04.2020)

4. Фавстос Бузанд. История Армении [Электронный ресурс]

5. URL: <http://www.vehi.net/istoriya/armenia/buzand/03.html> (дата обращения: 10.04.2020).

УДК 94 (47)

«ИДЕАЛЬНАЯ» ДОРОГА: БЫЛ ЛИ ВОЗМОЖЕН ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ВОДНЫЙ ПУТЬ ПО РЕКАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ?

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.711](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.711)

Федотова Полина Игоревна

кандидат философских наук,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург

THE «IDEAL» WAY: WAS IT POSSIBLE TRANSCONTINENTAL WATER ROUT ALONG THE RIVES OF EASTERN EUROPE?

Fedotova Polina Igorevna,

candidate of philosophy,
independent researcher,
Saint Petersburg.

АННОТАЦИЯ

В статье показана ошибочность традиционных представлений о наличии водного транзитного пути с Балтики на Волгу и Днепр. По причине маловодности рек Восточной Европы в период водного минимума I тыс. н. э. и наличия порогов на Волхове, Мсте и Ловати эти реки были непригодны для судоходства не только килевых скандинавских, но и любых грузовых судов. Водной дороги с Ильменя на Волгу, а также Днепр (путь «из варяг в греки») никогда не существовало. Гидрографические характеристики Мсты и Ловати исключают возможность взводного движения гребных судов по этим рекам. Крайне тяжелыми были условия судоходства по Западной Двине и Днепру. Убеждение историков в широком использовании речных путей Восточной Европы в эпоху викингов VIII – XI вв. основано на неоправданном перенесении социальных и физико-географических условий судоходства в период водного максимума и в эпоху централизованного государства II тыс. н. э. на догосударственный период в эпоху водного минимума I тыс. н. э.

ABSTRACT

The article shows the fallacy of traditional ideas about the existence of a water transit route from the Baltic to the Volga and the Dnieper. Due to the low water content of the rivers of Eastern Europe during the water minimum of the first Millennium ad and the presence of rapids on the Volkhov, Msta and Lovat, these rivers were unsuitable for navigation, not only for keel Scandinavian, but also for any cargo ships. The water road from Ilmen to the Volga, as well as the Dnieper (the way «from the Varangians to the Greeks») never existed. The hydrographic characteristics of Msta and Lovat exclude the possibility of platoon movement of rowing vessels along these rivers. Shipping conditions along the Western Dvina and the Dnieper were extremely difficult. The belief of historians in the river routes of Eastern Europe in the era of the Vikings VIII – XI century based on the undue transfer of social and geographical conditions of navigation in the high water period and the era of the centralized state of the II Millennium ad in the pre-state period in the era of water minimum of I Millennium ad.

Ключевые слова. Путь «из варяг в греки», гидрография Восточной Европы, климатические изменения, древнерусское судоходство.

Keywords. The way «from the Varangians to the Greeks», hydrography of Eastern Europe, climate change, ancient Russian shipping.

Вопреки ходячим мифам о регулярных плаваниях скандинавских викингов по рекам Восточной Европы, никаких достоверных данных о практике древнего судоходства по русским рекам нет. Характерно при этом, что их нет не только в скандинавских источниках, где до XIV в. известны только две реки Восточной Европы: Dýna – Западная Двина и Vína – Северная Двина. Названия

еще 4 или 5 русских рек, в том числе и Невы (Nyja), появляются в скандинавских географических

сочинениях только в первой половине XIV в.¹ Бедность номенклатуры русских рек и ее поздний характер служит лучшим доказательством весьма поверхностного и позднего знакомства скандинавов с речной сетью Русской равнины.

Парадоксально другое: и в древнерусских источниках домонгольского и ордынского времени нет никаких конкретных указаний на сроки, маршруты и средства русской речной навигации. Упоминания об этом скудны, отрывочны и мимоходны. О том, как именно совершались плавания русов по Днепру из Киева в Константинополь, известно лишь из иностранного сочинения – трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Судя по сообщениям русских летописей, в X – XII вв. военные походы русских князей совершались преимущественно в зимнее время, как и любые передвижения на большие расстояния.² Немногочисленные известия о летних военных кампаниях свидетельствуют, что они осуществлялись исключительно «на конях». При этом дорога для прохода войска сквозь леса и болота заблаговременно готовилась специально посланными людьми.³ Отдельные летописные сообщения о походах «в насадах» или «лодьях» относятся уже к XII – XIII вв.

К слову сказать, сама этимология славянского слова *дорога* проливает свет на древний способ передвижения. Как отмечал Н. П. Загоскин, «дорога» (сербское *драга*) у южных славян до сих пор обозначает «путь, проложенный вдоль воды» [16, с. 3]. В древнерусском языке «дорогой» именовался путь, только что пройденный войском [5, с. 308]. Даже этимология этого слова подтверждает, что войско передвигалось не по воде, а вдоль рек и по мере необходимости – по специально проложенным для похода дорогам.

Таким образом, в отношении древней речной навигации на территории Восточной Европы, особенно догосударственного периода VIII – середины X вв., исследователи сталкиваются с уравниванием со многими неизвестными: кем она осуществлялась, в какие сроки, по каким маршрутам, в каком объеме и на каких плавсредствах? Как отмечал специально изучавший особенности древнерусского судостроения А. В. Лукошков, в своих реконструкциях древнерусского судоходства исследователи могут опираться лишь на поздние свидетельства XVI – XVII вв. [31, с. 369].

Однако здесь сразу возникает вопрос о правомерности перенесения реалий XVI – XVII вв. на ситуацию VIII – X вв. И в хронологическом (700 – 900 лет), и в политическом, и даже в физико-географическом плане эти периоды разделяет целая пропасть. Невозможно сопоставить организационные, финансовые, людские и военные возможности русского централизованного государства позднего средневековья с полупервобытным, племенным, догосударственным обществом Восточной Европы так называемой «эпохи викингов». В данном случае невозможна прямая экстраполяция не только социальных условий судоходства XVI – XVII вв. на догосударственный период, но даже его естественно-природных условий. Эпоха викингов VIII – XI вв. была периодом водного минимума в Европе, и гидрологические характеристики русских рек в это время значительно отличались от последующего периода водного максимума XIII – XVI вв.⁴ Археологические и палеоклиматические данные свидетельствуют о том, что на фоне более сухого и теплого климата зеркало озерных и речных вод в VIII – XI вв. находилось на 3 – 4 м ниже современного, тогда как в XIII – XVI вв. – на несколько метров выше современного.⁵ Все это

¹ Наиболее полный перечень восточноевропейских рек содержится в географическом трактате «Великие реки» (древнейший список датируется 1320 – 1334 гг.). Помимо Дуны и Вины, в нем указаны Днепр (Nepri), Нева (Nyia), Волга (Olkoga) и Кама (Kuma). Еще одно название – Seimgol – некоторые интерпретируют как Сейм, в то время как это название прибалтийской области Семигалии (др.-рус. Семигола, совр. Земгала в Латвии). Здесь же в качестве реки, отделяющей Европу от Азии, фигурирует античное название Дона – Танаис [36, с. 153]. Значит, местное название Дона и в XIV в. оставалось для скандинавов неизвестным, и сведения о Доне-Танаисе были почерпнуты ими не из собственной практики, а из античной литературы.

² Сообщения русских и арабских источников о зимних передвижениях по территории Русской равнины см.: [57, с. 120 – 122].

³ Об этом свидетельствует рассказ «Повести временных лет» о подготовке военного похода на Новгород летом 1015 г. киевского князя Владимира

Святославича. Вопреки всеобщему убеждению, что из Киева в Новгород добирались водным путем, князь Владимир приказывает прокладывать дороги и мосты: «требите путь и мостите мость» [29, ст. 130].

⁴ Об изменениях водного режима в прошлом см.: [60; 43; 57, с. 115 – 119].

⁵ Археологическое изучение находящихся ныне под водой древнерусских поселений на водоемах нынешних Псковской и Новгородской областей показало, что основания срубов домов находятся на глубине около 3 м от современной поверхности воды. Такая же ситуация наблюдается на археологических объектах I тыс. н. э., обнаруженных на озерах Латвии и Эстонии. Значит, уровень воды в водоемах Прибалтики и Северо-Запада в древности был не менее чем на 3 м ниже современного [37, с. 134 – 135; 38]. Зато с XIII в. многие поселения, размещавшиеся ранее на первой надпойменной террасе (ныне поймы рек), стали подтопляться и впоследствии были перекрыты мощными слоями аллювиальных

заставляет с крайней осторожностью оценивать возможности речного судоходства в Восточной Европе в эпоху викингов и, в силу радикального различия гидрологических и социальных условий, не переносить на VIII – XI вв. реалии речной навигации более обводненных периодов и более обустроенной социальной среды.

Несмотря на очевидность этих методологических требований, среди историков продолжают сохраняться абсолютно неадекватные представления о возможностях речного судоходства в Восточной Европе эпохи раннего средневековья. По установившейся в зарубежной и отечественной историографии традиции, Финский залив, река Нева, Ладога и Волхов считаются составной частью пути «из варяг в греки», который трактуется как торговый путь из Скандинавии в Византию.⁶ По убеждению советского историка И. П. Шаскольского, «река Нева была издавна связана удобными водными путями с основным пространством Русской равнины – с бассейном Волги и с бассейном Днепра. Поэтому путь из Невы в Балтийское море в течение многих веков имел исключительное значение для внешней торговли нашей страны» [59, с. 146]. И. П. Шаскольскому вторит филолог-скандинавист Т. Н. Джаксон: «Восточно-европейская речная система была идеальной дорогой для дальней международной торговли, и, вне всякого сомнения, она была хорошо известна скандинавским викингам» [14, с. 37]. Однако для человека, имеющего хотя бы поверхностно туристическое представление об условиях судоходства по водоемам Русской равнины, утверждения об удобстве ее водных путей рождают серьезные сомнения. Такой уж «идеальной» и «удобной» торгово-транспортной дорогой была речная система Восточно-европейской равнины, какой она представляется кабинетным ученым? Попробуем пройти этой дорогой и посмотреть: насколько удобны были водные пути, которые связывали Неву с «основным пространством Русской равнины». Начнем наше путешествие с Невы, с которой, как полагают, начинался речной путь вглубь материка.

отложений. Населению пришлось перейти на более высокие места. Следовательно, по степени водности современность находится в промежуточном положении между водным минимумом VIII – XI вв. и водным максимумом XIII – XVI вв.

⁶ Здесь мы сталкиваемся с многослойным искажением исторической информации. Во-первых, путь в «варяги» в известной нам редакции «Повести временных лет» указан не по Неве, а по Западной Двине. Река Нева в ней вообще не упоминается, только озеро Нево. Во-вторых, нигде не говорится, что путь этот торговый – это всего лишь домыслы историков. В-третьих, слова о «варяжском пути» – вставные и появились в летописи только в XIII в. Наконец, варяги не имели никакого отношения к скандинавам, а

Нева. Гидрографическое описание древней Невы – одна из самых трудных задач исторической географии. В отношении этой реки вопросов до сих пор больше, чем ответов. Неизвестно ни время ее возникновения, ни протяженность реки в историческое время и даже в точности неизвестно направление ее течения. Имеющиеся на этот счет письменные свидетельства противоречат не только современным реалиям реки, но и реконструкциям ее геологического прошлого геологами и палеогеографами.

Начать с того, что в вопросе о возникновении Невы взгляды специалистов радикально расходятся. Одни полагают, что река существовала на протяжении всего послеледникового периода (голоцена), а древняя пра-Нева существовала еще в доголоценовое время. Современное ее русло представляет собой остаток пролива Балтийского ледникового озера.⁷ Другие, наоборот, считают Неву геологическим новообразованием, хотя конкретное время ее возникновения остается дискуссионным. Разброс научных мнений в этом вопросе очень велик: от 4500 – 4000 лет назад (нач. II тыс. до н. э.) до 1200 л. н. (нач. IX в. н. э.) [34, с. 75]. Однако даже самая поздняя из геологических датировок возникновения Невы, предложенная советским палеогеографом Д. Д. Квасовым и археологом В. А. Назаренко – начало IX в. н. э., не находит подтверждения в письменных источниках.⁸ Первое упоминание *реки* Невы содержится в Новгородской первой летописи старшего извода под 6736 (1228) г. Это вообще первое сообщение о Неве не только в русской, но и в мировой письменной традиции. Только с 1228 г. начинаются регулярные сообщения о Неве в новгородском летописании (1240, 1283 – 1284, 1300, 1323 гг.) [41, с. 65, 77, 91, 97, 325]. Первое упоминание Невы в немецких документах (под именем Nu – «Новая») относится к 1268/69 гг.⁹ В скандинавских географических сочинениях Нева (Nuja – «Новая») впервые указывается еще позднее – в перечне восточноевропейских рек в географическом трактате «Великие реки» (1320 – 1334 гг.) [36, с. 152 – 154]. Таким образом, известная нам письменная традиция начинает

представляли собой местный кельтский (или кельтизированный) этнос из Восточной Прибалтики. Более подробно об этих подменах см.: [56; 57; 58].

⁷ При некоторых различиях к сторонникам этой точки зрения относятся К. К. Марков, Н. Н. Верзилин, Г. И. Клейменова и др. См.: [35; 6].

⁸ На это обстоятельство обращали внимание сами исследователи. Они отмечали, что ни в славянских, ни в скандинавских, ни в арабских источниках IX – X вв. нет никаких сведений о Неве [21, с. 339].

⁹ Это проект Договора Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде. Датируется не позднее 1 апреля 1269 г. Текст договора на средненижненемецком языке и перевод см. [10, с. 58 – 61].

фиксировать эту реку только с конца 20-х гг. XIII в., спустя почти полтысячелетия после ее предполагаемого появления в физической реальности. Если же относить образование реки к более раннему времени – к III – II тыс. до н. э. или началу н. э., то исследователь сталкивается с необходимостью объяснить ее отсутствие в русских и скандинавских письменных памятниках раннего средневековья.

Не меньшее удивление вызывают сведения о Неве, которые содержатся в русском географическом справочнике для «государевой службы посылок» – Книге Большому Чертежу. Составленная в 1627 г. по указанию царя Михаила Федоровича, она содержала описание «старого чертежа» (карт, составленных при «прежних государях») и «нового чертежа» (карт нового царствования). Таким образом, будучи первым целостным географическим описанием территории Российского государства, Книга Большому Чертежу содержала сумму географических сведений XVI – XVII вв.

Оторопь у современного читателя вызывает утверждение русского географа, что Нева течет в обратную сторону – не из Ладоги в Финский залив, а из Финского залива в Ладогу: «А из Котлина озера вытекла река Нева и пала в Ладожское озеро против города Орешка. А от Котлина озера до озера Нева 40 верст». Эта запись содержится практически во всех списках этого памятника и повторяется дважды: «в Нево озеро от западу пала река Нева, течет с Котлина озера, пала против города Орешка, протоку 40 верст» [23, с. 153, 156]. Обращает внимание и то, что ее протяженность указана в 40 верст, что составляет около 43,5 км (если исходить из обычной версты в 1088 м) вместо 74 км современной длины реки.

Что эти данные о Неве имели место не только в начале XVII в. (когда Нева по Столбовскому миру 1617 г. была утрачена и отошла к Швеции), но и в начале XVI в., когда она находилась в составе Московского государства, свидетельствует сообщение С. Герберштейна в его «Записках о Московии» (1549 г.). Этот австрийский дипломат, дважды побывавший в России (1517 и 1526 г.), отмечал, что Нева имеет протяжение почти в шесть немецких миль (около 45 км) [7, с. 150].¹⁰ Как согласовать эти показания о «короткой» Неве и ее обратном течении в источниках XVI – XVII вв. с современной географией Невы? Как могли дьяки Разрядного приказа совершить столь чудовищную ошибку относительно реки, за которую на протяжении столетий шла упорная борьба между русскими и шведами? К тому же и ошибка имеет свою причину, которая нуждается в объяснении. До сих пор ни историческая, ни географическая науки не дали разъяснений по поводу этих странностей русской средневековой географии.

Впрочем, сообщение Книги Большому Чертежу об обратном течении Невы не столь уж невероятно (хотя для XVI – XVII вв. оно и не

соответствовало действительности). Высота Ладожского озера над уровнем моря составляет 5,1 м, а падение Невы – всего 4,27 м [53; 30, с. 20]. Дно реки на всем ее протяжении расположено ниже уровня поверхности Балтийского моря. По оценкам гидрографов, если бы в силу каких-либо причин уровень Ладоги упал на 4,5 – 5 м, Нева потекла бы из Финского залива в Ладогу [9, с. 22]. Течение реки изменилось бы и в том случае, если бы уровень Балтики повысился на 4,5 – 5 м. Вероятность такой ситуации не исключена: уровень как Балтики, так и Ладожского озера подвержен периодическим колебаниям. Косвенное свидетельство о более высоком уровне Балтики можно найти в той же Книге Большому чертежу. В ней говорится, что «город Копорье на берегу Котлинаозера» [23, с. 153], хотя в настоящее время Копорье находится в 12 км от побережья Финского залива.

В связи с отсутствием письменных известий о Неве до начала XIII в. некоторые исследователи уже высказывали обоснованное сомнение в самом ее существовании. Так, петербургский историк Ю. Ю. Звягин предположил, что в интересующий нас период VIII – XI вв. реки, как таковой, не существовало, а Ладога соединялась с Финским заливом короткой протокой в районе Ивановских порогов, которую летописец и обозначил как «устье» озера Нево [17, с. 157 – 158]. В древнейшей Лаврентьевской летописи озеро названо *Ново*: Волхов «вьтечеть в озеро великое Ново, того озера внидеть устье в море Варяжское» [29, ст. 7]. Появление этого текста раньше относили к концу XI в. По современным уточненным данным, он мог появиться не ранее 70-х гг. XII в. [55]. Значит, в конце XII в. реки еще не существовало, точнее, она была столь коротка, что воспринималась как «устье озера». Таким образом, существование Невы в VIII – XI вв. действительно оказывается под вопросом. В связи с чем убеждение в наличии древней навигации по этой реке вполне может оказаться ложным. Проявляя научную осторожность, приходится отложить гадательные суждения о характере древнего судоходства по Неве до окончательного выяснения конкретной гидрографической ситуации в невском регионе в конце I – начале II тыс. н. э.

Ладога. Независимо от Невы, в древности в Ладогу можно было попасть через протоку на севере Карельского перешейка, когда-то вытекавшую из Ладожского озера и впадавшую в Выборгский залив. Из-за поднятия Балтийского щита, чья южная граница проходит по линии Выборг – Приозерск, порог стока со временем поднялся настолько, что протока исчезла, а вместо нее образовался сток из Сайминского озера в Ладогу, то есть современная озерно-речная система Вуоксы. В древности эта река имела два рукава. Восточный шел в Ладогу (это ныне существующее северное русло Вуоксы), а западный впадал в Финский залив около современного Выборга [48, с. 37 – 38]. По мере поднятия суши западный сток

¹⁰ Немецкая миля – около 7,5 км.

Вуоксы обмелел, превратившись в цепочку отдельных озер. Однако, судя по сообщениям источников, еще в XIII – XIV вв. доступный для небольших судов водный проход из Выборгского залива в Ладогу существовал.¹¹ По оценкам географов, связь бассейнов прекратилась окончательно только в XVI – XVII вв. [20, с. 24].¹²

Таким образом, гидрографическая ситуация на Карельском перешейке несколько раз радикально менялась. Конкретные сроки этих изменений остаются предметом дискуссий. По крайней мере, прямой водный транзит из Финского залива в Ладогу на севере Карельского перешейка функционировал как минимум до XIV в. Прохождение здесь торгово-транспортной магистрали подтверждают археологические находки поселений и монетных кладов. Поэтому вопрос, по какому именно маршруту в VIII – X вв. проходил водный путь из Финского залива в Ладожское озеро: по южному (Неве) или северному (Вокше-Вуоксе), до сих пор остается открытым. В любом случае, чтобы добраться от истока Невы до устья Волхова, нужно преодолеть около 120 км вдоль южного берега Ладожского озера. Эта часть Ладоги и в настоящее время представляет наибольшую опасность для судоходства.

В мелководной южной части озера, за исключением устьев крупных рек, укрытий от штормов нет. Мелководные прибрежные воды, а также Кареджская коса, Стороженецкий и Волховский рифы, на много километров выдающиеся в озеро со стороны южного берега и перерезающие кратчайшие водные пути от истоков Невы к устьям Волхова, Сяси и Свири, делают плавание здесь чрезвычайно опасным. В этих условиях характерное для Ладоги быстрое изменение погоды, когда в течение нескольких часов может разыгаться сильный шторм с короткими захлестывающими волнами, приводило и приводит к гибели многих судов.

По сообщению участника научно-исследовательской экспедиции на ладье «Славия» вокруг Ладожского озера (в июле 2002 г.) петербургского археолога П. Е. Сорокина, именно здесь экспедиция столкнулась с наибольшими сложностями, выдержав целую череду штормов и аварий. Притом, что время для экспедиции было выбрано не случайно: июль – самый тихий месяц на Ладоге, когда на озере по большей части господствует штиль [22, с. 39]. При этом автор в своей публикации умалчивал, что большую часть пути по южной акватории Ладоги судно проделало в обход озера по Новолadoжскому каналу. Лишь на

некоторых, очень коротких отрезках оно выходило в Ладогу, всякий раз попадая либо на риф, либо на прибрежную мель, либо в шторм [51, с. 442].¹³ Эта картина хорошо согласуется со свидетельством Петра I, который в одном из указов 1718 г. отмечал, что «одним сим летом с тысячу судов пропало, а с начала строения сего места [Петербурга] более 10 тысяч» [1, с. 37]. Если за один сезон активной навигации в акватории южной Ладоги погибало до тысячи судов, то о каком «удобстве» такой «идеальной» дороги может идти речь? Даже в XIX – начале XX в., при гораздо более развитом судостроении и наличии парохозяйства, страховые общества России отказывались страховать суда, идущие с грузом по Ладоге [9, с. 88].

Волхов. Полноводная, малоизвилистая и широкая река со спокойным течением из-за малого уклона стока, казалось бы, представляла собой идеальные условия для плавания. Правда, малый уклон создавал определенные затруднения для перевозки грузов. Даже в XIX в. барки тянули по Волхову бечевой не только вверх, но зачастую и вниз по течению, особенно, если дул встречный ветер [52, с. XVI].¹⁴ Однако главное препятствие для судоходства на Волхове представляли две зоны порогов: Гостинопольские и Пчевские. Гостинопольские начинались в 26 км от современного устья Волхова (и в 9 км от Старой Ладоги) и тянулись в общей сложности на 11 км. Перепад воды на этих порогах составлял около 10 м. Выше по течению находились Пчевские пороги (в 67 – 76 км от устья). На протяжении 9 км река здесь проходит через выходы валунных глин, которые 12 косами перегораживали русло. По сведениям 1862 г., вода на Пчевских порогах в межень достигала всего 12 – 16 вершков (54 – 72 см), на Гостинопольских – от 10 до 12 вершков (45 – 54 см) [52, с. XV]. По данным 1928 г., глубина Волхова на порогах (до сооружения в 1926 г. плотины Волховской гидроэлектростанции) в весенний паводок доходила до 1,8 м, а осенью колебалась от 1 до 0,3 м [3, ст. 822]. В сухие годы глубина на фарватере уменьшалась до 20 см [18, с. 31]. Эти цифры об уровне воды в порогах для XIX – начала XX в.: меженном (от 20 до 70 см) и во время паводка (до 1,8 м), – крайне важны для оценки возможности навигации в период водного минимума VIII – XI вв.

Сплавное движение в порогах осуществлялось только весной и при помощи лоцманов; вверх

¹¹ Об этом свидетельствует военный поход шведов, совершенный в 1295 г. на речных судах из основанного в 1293 г. Выборга, для захвата стоявшей на другом конце водного пути Корелы [11, с. 14 – 15].

¹² Правда, водно-сухопутный путь в этот период здесь еще существовал, но насчитывал до 8 волоков [26, с. 587].

¹³ Реальный маршрут экспедиции показан на приведенной автором карте [51, с. 440].

¹⁴ Общая протяженность Волхова – 224 км. Ширина реки в устье – до 650 м, в истоке – до 1, 2 км. В верховье уклон водной поверхности Волхова составляет в среднем всего 6 см на 1 км. Быстрины на Волхове существовали только на порогах [18, с. 29, 32 – 33].

сквозь пороги суда перетаскивались на канатах.¹⁵ В XVII в., по свидетельству участника голштинского посольства 1634 г. Адама Олеария, в перетаскивании судов была задействована целая сотня людей [42, с. 20]. В XIX в. взводка судов сквозь пороги производилась лошадьми. Тем не менее, здесь нередко случались аварии, при этом гибли и суда, и лоцманы-сплавщики. Постоянная статистика такого рода не велась, имеются только отрывочные сведения. Так, крупная авария произошла на Волховских порогах в 1761 г., когда разбилось сразу 11 барок с ценным грузом [18, с. 92]. А с 1843 по 1859 г., за 16 лет, на Волховских порогах разбилось 101 судно [4, с. 534].

Следует иметь в виду, что такая ситуация имела место на Волхове в обводненный период II тыс. н. э. В первом же тысячелетии н. э., в период малой водности, уровень Ильменя, откуда берет начало Волхов, был на 1,6 – 1,8 м ниже современного [18, с. 64]. Соответственно, был ниже горизонт воды в Волхове. Об этом свидетельствует и расположение могильников-сопок в нижнем течении реки, часть из которых находится у самого уреза воды или даже подмыта речными водами. Во время их сооружения они должны были находиться выше и дальше от воды, чем в настоящее время.

В таком случае и волховские пороги в этот период выглядели иначе. Каменные плиты должны были выходить из воды даже в период половодья, загромождая реку и оставляя лишь относительно узкие и мелководные протоки. А в межень или в сухой год Волхов на Гостинопольских порогах представлял собой каменистый ручей, текущий на дне глубокого обрывистого ущелья. Это означает, что сквозное судоходство по Волхову в этот период было просто невозможно, а река уже в нижнем течении (на 26 км из 224) была совершенно недоступна для проникновения в нее извне. Даже такой приверженец скандинавского присутствия, как петербургский археолог С. Л. Кузьмин, признавал, что Волховские пороги служили лучшей защитой от непрошенных гостей: отвесные двадцатиметровые известняковые берега, стремительное встречное течение, невозможность обходного маневра, наконец, многочисленное и несомненно вооруженное население расположенных у порогов поселений лучшим образом заменяли мощную крепость [27, с. 264]. Значит, путь по Волхову в VIII – XI вв. был закрыт для скандинавских судов (впрочем, как и для всяких иных), а потому водного транзита со скандинавского севера на византийский юг по волховскому пути существовать не могло.

Но проследуем дальше по предполагаемому маршруту. Из Волхова дальнейший путь лежал через озеро Ильмень, откуда на юго-восток, к Волге он шел по реке Мсте; на юг, к Днепру – через Ловать; на запад, к Балтике – по реке Шелонь.

Прежде чем рассмотреть гидрологические характеристики ведущих вглубь материка рек, следует сказать несколько слов об условиях судоходства на самом озере Ильмень.

Ильмень. Это с виду безобидное и мелководное озеро (максимальные глубины при средней воде 4,5 м) на самом деле далеко не безопасно. Даже туристический справочник предостерегает, что на малых судах «идти по Ильменю не рекомендуется: озеро открытое и бурное» [45, с. 45]. Благодаря низким берегам, совершенному отсутствию островов и обширной поверхности озеро подвержено воздействию ветров. Нагонная волна во время дующих по целым неделям ветров достигает 1 м, а прибойная волна в юго-западной части озера – до 2 м. Особенно опасны на Ильмене ветры восточных направлений, которые отгоняют суда к не имеющему бухт юго-западному обрывистому берегу, вблизи которого много подводных камней [46, с. 946]. В силу этих особенностей, даже в довольно крупных судах плавать на Ильмене было опасно. О случаях массовой гибели людей на Ильмене время от времени сообщают русские летописи. Так, под 1472 г. Вологодско-Пермская летопись содержит известие о случившейся трагедии: «Того же лета сентября в 2 поидоша из Новгорода из осады многое множество людей и з женами, и з детми по озеру в великих учанах... Глаголють бо, яко было судов тех великих 180, по 50 человек в судне и боле; и яко бывшим им в пучине озера того, и дохнувшю на них ветру напрасну, и потопи все суды оны, ни единого же от них не избысть, и все люди оны и товар их истопе» [2, с. 242]. Новгородская Вторая летопись под 7080 (1572) г. свидетельствует: «Да того же дни в вечеру в ноци вихрь был силенъ добре. Да тои же ноци к четвергу на ночь на озере Илмере утонуло государскихъ козаковъ восемьдесят человек ис Окопья города, а иные ис Полотска» [40, с. 162].

Кроме штормов, большой помехой для навигации были мели. Летом входы в устья почти всех рек, текущих в озеро, загромождаются большими отмелями, поэтому устья Полы, Ловати, Шелони и Мсты в летнюю межень становились малодоступны для прохода грузовых судов. В XIX в. судоходство на протяжении всего навигационного периода осуществлялось только между Новгородом и гаванью Устрикой на западном берегу Ильменя. Остальные линии функционировали лишь в высокую воду [28, с. 95].

Неудивительно, что навигации по Ильменю стремились избежать – несмотря на то, что устье реки Мсты расположено всего в 10 км от истока Волхова. Барки иногда неделями простаивали в устье Мсты, то пережидая непогоду, то дожидаясь попутного ветра, чтобы плыть по озеру. Планы строительства обходного Ильменского канала

¹⁵ О существовании лоцманской службы еще в XIII в. свидетельствует договор Новгорода с немецкими городами 1268/1269 г., где оговариваются условия

найма лоцманов. В середине XIX в. для прохода судов при волховских порогах содержалось на государственном жалованье 150 лоцманов [4, с. 534].

вынашивал еще Петр I, но реализован этот проект был лишь в начале XIX века. Мста была соединена с Волховом сначала Сиверсовым каналом (1798 – 1803 гг.), начинавшемся в 16 км от устья, а затем Вишерским каналом (1826 – 1836 гг.), который начинался в 27 км от устья Мсты и соединял ее с Волховом через правый приток Волхова реку Вишеру [18, с. 91]. Таким образом, даже десятикилометровый участок «удобного» пути по Ильменю и мелководной заболоченной дельте Мсты приносил такие убытки, что оказалось выгоднее прорыть два канала, чем пользоваться этой естественной дорогой.

Мста. Ближайшей к Волхову водной артерией на Ильмене, ведущей вглубь материка, является река Мста. С древности Мста служила транзитной дорогой, связывавшей бассейн Волги с реками Балтийского региона. Из Новгорода проходил путь в Вышний Волочек, откуда шел десятиверстный волок до реки Тверцы, левого притока Волги. У впадения Тверцы в Волгу возник город Тверь. Этим путем (через Тверь, Торжок и Вышний Волочек) везли в Новгород «низовский» хлеб из плодородного Владимирского ополья. В петербургский период Мста всем своим течением вошла в состав Вышневолоцкой водной системы, по которой осуществлялась доставка грузов в столицу империи.

Казалось бы, использование реки как воднотранспортной артерии не подлежит сомнению. Однако здесь есть одно «но». Водное движение по Мсте было односторонним: *только вниз по реке*. Движению вверх препятствуют многочисленные пороги, которых на Мсте насчитывается до 50. Половина из них (26) приходится на Боровичские пороги в среднем течении реки, труднопроходимые даже по высокой воде. Здесь река пробивает русло через выходы плотных известняков Валдайской возвышенности. Занятый ими участок тянется почти на 30 км, а падение реки в порогах составляет 70 м. Река здесь быстро течет в утесистых берегах и делает крутые повороты; фарватер резко меняет свое направление и переходит от одного берега к другому. Скорость течения в порогах во время паводка составляет до 24 км в час. Как отмечал А. В. Дулов, здесь гибли многие суда, а *движения вверх по реке не было совсем* [15, с. 111 – 112]. В период транспортного использования реки мстинские пороги преодолевались с помощью местных лоцманов, а до создания Вышневолоцкой системы – по сухопутному обходу длиной 105 км. До проведения расчисток пороги были несудоходны. Дойдя до них, суда или плоты разгружались, грузы перевозились по берегу и вновь нагружались на

суда или плоты ниже порогов [1, с. 8].¹⁶ Существовал также водно-сухопутный обходной путь – через ряд притоков, озер и волока.

Чтобы понять, что представляло собой сплавное плавание по этой реке, обратимся к источникам. Сохранилось подробное описание плавания по Мсте датского посольства, которое в 1578 г. проделало путь из Вышнего Волочка в Великий Новгород. Оно было составлено главой посольства Якобом Ульфелдтом, который счел нужным специально оговорить, что побудило его столь подробно описать этот участок пути: «так как этот водный путь был не только опасным, но и в высшей степени тягостным, я думаю, нельзя не сказать, с какими трудностями и опасностями он был проделан». Путешествие продлилось 11 дней: с 6 по 17 сентября 1578 г., в самую межень (конец лета – начало осени), когда уровень воды в русских реках был минимальным. Ульфелдт писал: «Нам удалось осуществить наше плавание благополучно, если учитывать огромное количество камней, скал и прочего, что препятствовало движению. При этом наши корабли столько раз [и] с такой силой ударялись о скалы, что, не будь они новыми, им никогда бы не выдержать столь сильных столкновений. Ведь мы плыли по течению, [а] в некоторых местах оно было таким стремительным, что из-за его быстроты чаще, чем можно было ожидать, то нос, то корма ударялись о верхушки скал, разумеется, с большим уроном для кораблей. Затем мы попали на мелководье, опасное более, чем прочие [места]; будучи повсюду усыпано камнями, оно совсем не пригодно для плавания. Там мощные потоки воды, [преодолевая расстояние] в 4 мили, ниспадали с огромных высот в глубочайшие озера, полные камней, так что волна гигантской силы подхватывала корабли и разбивала их на мельчайшие куски. Мы же, стремясь предотвратить это, сняли [с кораблей] нашу поклажу и эти 4 мили ехали на лошадях и повозках, что позволяло нашим облегченным [кораблям] пройти это место. Когда мы снова сели на них, оказалось, что они частично разрушены и поломаны» [54, с. 335 – 336].¹⁷

Любопытно, что не знавший реалий Мсты датский посол счел обходной водный путь мстинских порогов уловкой своих русских провожатых: «Кроме того, наши приставы намеренно везли нас водным путем, [и мы] петляли более 30 миль, так что дорогу, которую на повозках можно проехать за один день, мы не могли преодолеть на веслах за два или за три дня, ведь нас везли по кривой линии, много раз [сворачивая] то на восток, то на запад, то на юг в зависимости от того, в какую сторону отходили рукава реки, так

¹⁶ Обход мстинских порогов в районе Боровичей назывался Нижний Волок – в отличие от Вышнего Волочка. По сравнению со стокилометровым нижним волоком 10-тиверстный верхний действительно был «волочком». В настоящее время судоходство на *машинной* тяге на Мсте возможно на 146 (в межень) – 160 км (весной по высокой

воде) от устья из 445 км общей протяженности реки, хотя, как такового, его нет. Боровичские пороги («Горная Мста») ныне являются местом водного туризма.

¹⁷ Сухопутная миля, которую здесь использует датский посол, составляет 4,4 км.

что для нас, плывших то вперед, то назад, не было ничего длиннее этого водного пути» [54, с. 336].

Обращает внимание то обстоятельство, что суда для этого плавания были *специально построены* для датского посольства, о чем сообщает сам Я. Ульфелдт [54, с. 335]. Это свидетельствует о том, что регулярного водного сообщения по Мсте в конце XVI в. не существовало, иначе бы в Вышнем Волочке, откуда начинался водный путь в озеро Мстино и вытекающую из него Мсту, имелся бы соответствующий судовой парк. При этом свой предыдущий путь вглубь России посольство проделало посуху по маршруту Новгород – Бронницы – Зайцево – Крестцы – Яжелбицы – Коломно – Вышний Волочек, двигаясь по большой ямской дороге западнее Мсты. На обратном пути, в среднем течении Мсты, ниже впадения в нее реки Белой (в 221 км от устья) датское посольство встретило идущие вверх по реке суда с ливонскими пленными (в это время шла Ливонская война). Как отмечал Ульфелдт, суда с пленными тянули вверх по течению лошади [54, с. 338]. Что подтверждает невозможность взводного плавания по Мсте иначе, как при помощи гужевой тяги берегом.

Любопытно, что автор статьи о Мсте в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Д. И. Рихтер сначала указывает, что «река судоходна на всем протяжении», но в конце статьи вскользь добавляет, что суда и плоты с грузами идут вниз по течению [47, с. 102]. Такое лукавство понятно: ведь если взводного судоходства по Мсте никогда не существовало, это сразу ставит под удар ее освоение скандинавами. Ведь они-то могли попасть в Мсту только с устья – через Волхов и Ильмень, но как раз этот водный путь вверх по реке и был невозможен!

К сожалению, Ульфелдт ничего не говорит о том, кто проводил посольские корабли через пороги. В то время как автор XIX в. вынужден был отметить, что «несмотря на все сделанные улучшения, судоходство по Мсте и по настоящее время опасно и в Боровичских порогах невыносимо без опытных лоцманов» [47, с. 101 – 102]. Значительную часть мужского населения Опеченского Посада и Боровичей составляли лоцманы, проводившие суда через пороги. Но это означает, что и сплавное плавание по Мсте могло обеспечить только обученное с малых лет местное население. Чужакам-пришельцам такая задача была не под силу.

Впрочем, и с лоцманами сплав по Мсте не всегда заканчивался благополучно. По статистике XIX в., когда Мста активно использовалась как составная часть Вышневолоцкой водной системы, за сезон на Боровичских порогах разбивалось до 200 барок [18, с. 41].¹⁸ Работа на порогах находилась и для женщин. Вот как описываются превратности плавания по Мсте в «Курсе гидрографии» 1840 года: «Иногда в барке делается течь оттого, что она, как змея, вьется по порогам и трещит во всем своем составе и теряет конопать. Места, на которых такие несчастья чаще случаются, известны, ниже их сидят целые толпы баб и девок с ведрами, и ожидают только знака, чтобы вспрыгнуть на барку, скользящую подле самого берега, и откачивать из нее воду». «Если же барка совершенно разобьется и ее всю разнесет, тогда всяк спасается, как может» [28, с. 98].

Любопытно было бы представить славянских баб с ведрами, поджидающих скандинавские суда для откачки воды на порогах. Учитывая тот ужас, с которым датчанин XVI века описал свое путешествие вниз по Мсте и особенно ту тоску, которую навел на потомков викингов водный путь в обход Боровичских порогов, вряд ли в древности было больше любителей экстремального туризма. Гребное судоходство вверх по Мсте, судя по всему, осуществлялось до Бронниц (в 27 км от устья), где находился ям (почтовая станция) и откуда начиналась сухопутная дорога на Вышний Волочек, Торжок и Тверь, более короткая и безопасная, чем речной путь.¹⁹ Регулярное использование этой реки именно как *водной* артерии стало возможным лишь в увлажненный период и в эпоху централизованного государства, способного организовать и лоцманскую службу, и гужевой транспорт для транспортировки судов вверх по реке.

При оценке возможностей древней навигации по Мсте следует учитывать специфику функционирования Вышневолоцкой системы в этом ее центральном звене. Караваны судов пропускались по Мсте в три приема: весной, летом и осенью. Такой режим был связан с необходимостью накопления воды в резервных водохранилищах, которые трижды за навигационный сезон сбрасывали воду в Мсту. Спуск воды из многочисленных искусственных резервуаров (Мстинского, Уверского, Березайского, Осугского, Березовского, Рудневского, Яцинского, Пудорского и др.) позволял поднять уровень воды в Мсте до

¹⁸ Правда, учитывая, что ежегодно в Петербург по Вышневолоцкой водной системе проходило до 5,5 тысяч барок, это небольшая величина – менее 4 %.

¹⁹ Об этом свидетельствует, в частности, маршрут датского посольства 1578 г. Главные чины посольства отправились из Новгорода водным путем, остальные «в повозках и верхом» сухопутной дорогой до Бронниц. Ночью того же дня обе части посольства соединились в

Бронницах, откуда уже сухим путем проследовали дальше. Путь от Новгорода до Вышнего Волочка занял 7 дней (4 – 11 августа), а обратная дорога вниз по Мсте – 11 дней [54, с. 309, 500]. Таким образом, плавание вниз по быстрой реке занимало в полтора раза больше времени, чем путь на лошадях. По тому же маршруту Бронницы – Крестцы – Яжелбицы – Коломно следовало в 1634 г. голштинское посольство. До Бронниц оно добиралось водой [42, с. 24 – 27].

судоходного состояния [39, с. 350]. Через *искусственное наполнение* реки горизонт ее поднимался перед порогами у Опеченского посада более чем на сажень (более 2 м), а на самих порогах – не более чем на аршин (70 см). При затворе же водохранилищ глубина на Боровичских порогах составляла всего от 2 до 8 дюймов (5 – 20 см), а на расположенных ниже Потерпилицких – 5 футов 4 дюйма (1,6 м) [28, с. 97 – 98].

Таким образом, судоходство на Мсте в период ее транспортного использования поддерживалось исключительно *искусственным путем* – за счет сброса воды в реку из рукотворных накопительных водохранилищ. Поддержание хотя бы сплавного судоходства на Мсте потребовало создания сложной системы каналов, шлюзов, бейшлотов (плотин со шлюзами для спуска воды), водохранилищ, не говоря уже о масштабных работах по расчистке русла, срезанию мысов, засыпке подводных ям, срытию нависших берегов, устройству упругих противоударных заплав [28, с. 98 – 99]. До создания Вышневолоцкой системы мстинские пороги были непроходимы даже для небольших по размерам и имевших малую осадку средневековых судов. Отсюда следует, что в период водного минимума VIII – XI вв. Мста была совершенно недоступна для судоходства – не только взводного, но и сплавного. Многочисленные пороги: Ножкинские, Басутинские, Боровичские и Потерпилицкие, – делали плавание по этой реке не то, что рискованным, а просто невозможным. Чтобы река стала непроходимой даже для мелкосидящих судов, достаточно, чтобы зеркало вод стояло на 1,5 м ниже, чем в XIX в. При таких условиях Мста на многих участках своего верхнего и среднего течения представляла собой каменистый ручей. Но даже в период водного максимума гребное взводное плавание по Мсте было невозможным. Советский географ С. В. Бернштейн-Коган в специальном очерке о Вышневолоцкой водной системе подчеркивал, что движение по Мсте весь период ее транспортного использования оставалось односторонним. Прошедшие к Петербургу суда не возвращались из-за невозможности хода вверх по мстинским порогам. Несмотря на неоднократные попытки отыскать возможность обратного водного пути, вопрос о взводном судоходстве по Мсте так и остался неразрешенным [1, с. 52 – 53].

Тем не менее, вопреки фактам, в научной среде до сих пор упорно держится мнение, что Мста служила главным путем для скандинавов на Волгу. Так, доктор исторических наук Е. А. Мельникова в совместной монографии с доктором исторических наук И. Г. Коноваловой утверждает, что главным путем из Ильменя в Волгу служил путь по Мсте, «которая через волоки соединялась с Мологой,

притоком Волги» [24, с. 67]. Однако сторонники мстинского пути нигде не пояснили, каким образом скандинавы могли пройти на гребных судах вверх практически по горной реке?²⁰ Как они умудрялись пройти Боровичские пороги, до XVIII в. непроходимые даже при сплавном движении? В VIII – XI вв., когда уровень рек и озер был ниже современного, Мста с ее порогами была совершенно непригодна для судоходства, и движение могло осуществляться в лучшем случае *вдоль* реки, но не по реке. О том, что путь по Мсте и в новгородское время оставался сухопутным, неслучайно свидетельствует сохранившаяся «Выпись из Новгородских изгонных книг», где вдоль Мсты указана *ямская дорога* от Новгорода до Вышнего Волочка [8, с. 298].²¹ Следовательно, *водного транзита по Мсте в направлении из Ильменя в Волгу никогда не существовало*. В эпоху викингов трудно допустить даже сплавное плавание по этой реке, так как оно было возможно лишь в период весеннего паводка, а таковой вряд ли бывал при малоснежных и коротких зимах. На порогах же река была несудоходна вообще. В любом случае, на протяжении всей известной нам истории плавание по Мсте оставалось исключительно сплавным, а не взводным. Значит, водный путь по Мсте с Ильменя вглубь материка был для скандинавов закрыт.

Ловать. Столь же непригодной для судоходства в среднем и верхнем течении была и река Ловать. Считается, что именно по этой реке проходил путь «из варяг в греки», так как Ловать указана в знаменитом описании этого пути в Повести временных лет («а из Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое»). Однако скандинавы-то должны были плыть не с Днепра на Ловать, а с Ловати на Днепр. Попытка в 1996 г. пройти *вверх* по этой реке на парусно-гребном судне «Айфур», построенном по типу шведских кораблей викингов (с клинкерной обшивкой и килем), закончилась для экспериментаторов плачевно: при прохождении порогов в среднем течении Ловати у судна был сломан киль, и далее его пришлось везти автотранспортом.

Перипетии этого похода 1996 г. довольно подробно описаны одним из его участников – петербургским археологом П. Е. Сорокиным. Без каких-либо затруднений «Айфур» удалось пройти по Ловати только до пос. Парфино (в 30 км от устья). Но уже от Парфино до г. Холма (192 км от устья) помимо каменистых порогов достаточно часто встречались песчаные мели на всю ширину реки, которые приходилось преодолевать, переволакивая судно по наиболее глубокой части русла. На порожистых участках применялась другая, весьма трудоемкая, операция: вещи

достигалось лишь за счет искусственного наполнения реки.

²¹ См. также приложенную к статье карту, составленную И. А. Голубцовым на основе информации изгонных книг.

²⁰ Скорость течения Мсты в порогах – от 8 (в межень) до 24 км/час (в половодье). На остальных участках 3 – 5 км/час. Это параметры горной реки. Еще раз подчеркнем, что прохождение судов вниз через мстинские пороги в XVIII – XIX вв.

выгружались, часть команды подтягивалась на закрепленном выше порога канате и отталкивалась шестью от берега. Другая часть, стоя в воде, толкала судно вперед, не давая течению разворачивать и сносить его. В случае прохождения мелководных участков и при посадке на мель судно накренилось на один из бортов для уменьшения осадки и толкалось до глубокой воды.

Однако и такой – удобный, по мнению историков, – способ передвижения вскоре закончился. Выше г. Холма река стала совсем непроходима: при переволакивании через один из каменных порогов у судна был сломан киль. После буксировки судна на колесах до с. Сопки выяснилось, что не только Ловат, но и ее приток река Кунья, откуда имеются выходы на притоки Двины реки Усвячу и Торопу, тоже непроходима для «Айфура». В итоге судно было перевезено автотранспортом в приток Западной Двины реку Усвячу. Таким образом, трехсоткилометровый (!) отрезок пути по Ловати (при 530 км общей протяженности реки) и волок в приток Западной Двины р. Усвячу судно не проходило. Второй волок между Двиной и Днепром протяженностью 65 км «Айфур» транспортировали по шоссе на колесной тележке, причем без снаряжения и продуктов, которые тоже везли автотранспортом [50, с. 300 – 302].

Казалось бы, поход на «Айфуре» наглядно показал, что даже в более обводненном XX в., при уровне воды на 3 – 4 м выше, чем в эпоху викингов, среднее и верхнее течение Ловати оказалось непроходимым для небольшого восьмивесельного суденышка с осадкой всего 0,5 м! При этом судно двигалось порожняком, не везя никакого груза. Сторонник скандинавской навигации П. Е. Сорокин объяснял неудачу обмелением реки, особенно усилившимся в последние десятилетия, указывая на то, что еще в середине XIX в. даже верховья рек Ловати, Куньи и Сережа были судоходны. Правда, судоходство для грузовых судов было возможно только на время весеннего половодья, которое в верховьях продолжалось до 3 недель после вскрытия рек, а в низовьях – от двух и даже более месяцев, когда уровень Ловати поднимался на 5 – 10 м. Поэтому Сорокин предположил, что плавание по Ловати в древности по пути «из варяг в греки» осуществлялось в весеннее время, когда в результате значительного подъема воды мелководные и порожистые участки оказывались проходимы [50, с. 302].

Однако он не уточнил – в какую сторону было возможно это плавание в период половодья. В источниках, на которые ссылается Сорокин, речь идет исключительно о сплаве движении судов с

грузами. Учитывая бурные паводки на Ловати, взводное движение гребных судов было возможным разве что в нижнем течении, а сплавное плавание (из внутренних областей материка к Ильменю) исключало инициативу и участие скандинавов. При этом Сорокин, как и все сторонники скандинаво-византийской торговли, игнорирует археологические данные, свидетельствующие о более низком стоянии воды в период климатического оптимума VIII – XI вв. Обходит он молчанием и то обстоятельство, что современное падение уровня воды в водоемах Северо-Запада на фоне очередной фазы потепления климата еще далеко не достигает показателей водного минимума VIII – XI вв., а потому предоставляет более благоприятные условия для судоходства по русским рекам, чем в эпоху викингов.

Хотя еще в 1992 г. коллега П. Е. Сорокина, петербургский археолог А. М. Микляев, задавался вопросом: «возможно ли вообще было в VIII – XI вв. плавание по рекам Восточной Европы даже на самых малых варяжских судах»? Приведя археологические свидетельства низкого стояния воды в водоемах Северо-Запада, он приходил к выводу, что «не может быть и речи о плавании в I – начале II тыс. н. э. по Усвяче и особенно Ловати, изобилующей порогами и перекатами». Подчеркнув, что «никогда никакие суда», даже в обильном водой XVIII в. не поднимались *вверх* по Ловати по причине тянущихся чуть ли не на 200 верст порогов, Микляев приходил к заключению, что в эпоху викингов плавание по пути «из варяг в греки» было невозможным «из-за отсутствия воды для прохода даже небольших судов» [37, с. 134 – 136].

Итак, выясняется, что в силу физико-географических особенностей впадающих в Ильмень рек, транзитного *водного* пути из Ильменя к Волге и Днепру в эпоху викингов не существовало. Движение в этом направлении (от устьев к верховьям Мсты и Ловати) было сухопутным и могло осуществляться только вдоль берега этих рек (по крайней мере, в их среднем и верхнем течении). Ссылка на судоходство по Ловати в XIII в. (на основании сообщения НПЛ под 1234 г. о походе в насадах новгородского князя Ярослава Всеволодовича)²² не учитывает радикального изменения гидрологической обстановки в связи с похолоданием и резким увеличением водности на территории Русской равнины. К тому же осуществлялось оно на русских насадах – плоскодонных судах, предназначенных для плавания по мелководным русским рекам.

²² Новгородская первая летопись старшего извода сообщает под 6742 (1234) о погоне новгородцев за литвой, совершившей нападение на г. Русу: «Князь же съ новгородыци въседавъше въ насады, а инии на конихъ, поидоша по нихъ [за литвой – П. Ф.] по Ловоти; и яко быша у Моравиина, и въспятишася лодыници оттоле въ городъ, и князь я отпусти: не

достало бо у нихъ бяше хлеба; а самъ поиде съ коньники по нихъ» [41, с. 73]. Еще З. Ходаковский считал это летописное известие подтверждением существования водного пути по Ловати. Однако часть новгородского войска двигалась по берегу Ловати на конях, что доказывает существование сухого пути вдоль реки.

Днепр. Вопреки общепринятому мнению, Днепр тоже не был удобной для судоходства рекой. На Днепре было два порожистых участка, которые представляли серьезные препятствия для плавания. Первый из них начинался несколько ниже Смоленска и заканчивался у города Орша. Длина его составляла 70 – 80 км. В начале XX в. инженер-гидролог Н. И. Максимович указывал от Смоленска до Орши 40 каменных гряд и одну мель (не считая отдельных крупных камней), а ниже Орши до Могилева – 11 мелей и 6 каменных гряд [33, с. 28 – 40]. Наиболее опасным был порог Кобеляки, расположенный в 5 км выше г. Орши. Русло реки здесь сужалось до 20 – 22 м, а в воде имелось много камней. Глубины в реке часто менялись: во время коротких летних паводков прибыль и убыль воды следовали так быстро, что прибывшая вода иногда в течение суток спадала более чем на 70 см. При таких условиях суда рисковали и при не очень отдаленном рейсе не дойти до места назначения. Как отмечал Н. Максимович, этот участок реки был мало судоходным, по причине недостатка воды в течение большей части навигационного времени и вследствие каменистого дна, усеянного сплошь валунами и грядами гравия, что делало плавание даже самых малых лайб небезопасным. Кроме времени весеннего паводка в апреле-мае, в течение остального периода навигации судовладельцы в XIX – начале XX вв. почти не пользовались речным путем между Смоленском и Оршей [32, с. 317, 217].

Судя по отсутствию археологического материала, в древности участок от Смоленска до Лоева (вблизи устья р. Сож) не использовался вообще. Помимо порогов, река здесь сильно петляет, в два-три раза удлинняя путь. Ниже Могилева находится один из наиболее извилистых участков в течении Днепра, так называемые Таймановские крючки [32, с. 206]. Избегать верхнеднепровских порогов и меандров предпочитали по левому притоку Днепра – реке Сож, верховья которой близко подходят к верховьям Днепра в районе Гнездова. Короткий волок из Сожа в Днепр вел к расположенному на правом берегу Днепра Гнездову (и сменившему его затем чуть выше Смоленску). Оттуда сухим путем попадали на левые притоки Западной Двины: реки Касплю и Межу.

Еще большее препятствие для плавания представляли знаменитые Днепровские пороги: 70-километровый участок в среднем течении Днепра, где русло реки в нескольких местах пересекают выходы твердых кристаллических пород. Ныне пороги скрыты под водой плотиной ДнепроГЭС. В середине X в. византийский император Константин Багрянородный описал семь порогов, в XVII в. их насчитывали двенадцать-тринадцать, в XIX –

начале XX вв. девять или десять.²³ Наиболее опасным был Ненасытецкий порог. Кроме сплошных гряд камней, которые перегораживали русло реки на порогах, суда подстерегали также отдельные надводные и подводные камни, лавировать между которыми при большой скорости течения было крайне трудно. Движение вверх сквозь пороги было невозможным, суда приходилось разгружать и проводить вдоль берега (а при небольших габаритах переносить их в обход порогов по высокому и крутому правому берегу реки). Но, как свидетельствует рассказ К. Багрянородного, и вниз по течению Днепра даже маломерные и плоскодонные древнерусские суда подвергались такой же процедуре: «у этого порога они причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и неся груз, входят сами и снова отплывают». Остальные пороги росы преодолевали аналогичным образом: выгрузив людей и раздевшись догола, они проводили ладьи вдоль берега [25, с. 47 – 49].²⁴ Как видим, и днепровский путь, по которому осуществлялся интенсивный торговый обмен между Киевом и Константинополем, был весьма далек от идеальных условий плавания. Он требовал хорошего знания реки и опыта в ее использовании.

Западная Двина. Много порогов было и на Западной Двине. Они располагались тремя основными группами: Дисненские (при впадении в Двину реки Дисны), Динабургские и самые опасные – Якобштадские или Кокенгаузенские, которые тянулись до самой Риги [13, с. 19].²⁵ Кроме того, существовали еще незначительные Вержульские пороги в верхнем течении реки в районе села Дубна. Общее количество порогов на Западной Двине превышало сотню. Один только сухой перечень препятствий для судоходства в русле Западной Двины: островов, мелей, порогов и камней, – занимает в фундаментальном труде витебского краеведа А. П. Сапунова почти 20 страниц, а описание самих порогов – 10 страниц [49, с. 165 – 183, 150 – 160]. Главные из двинских порогов – Кокенгаузенские – насчитывали 62 порога, последние из которых (Болванцы, Пробор, Руммель и Череп) заканчивались в 10 – 15 км выше Риги [49, с. XXIV – XXV].

Кроме порогов и мелководья, судоходство на Двине затруднялось мелями и косами, крутыми поворотами и отдельными булыжными камнями

²³ Причина этих расхождений не вполне ясна. Советские гидрографы Л. Л. Ильина и А. Н. Грахов полагали, что они вызваны субъективизмом восприятия разных наблюдателей и различной водностью реки [19, с. 148].

²⁴ Византийская миля – 1574 м. Шесть византийских миль – это 9 км по пересеченной местности с грузом [25, с. 324, прим 39].

²⁵ Якобштадт (ныне Екабпилс) расположен примерно в 135 км выше Риги.

(одинцами), наносимыми с берегов весенним льдом. Порожистые участки для крупных судов были проходимы только во время весеннего половодья (в апреле-мае). В другие месяцы товары приходилось перегружать на более мелкие суда. Большая часть сплавляемых по Двине барок и стругов были судами одного рейса: по прибытию в Ригу их продавали на дрова. Подняться обратно вверх по реке большие грузовые суда не могли. Весной взводное судоходство было невозможно, так как высокая вода затопляла бичевник, а после ее спада мешало мелководье и многочисленные пороги. При этом даже самые крупнотоннажные суда, ходившие по Двине, имели крайне незначительную осадку: плоскодонные струги с грузом – 18 – 20 вершков (80 – 90 см), шкуты – 12 вершков (54 см) [13, с. 19], что не превышает осадку средневековых судов. Поднимались обратно вверх по Двине немногие суда. Однако путь этот был долог и труден. Если сплавное плавание весной от Полоцка до Риги занимало всего 8 – 10 дней (от Витебска 11 – 14, от Велижа 13 дней), то обратная тяга бечевой продолжалась до 4-х месяцев! В зависимости от типа судна, для его тяги вверх по реке требовалось от 10 (для малой лайбы) до 112 (для шкута) рабочих [49, с. 353 – 357].

Эти цифры дают возможность оценить шансы взводного плавания по Западной Двине для скандинавских судов в период водного минимума VIII – XI вв. Путь по Двине преграждали многочисленные мели и пороги, на преодоление которых даже в более обводненные периоды требовалось несколько месяцев. Что Двина (за исключением приустьевой части) была практически недоступна для проникновения скандинавских судов, показали провальные для норманистов результаты экспериментального плавания, предпринятого в июле 1992 г. в рамках совместной российско-норвежской экспедиции Austerveg («Восточный путь») по Западной Двине на корабле *Navorn* («Морской орел»). «Хаворн» представлял собой уменьшенную копию скандинавского драккара, длиной 50 футов (15 м), построенную в *Осло* по чертежам судна «Гокстад» 900 г. н. э. Предполагалось, что «Хаворн» пройдет по Двине до двинско-днепровских волоков, а на Днепре, соединившись со второй частью экспедиции, проследует в Черное море. Однако судно смогло дойти лишь до Даугавпилса (примерно в 230 км от Риги). Выше по течению речные мели не позволили продолжить плавание, и до Днепра «Хаворн» пришлось везти по железной дороге [50, с. 299].²⁶

Несмотря на свое громкое название, перелететь через двинские мели «Морской орел» не смог. При этом следует учитывать, что физические условия судоходства на Западной Двине, как и на других реках Восточноевропейской равнины, за последние 300 лет значительно улучшились. С XVIII в. на Двине неоднократно производились работы по расчистке реки. В начале XIX в. французский эмигрант граф Клермонт-Тоннер в записке об исправлении Двины (1806 г.) отмечал, что к настоящему времени уже вытасчено из Двины 500 – 600 тыс. больших камней [49, с. 190]. Так что «Хаворн» не смог уплыть дальше Латвии уже по весьма окультуренной реке.

Более того. Организаторы экспедиции Austerveg умолчали о главном – в настоящее время порогов на Двине нет. Целый каскад гидроэлектростанций (из Рижской, Кегумской и Плявиньской ГЭС) позволил поднять уровень воды в реке до безопасного для судоходства состояния. Главная роль здесь принадлежит Плявиньской ГЭС, после сооружения которой (1961 – 1966 гг.) уровень воды повысился на 40 м, и весь порожистый участок был затоплен водами Плявиньского водохранилища [61]. Учитывая, что условия судоходства на Западной Двине в настоящее время радикально изменены, сама идея показательного плавания скандинавского судна с самого начала являлась откровенным надувательством. Но природу не обманешь. Там, где природный ландшафт оказался сохранен,²⁷ «Хаворн» после «отчаянной борьбы с мелями» был благополучно перевезен на Днепр, где благополучно проплыл по водам Киевского, Каневского, Кременчугского, Днепродзержинского, Запорожского и Каховского водохранилищ до самого Черного моря.

Вообще вся затея с «экспериментальными» плаваниями по «древним» маршрутам является бессовестным обманом многомиллионной аудитории, поскольку на основных реках Русской равнины прежних условий судоходства уже не существует. Днепр, Западная Двина, Волга, Волхов на значительной части своего течения зарегулированы плотинами, а плавать по водохранилищам может и океанский лайнер. Тем более показательно, что даже в уменьшенной копии, при более высоком горизонте реки и при отсутствии порогов судно скандинавской конструкции смогло пройти вверх по Двине только 230 из 1020 км, так и не дойдя до двинско-днепровских волоков. Нас же хотят уверить, что в эпоху викингов, в условиях водного минимума, скандинавы чуть ли не ежегодно совершали

²⁶ См. также материал о целях и результатах этой экспедиции на сайте смоленского спортивно-экспедиционного клуба Викинг-Нево: «Navorn I Austerveg» – Викинги на восточном пути [62]. При этом в размещенной на сайте информации провальность результатов «Аустервега» для сторонников норманнской теории тщательно затушевана, а подробности скрыты.

²⁷ Строительство Даугавпилсской ГЭС (1979 – 1987 гг.) было прекращено по причине создания природного парка Даугавас локи («Двинские излучины»), с целью сохранения уникального природного ландшафта древней долины реки с 8 живописными меандрами.

плавания по «дикой» Двине вплоть до Днепра! Тогда как даже в более обводненном XIX в. взводное плавание небольшой парусной лайбы от двинских порогов до Витебска занимало несколько месяцев.

Были пороги и на других реках, по которым осуществлялось водное передвижение: Луге, Тверце, Сяси, Свири, Тихвине, Чагодоше, Онеге, Шексне, Днестре. Но даже на тех реках, где не было порогов, имелись препятствия другого рода: перекаты и мели. Они не были так опасны для судоходства, как пороги, где нередко гибли суда, но крайне затрудняли плавание. От них не были избавлены даже такие крупные и полноводные реки, как Волга, Дон, Ока и Северная Двина. В частности, на Волге общая длина мелей и перекатов в середине XIX в. составляла почти 90 верст. Чрезвычайно затруднено было судоходство на Дону. Эта река создавала особенно много песчаных наносов, образующих многочисленные мели. Как и на Волге, их конфигурация ежегодно менялась: река размывала старые мели и образовывала новые. Глубины здесь были очень низкие, а участок от современных Богучар до Калача считался в XIX в. несудоходным. Немало мелей находилось на Оке [15, с. 112].

Таким образом, широко растиражированный в научной и популярной литературе тезис об удобстве восточноевропейских водных путей на поверку оказывается очередным историческим мифом. В действительности плавание по мелководным, порожистым, изобилующим мелями русским рекам было чрезвычайно неудобным, рискованным и значительную часть судоходного периода просто невозможным делом. Даже по таким крупным рекам, как Днепр, судоходство на всем протяжении реки осуществлялось только в период весеннего половодья в апреле-мае.²⁸ Но из-за специфических условий Днепра оно носило столь экстремальный характер, что давало основание стороннему наблюдателю характеризовать его как «мучительное и страшное,

невыносимое и тяжелое плавание» [25, с. 51]. Эта оценка гораздо адекватней характеризует условия русского судоходства, чем восторженные дифирамбы кабинетных историков.

Причина появления мифа о доминировании водных коммуникаций в древнерусский период понятна. Историки XIX века, которые выступили застрельщиками в пропаганде этой идеи, смотрели на древнюю Русь сквозь призму ближайших к ним исторических реалий XVIII – XIX вв. Именно в этот период водный транспорт действительно стал преобладающим средством сообщения (при отсутствии до второй половины XIX в. железных дорог и крайне незначительной сети шоссейных). Потребности в грузовых перевозках огромной империи многократно возросли, что заставило власть искать решения проблемы. Оно было найдено в использовании водного транспорта. Благодаря проведенным масштабным работам по строительству каналов, расчистке русел, строительству сложных гидротехнических сооружений в виде плотин, шлюзов и водохранилищ, вся Русская равнина оказалась соединенной сетью водных путей сообщения.²⁹ Эту ситуацию доминирования водного транспорта в имперский период XVIII – XIX вв. историки спроецировали на догосударственную и раннегосударственную эпоху, отстоящую от них на тысячу лет, не особенно вникая при этом в конкретные физико-географические характеристики русских рек и совершенно не принимая в расчет циклические изменения климата и социальные условия судоходства. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что источниковой базой для исследователей служили прежде всего письменные известия, относящиеся к хорошо обводненному периоду позднего средневековья.

Утверждению догмы о преимущественно водном передвижении по Русской равнине в I тыс. н. э. способствовало и господство норманистских воззрений на происхождение древнерусского государства. Чтобы расчистить путь для

²⁸ В остальное время – лишь в среднем течении Днепра от Киева до порогов. Хотя в засушливые годы навигация и на этом отрезке становилась невозможной из-за многочисленных мелей. Гетман Мазепа 6 октября 1708 г. сообщал графу Головкину, что вследствие необычайной суши во многих местах Днепр так обмелел, что его проезжают вброд на лошадях. О переходе Днепра вброд в сухие годы имеются сообщения от 1811, 1836, 1846 гг. В 1815 г. командированный Министерством путей сообщения чиновник доносил в департамент, что Днепр имеет много мелей, на которых летом в сухие годы половину груза нужно выгружать и обвозить кругом по берегу, расчаливая даже плоты из 2 – 3-х рядов бревен. Вода падает летом на ряде мелей до 2 футов (60 см), и судам неделями приходится ожидать прибыли воды. Между Киевом и Кременчугом насчитывалось 12 мелей, с глубиной на некоторых весной всего 1 аршин (71 см) [44, с. 12].

²⁹ С начала XVIII в. в Российской империи развернулось интенсивное строительство каналов и других гидротехнических сооружений, которые позволили создать несколько водных систем, объединивших в единое целое бассейны всех крупных рек Восточноевропейской равнины. Первой из них стала Вышневолоцкая система, связавшая Волжский бассейн с реками балтийского региона, а столицу империи – с центральными районами страны. Она включала каналы: Вышневолоцкий (1703 – 1721), Ладужский (1718 – 1730), Сиверсов (1798 – 1803), Вишерский (1826 – 1836). Кроме Вышневолоцкой, Волгу с Балтикой соединили Мариинская (1799 – 1810) и Тихвинская (1802 – 1811) системы. Огинская система (1797 – 1804) соединила Неман с Припятью и Днепром; Березинская (1797 – 1805) – Днепр с Западной Двиной; Северо-Двинская (1825 – 1828) – Волгу с Северной Двиной; Днепро-Бугская (1837 – 1848) – Днепр с Западным Бугом [15, с. 125 – 126].

мореходов-скандинавов, и был запущен тезис об «удобстве» водных путей и «идеальности» русских рек как средств торгово-транспортной коммуникации. В действительности анализ письменных источников X – XIII вв. – арабских, русских и скандинавских – неопровержимо доказывает, что и военные, и торговые передвижения на просторах Восточной Европы происходили преимущественно по сухопутным дорогам, а по рекам и озерам – зимой, во время ледостава, когда озерно-речная сеть действительно становилась удобным путем для транспортировки людей и грузов.³⁰ Водное движение по большинству русских рек осуществлялось лишь в период половодья (от 3 недель до 2 месяцев) и было сплавным – от верховьев к устьям. Движение вверх по большинству рек было недоступным не только для килевых скандинавских, но чрезвычайно трудоемким и для плоскодонных русских судов. Даже те исследователи, которые были уверены в преобладании на Руси водных средств коммуникации, отмечали, что «если была возможность, путешественники старались при движении вверх по реке воспользоваться вместо водного пути гужевой дорогой» [15, с. 113]. В период централизованного государства для взводной транспортировки судов широко использовалась гужевая тяга при помощи лошадей, а в имперский период лошадей в этой функции часто заменял более дешевый труд бурлаков. В более ранние периоды данных о применении на реках бурлацкой или лошадиной тяги нет.

Что касается участия скандинавов в освоении речных коммуникаций Восточной Европы, этот миф был окончательно развеян провальными для норманистов результатами экспериментальных плаваний конца XX – начала XXI вв. Даже для уменьшенных и облегченных (без груза) копий древнескандинавских судов путь по русским рекам оказался непроходим, – несмотря на то, что суда не сталкивались с проблемой преодоления несуществующих сегодня невских, волховских, двинских и днепровских порогов. Впрочем, об этом давно и неоднократно – на основании сопоставления технических параметров кораблей викингов и гидрологических характеристик русских рек – писали представители антинорманистского лагеря [17, с. 148 – 193; 12, с. 173 – 181; 31, с. 385 – 388]. Несмотря на исчерпывающий характер их аргументации, приверженцы пангерманизма продолжают упорно твердить о пролонгации освоенной скандинавами «Балтийской коммуникационной системы на восток сначала по Балтийско-Волжскому пути вплоть до Волжской Булгарии, Хазарии и стран халифата», а затем по Днепровскому пути до Византии [24, с. 47].

Факты убеждают в обратном: водного транзита с Балтики на Волгу и Днепр никогда не существовало. Сама природа речной сети

препятствовала в древности проникновению вглубь материка чужеродных пришельцев с Балтики. Можно полностью согласиться с выводом Л. П. Грот, что освоение обширных речных систем и развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении шло из внутренних областей материка к побережью Балтийского моря, то есть с востока на запад, а не с запада на восток [12, с. 181]. Имеющийся археологический материал позволяет проследить и реконструировать эти древние торговые маршруты. Но для этого нужно перейти из области зыбких норманистских фантазий на твердую почву реальных географических и археологических фактов.

Список литературы

1. Бернштейн-Коган С. В. Вышневолоцкий водный путь. М., 1946. 70 с.
2. Вологодско-Пермская летопись // ПРСЛ. Т. 26. М., 2007. 416 с.
3. Волхов // БСЭ. 1-е изд. Т. XII. М., 1928. Стб. 822.
4. Волховские пороги // Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи Т. 1. СПб., 1863. С. 534.
5. Воронин Н. Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 1. Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 280 – 314.
6. Верзилин Н. Н., Клейменова Г. И. Проблема существования Невы в голоцене // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2010. Вып. 4. С. 74 – 82.
7. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд. МГУ, 1988. 430 с.
8. Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI – XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. Вып. XX. М., 1950. С. 271 – 302.
9. Горелова Э. М., Кирилова В. А., Распопов И. М. Ладога. Л.: Лениздат, 1974. 142 с.
10. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. 408 с.
11. Громов В. И., Шаскольский И. П. Приозерск. Л.: Лениздат, 1976. 158 с.
12. Грот Л. П. Прерванная история русов. Соединяем разделенные эпохи. М.: Вече, 2013. 184 с.
13. Двина Западная // Семенов П. Географическо-статистический словарь. Т. II. СПб., 1865. С. 17 – 21.
14. Джаксон Т. Н. «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посередине» // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 37 – 44.
15. Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.: Наука, 1983. 255 с.

³⁰ Материал письменных источников см.: [57, с. 120 – 122].

16. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело допетровской Руси. Казань, 1910. 464, 27 с.
17. Звягин Ю. Ю. Путь из варяг в греки. Тысячелетняя загадка истории. М.: Вече, 2009. 240 с.
18. Ильина Л. Л., Грахов А. Н. Волхов. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 120 с.
19. Ильина Л. Л., Грахов А. Н. Повесть о великих реках Русской равнины. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 168 с.
20. Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 476 с.
21. Квасов Д. Д., Назаренко В. А. О датировке максимума ладожской трансгрессии // История озер. Труды Всесоюзного симпозиума по основным проблемам пресноводных озер (25 – 29 мая 1970 г.). Т. 2. Вильнюс, 1970. С. 332 – 341.
22. Кириллова В. А., Распопов И. М. Озера Ленинградской области. Л., 1971. 151 с.
23. Книга Большому чертежу / Подг. к печати К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 229 с.
24. Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX – X веков. М.: Весь мир, 2018. 280 с.
25. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. 496 с.
26. Крохин В. П. История карел // Русская старина. 1907. № 9. С. 584 – 592.
27. Кузьмин С. Л. Волховские пороги в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 259 – 264.
28. Курс гидрографии Российского государства. Ч. 1. Естественное судоходство. Сост. для Института Путей Сообщения полковником Трофимовичем. [СПб.], 1840. 154 с.
29. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. 496 с.
30. Ладожское озеро и достопримечательности его побережья. Атлас / Ред. В. А. Румянцев. СПб.: Нестор-История, 2015. 200 с.
31. Лукошков А. В. Истоки и закономерности развития древнерусского судостроения // Скандинавизация и ее небылицы о русской истории. Сб. статей и монографий. М.: Русская панорама, 2015. С. 359 – 478.
32. Максимович Н. И. Днепр и его бассейн. Киев, 1901. 370, 30 с.
33. Максимович Н. И. Днепр и его бассейн. Приложение. Киев, 1901. 91, 15 с.
34. Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н. Новые данные по истории возникновения Невы // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. Сб. научных трудов. СПб., 1993. С. 74 – 84.
35. Марков К. К., Корецкий В. С., Шлямина Е. В. О колебаниях уровней Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1934. Т. 4. Вып. 1. С. 71 – 129.
36. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1986. 230 с.
37. Микляев А. М. Путь «из Варяг в Греки» (зимняя версия) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Тезисы науч. конф.). Новгород, 1992. С. 133 – 138.
38. Микляев А. М. Подводные археологические исследования озера Сенница в 1982–87 гг. // Сообщения государственного Эрмитажа. № 4. Л., 1990. С. 17 – 21.
39. Мста // Семенов П. П. Географическо-статистический словарь. Т. 3. СПб., 1867. С. 348 – 350.
40. Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 30. М., 2009. С. 147 – 205.
41. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. 720 с.
42. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. СПб., 1906. 582 с.
43. Олейников О. М. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 69 – 82.
44. Оппоков Е. В. Колебания водоносности рек в историческое время // Исследования рек СССР. Вып. IV. Л., 1932. С. 1 – 82.
45. Плечко Л. А., Сабанеева И. П. Водные маршруты СССР. Европейская часть. М., 1973. 184 с.
46. Рихтер Д. И. Ильмень // ЭСБЕ. В 86 т. Т. XII а. СПб., 1894. С. 946.
47. Рихтер Д. И. Мста // ЭСБЕ. В 86 т. Т. XX. СПб., 1897. С. 101 – 102.
48. Сакса А. И. Карельский перешеек – формирование природного и историко-географического ландшафта // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 35 – 44.
49. Сапунов А. Река Западная Двина. Историко-географический обзор. Витебск, 1893. 512 с.
50. Сорокин П. Е. Некоторые результаты археологических и экспериментальных исследований средневекового судоходства по пути «из варяг в греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 293 – 304.
51. Сорокин П. Е. Путешествие на ладье «Славия» вокруг Ладожского озера // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 438 – 453 с.
52. Списки населенных мест Российской Империи. Т. 37: Санкт-Петербургская губерния. По сведениям 1862 года. СПб., 1864. XLIX, 214 с.
53. Тилло А. А. Абсолютная высота озер Ладожского, Онежского и Ильменя. Падение р. Невы, Приладожских каналов и рр. Свири и Волхова. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1886. 37 с.

54. Ульфелдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. 615 с.
55. Федотова П. И. Андрей Боголюбский и Андрей Первозванный: «русский путь» апостола Андрея // *Sciences of Europe*. Vol. 3. № 49. Praha, 2020. С. 35 – 42.
56. Федотова П. И. Варяжские имена: от мифов к действительности // *Варяжские имена: от мифов к действительности* // *Восточно-европейский научный журнал*. № 55. Март 2020. Ч. 2. С. 40 – 51.
57. Федотова П. И. География против истории: был ли возможен торговый путь «из варяг в греки»? // *Свободная мысль*. 2019. № 1. С. 111 – 128.
58. Федотова П. И. Дунайский путь апостола Андрея // *Свободная мысль*. 2019. № 6. С. 5 – 24.
59. Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX – XIII вв. // *Географический сборник*. Вып. 3. М.; Л., 1954. С. 146 – 159.
60. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // *Записки Географического Общества СССР*. Т. 16. М.; Л., 1957. 337 с.
61. Западная Двина. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Западная_Двина.
62. “Havorn I Austerveg” – Викинги на восточном пути // Сайт смоленского спортивно-экспедиционного клуба Викинг-Нево. URL: <http://viking-nevo.narod.ru/rus/expeditions/havorn/index.html>; <http://viking-nevo.narod.ru/rus/expeditions/havorn/1992.html>.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 8
ГРНТИ: 16

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.718](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.718)

Аскеров Илькин

Диссертант кафедры

Азербайджанского языка и технологии преподавания

Азербайджанского Государственного Педагогического Университета,

г. Баку

FUNCTIONAL FEATURES OF SOME NON-PRODUCTIVE SUFFIXES OF RUSSIAN-EUROPEAN ORIGIN IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

АННОТАЦИЯ

Морфологически, словообразование имеет древнюю историю. Среди отраслевых морфем, вовлеченных в этот процесс, наряду с национальными суффиксами также развиваются суффиксы приобретенного происхождения. Однако использование суффиксов в азербайджанском языке появилось в связи с относительно поздним развитием истории языка. Среди таких суффиксов особую роль также играют суффиксы русско-европейского происхождения, они в основном используются вместе со словами производного происхождения. Развитие некоторых из этих форм в азербайджанском языке восходит к началу двадцатого века. Постпозитивные элементы русско-европейского происхождения, используемые в качестве суффиксов в азербайджанском языке, не гармонируют, написаны одинаково, нет фоновариантов. Более того, отраслевые морфемы, принадлежащие к этой группе, не способны образовывать глаголы. Таким образом, все постпозитивные элементы суффиксного символа, найденные в азербайджанском литературном языке, обладают способностью образовывать существительные или, скорее, существительные и прилагательные. В связи с этим слова, образованные этими морфемами, имеют особый вес с точки зрения изучения лексической структуры азербайджанского языка, особенно типов лексических значений существительных и прилагательных.

ABSTRACT

Morphologically, word creation has an ancient history. Among the branch morphemes involved in this process, along with national suffixes, suffixes of derivative origin also develop.

However, the use of suffixes in the Azerbaijani language appeared in connection with the relatively later development of the history of the language. Among such suffixes, they have a special role in suffixes of Russian-European origin, and are mainly used in conjunction with words of derived origin. The development of some of these forms in the Azerbaijani language dates back to the early twentieth century. Postpositive elements of Russian-European origin, used as suffixes in the Azerbaijani language, are not in harmony, they are written in the same way, phono variants are non-existent. Moreover, branch morphemes belonging to this group do not have the ability to form verbs. Thus, all the postpositive elements of the suffix character found in the Azerbaijani literary language have the ability to form nouns, or rather, nouns and adjectives. In this regard, the words formed by these morphemes have a special weight in terms of studying the lexical structure of the Azerbaijani language, especially the types of lexical meanings of nouns and adjectives.

Ключевые слова: аффиксы, корень, корректирующие слова, творчество слова, не продуктивные аффиксы, этимология, лексический суффикс, существительное, прилагательное, современный азербайджанский язык

Keywords: suffix, root, correction words, word creativity, non-productive suffixes, etymology, lexical suffix, noun, adjective, modern Azerbaijan language

Постановка проблемы. Сегодня современный азербайджанский литературный язык является одним из языков с богатым словарным запасом и оригинальной грамматической структурой. Несомненно, азербайджанский язык не внезапно достиг своего нынешнего уровня, развивался за тысячи лет, стал более стабильным и обрел свою нынешнюю форму. В этом смысле каждое слово в нашем языке возникло на определенной исторической стадии и прошло

эволюционный процесс. Обратите внимание, что не все слова в языке основаны на одинаковых критериях. Лингвистическое исследование производной системы азербайджанского языка показывает, что слова, из которых состоит словарь, формировались по-разному.

В лингвистической литературе эти способы и методы обычно делятся на три группы: лексические, морфологические и синтаксические, словообразование. Несомненно, все эти способы и

методы органически интегрированы друг с другом, и дериватология не может быть представлена без них. Нам кажется, что в процессе словообразования в современном азербайджанском литературном языке наиболее продуктивным методом после словообразования лексическим путем является морфологическое словообразование.

Древние письменные памятники, орхон-енисейские памятники, эпос «Китаби-Деде Коркуд», «Дивани-лугат ит турк» М. Кашгари, «Кутадгу Билик», «Дастани-Ахмед Харамид», «Огузنامه», такие респектабельные и ценные тексты, а также язык произведений таких выдающихся художников, как И. Насими, Г. Бурхандин, М. Физули, С. И. Хатаи, М. П. Вагиф, дает основание утверждать, что морфологически словообразование исторически было ведущим и продуктивным в обогащении словарного запаса языка. Подобная особенность наблюдается и в других турецких языках.

Изложение основного материала.

Морфологически суффиксы, используемые в словообразовании, делятся на национальные и производные суффиксы в зависимости от их происхождения. Производные суффиксы на азербайджанском языке классифицируются и изучаются в двух группах, которые также являются производными суффиксов арабско-персидского и русско-европейского происхождения. [7] Сами они отличаются по своим функциональным качествам. Следует также отметить, что широкое использование русско-европейских суффиксов в нашем языке восходит к прошлому веку.

По мере развития языковых отношений новые слова и новые форматы переходят на наш язык. Известно, что наиболее измененным отделом лингвистики является лексикология. Фонетическая и грамматическая структура языка менее изменчива, чем лексическая структура. Это связано с определенными причинами. Среди языков мира нет чистого языка. Все языки могут обещать друг другу. Сам этот процесс напрямую связан с развитием языка.

Со временем значительное развитие научно-технического прогресса, экономических и культурных связей, добрососедских отношений, социально-исторических событий, как и во всех областях, находит свое отражение в науке о языкознании. На самом деле это один из основных показателей существования языка. Поэтому невербальные языки постепенно вымирают и превращаются в мертвые языки. В связи с этим в дериватологической системе современного азербайджанского литературного языка особое значение имеют суффиксы русско-европейского происхождения. Следует отметить, что суффиксы русско-европейского происхождения играют важную роль в процессе морфологического словообразования в азербайджанском языке. Морфемы ветвей, принадлежащие к этой группе, отличаются от других суффиксов своей функциональностью. Таким образом, в нашем языке эти суффиксы в основном пишутся

одинаково, но в основном действуют как суффиксы, которые образуют существительные и прилагательные.

Кроме того, среди морфем ветвей в этой группе нет гербообразующих суффиксов. Как и другие суффиксы русского происхождения, суффиксы русско-европейского происхождения используются в азербайджанском языке только как словообразовательные суффиксы, среди которых нет суффиксов, меняющих слова. Подавляющее большинство суффиксов русско-европейского происхождения являются непродуктивными из-за их способности образовывать слова на современном азербайджанском литературном языке и образовывать ограниченное количество новых лексических единиц. Следует добавить, что такие суффиксы были включены в наш язык как отдельные производные, а затем получили статус суффиксов в соответствии с требованиями фонетических событий и законов, связанных с развитием языка. Принимая во внимание этот аспект, М. Гусейнзаде, лингвист, изучающий морфологическую структуру азербайджанского языка, пишет: «Мы можем считать слово, производное от другого языка, правильным словом, если его корень существует и используется в азербайджанском языке как отдельное слово» [5, с.29]

Таким образом, для того чтобы эти придаточные морфемы действовали как суффиксы, слова, к которым они прикреплены, должны иметь независимое лексическое значение, а также семантическую связь между корнем и суффиксом. Кстати, следует отметить, что среди последних непроизводительных суффиксов русско-европейского происхождения в азербайджанском языке есть такие формы, что они не могут образовать новую лексическую единицу из более чем одного или двух слов. В этом смысле суффикс этого типа иногда противоречив.

В связи с этим одна из идей Н.Худиева интересна. Он пишет, что, поскольку некоторые из производных слов, вместе с их суффиксами, не полностью дифференцированы лексически-семантически и грамматически-семантически, даже один и тот же суффикс, который проявляется в нескольких словах, не может выступать в качестве словообразователя в нашем языке. Некоторые суффиксы изменены на основе фонетических законов азербайджанского языка. Такие суффиксы также не имеют характера лексикализации в целом из-за лексико-грамматических и семантических особенностей дифференциации. [6]

Н. Мамедли, который лингвистически изучал элементы международных терминов греческого и латинского происхождения в азербайджанском языке, включая отраслевые морфемы русско-европейского происхождения, классифицировал эти морфемы следующим образом [2:3]:

1. Предположительные элементы (элементы, добавленные в начало слова);

- а) консервативные элементы;

- элементы терминов обозначающие близкое значение;
- терминологические элементы с противоположными значениями;
- элементы терминов обозначающие форму, объем, длину, расстояние;
- элементы терминов с особым значением;
- элементы терминов номенклатурного характера.

б) Деформирующие элементы.

- элементы, создающие так называемые оттенки негатива;
- элементы, которые создают количественный признак в так называемой связи;
- признаки, воссоздающие прошлое в так называемом соединении;
- элементы, которые дают так называемую жизнь, живое существо, с которым оно связано;
- Элементы, которые дают близость к слову, сходство, семантические связи.

2. Постпозитивные элементы (элементы, добавленные в конец слова).

а) постпозитивные элементы термина с двойной позицией;

б) элемент постпозитивного термина с самостоятельной формой;

в) элементы терминов образованы только в виде суффиксов.

Среди постпозитивных элементов в современном азербайджанском литературном языке отраслевые морфемы, стабилизированные как суффиксы, действуют как независимые суффиксы. Давайте рассмотрим некоторые непродуктивные отраслевые морфемы русско-европейского происхождения, вовлеченные в процесс словообразования в азербайджанском языке:

-ист. Эта ветвь морфемы русско-европейского происхождения соединяет конец существительных, образуя новые слова, обозначающие искусство, профессию, специальность, теорию. Этот суффикс, как и большинство производных суффиксов, добавляется в конец более производных слов. Например: журналист (jurnalist), футболист (futbolist), русист (rusuist), марксист (marksist), идеалист (idealist), капиталист (kapitalist), социалист (sosialist), стилист (stilst) и т. д. Суффикс -ist является синонимом суффикса с четырьмя вариантами -çi, который имеет продуктивную особенность в азербайджанском языке.

-izm. Этот суффикс также перешел с русского на наш язык. Формы существительных на азербайджанском языке обозначают содержание науки, идеи, современности, социальной структуры, секты. Например: суфизм (sufizm), хурифизм (hürufizm), идеализм (idealizm), социализм (sosializm), реализм (realizm), капитализм (kapitalizm), марксизм (marksizm), ленинизм (leninizm). Следует отметить, что этот суффикс также действует как грамматический синоним четырехвариантного суффикса -lıq, -çılıq в азербайджанском языке, а иногда и суффикса -şüna persидского суффикса.

-at. Помимо непроизводительного словообразования русско-европейского происхождения, он имеет одноименный характер с придаточной морфемой -at арабского и персидского происхождения. В современном азербайджанском литературном языке -lıq, как суффиксы русско-европейского происхождения, они образуют существительные, которые выражают содержание места, места, сообщества, множественного числа.[1,с.74] Семантика, созданная этим суффиксом в словах, к которым он добавлен, соответствует семантике, выраженной суффиксом национального происхождения. Например: дирекция (direktorat), деканат (dekanat), ректорат (rektorat), чемпионат (çempionat) и т. д.

-al,-ial,-ual,-l. В современном азербайджанском языке эти придаточные морфемы в основном добавляются в конце существительных, образуя прилагательные, обозначающие содержание знака, качества, особенности. Например: процедурный (prosesual), бронхиальный (bronxial), префиксальный (prefiksial), феноменальный (fenomenal), принципиальный (prinsipial), парадоксальный (parodaksal), региональный (regional), векторный (vektorial), экспериментальный (eksperimental), нормальный (normal), формальный (formal), естественный (natural) и т. д. Обратите внимание, что большинство этих суффиксов состоят из прилагательных, обозначающих качество.

-oloq. Этот суффикс образует существительные, обозначающие имя эксперта в области искусства, профессии, специальности, а также поле в корне слова. Например: мифолог (mifoloq), диалектолог (dialektoloq), методолог (metodoloq), типолог (tipoloq), психолог (psixoloq) и т. д. Суффикс -oloq является своего рода синонимом четырехвариантного суффикса в азербайджанском языке и редко может сочетаться со словами турецкого происхождения. Например: турколог (türkoloq).

-loji. Придаточный морфем имеет ту же этимологическую особенность, что и суффикс морфемы. Формирует прилагательные, обозначающие качество на азербайджанском языке. Кроме того, формант -loji может использоваться со словами, которые принимают суффикс -oloq. Например: мифологический (morfoloji), диалектологический (dialektoloji), методологический (metodoloji), типологический (tipoloji), психологический (psixoloji), тюркологический (türkoloji) и др.

-inq. Эта отраслевая морфема используется в современном азербайджанском литературном языке как часть английских дериватов. Он в основном формирует неологизмы и постепенно превращается в суффикс. Например: маркетинг (marketing), прессинг (pressinq), мониторинг (monitorinq), парковка (parkinq) и т. д.

-arius. В современном азербайджанском литературном языке эта отраслевая морфема очень непродуктивна из-за ее способности словообразования. Несколько слов латинского

происхождения используются в нашем языке. Примерами являются слова «архивариус»(archivarius), «нотариус»(notarius).

Выводы. В результате мы можем отметить, что развитие непродуктивных суффиксов русско-европейского происхождения в нашем языке во многом связано с переводом производных слов, а также терминов греческого и латинского происхождения на наш язык. Кроме того, подавляющее большинство слов, образованных этими типами форм, состоят из существительных и прилагательных.[4,с.92] Более того, такие отраслевые морфемы не подчиняются закону гармонии и часто используются в сочетании со словами производного происхождения. В то же время новые слова, образованные непродуктивными суффиксами русско-европейского происхождения, еще больше обогащают и улучшают словарный запас нашего языка. В этом смысле изучение морфем, принадлежащих к этой группе на лингвистическом уровне, их всестороннее изучение, чтобы определить их этимологическую структуру, дает отличный материал для языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асадов А. Терминология на турецких языках. Баку, 1977
2. Мамедли Н. Словарь международных терминов элементов греческого и латинского происхождения. Баку, Наука и образование, 2013
3. Мамедли Н. Производные термины на азербайджанском языке. Баку, Наука и образование, 2017
4. Аскер И. Непроизводительные суффиксы, которые создают продуктивность на азербайджанском языке. Баку, Наука и образование, 2015
5. Гусейнзаде М. Современный азербайджанский язык. Морфология. Том III. Баку, Восток-Запад, 2007
6. Худиев Н. Избранные произведения. Том II. Развитие словарной структуры азербайджанского литературного языка (советский период). Баку, Наука и образование, 2013
7. Джафаров С. Создание слова на азербайджанском языке. Баку, издательство AUL, 1960

ЮКАГИРСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ТОПОНИМИИ БАССЕЙНА РЕКИ КОЛЫМА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.717](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.717)

Багдарыин Ньургун Сюлбэ уола

*Канд. филол. наук, научный сотрудник
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск*

РЕЗЮМЕ

Статья продолжает исследование автора по топонимии северо-востока Республики Саха, в частности бассейна реки Колыма, в аспекте взаимовлияния родственных и неродственных языков. Актуальность данной работы определяется в описание местной географической терминологии юкагирского происхождения, как ценного и важного материала в дальнейшем исследовании топонимии региона. Впервые топонимия бассейна реки Колыма становится объектом выборки и лингвистического анализа топонимов с местными географическими терминами юкагирского происхождения с целью выявления и лингвистического анализа. Исследование проведено сравнительно-сопоставительным методом, словообразовательным, структурным, лексико-семантическим анализами. В результате исследования выявлены фонетико-морфологические особенности, вырисовывается формирование местных географических терминов и географических названий юкагирского происхождения, обнаруживаются ранее не фиксированные семантические сдвиги и диалектизмы. Наиболее активным в образовании терминов и топонимов замечен географический термин *иҕил / эҕал* 'берег', что обосновано представлением юкагирами 'берега' домашним очагом, жильем.

SUMMARY

The article continues the author's research on the toponymy of the North-East of the Sakha Republic, in particular the Kolyma river basin, in the aspect of the interaction of related and unrelated languages. The relevance of this work is defined in the description of local geographical terminology of Yukagir origin, as a valuable and important material in the further study of toponymy of the region. For the first time, the toponymy of the Kolyma river basin becomes the object of sampling and linguistic analysis of toponyms with local geographical terms of Yukagir origin in order to identify and analyze them linguistically. The research was carried out by comparative method, word formation, structural, lexical and semantic analysis. As a result of the research, phonetic and morphological features are revealed, the formation of local geographical terms and geographical names of Yukagir origin is outlined, and previously unrecorded semantic shifts and dialectisms are revealed. The most active in the formation of terms and toponyms is the geographical term *иҕил / эҕал* 'coast', which is justified by the representation of the Yukagirs' coast' home, housing.

Ключевые слова: местные географические термин, топоним, топонимия, юкагирский язык.

Keywords: local geographical term, toponym, toponymy, Yukagir language.

Введение.

Колыма – крупнейшая река северо-востока России – протекает по северо-восточной части Республики Саха. Она берет начало в Магаданской области двумя истоками – Кулу и Аян-Юрях. Длина реки 2129 км, впадает в Восточно-Сибирское море. Имеет множество притоков и озер, которые богаты ценными породами рыб.

По бассейну реки леса богаты разнообразными животными. В настоящее время большая часть бассейна реки Колыма находится на территории Республики Саха. По административно-территориальному делению в него входит три улуса: Верхнеколымский, Среднеколымский и Нижнеколымский. Рельеф улусов неоднороден. Большая площадь Верхнеколымского и Среднеколымского улусов в основном входит в зону лесотундры, занята Колымской низменностью, в понижениях которой располагаются многочисленные озера разной величины, часто соединенные между собой висящими и протоками. На востоке улуса расположено обширное Юкагирское плоскогорье, а на западе – отроги хребта Черского и Алазейское плато. Нижнеколымский улус почти полностью располагается в зоне тундры. В юго-восточной и западной частях встречаются горные тундры. Центральную часть улуса занимают Халарчинская и Олеринская низменности с холмами, с многочисленными озерами. С севера улус омывается Восточно-Сибирским морем.

Как крупная водная артерия Колыма освоена человеком с древнейших времен. По археологическим памятникам исследователи заключают, что «низовья Колымы были освоены человеком уже в палеолитическое время и продолжали оставаться обитаемыми на протяжении всего последующего периода человеческой истории» [3, с. 47]. По бассейну реки Колыма «проходили пути расселения древнего человека на Охотское побережье, Северную Камчатку, Чукотку и Северную Америку» [2, с. 34]. Возможно, «к началу нашей эры бассейн Верхней Колымы, заселялся предками юкагиров – древними континентальными жителями Северо-Востока» [2, с. 36].

Топонимия бассейна реки Колыма свидетельствует об освоении региона разноразличными племенами притом неродственных: юкагиров, чукчей, эвенов, якутов, русских.

Юкагирский язык является языком древнейшего населения Северо-Востока Азии, ныне малочисленного народа Севера – юкагиров. В настоящее время единственными носителями юкагирского языка являются лесные (Верхнеколымские) и тундрные (Нижнеколымские) юкагиры. Из-за существенного различия в языке двух групп исследователями выделены два диалекта: колымский и тундрный. Также топонимы юкагирского происхождения в большинстве концентрированы в Верхнеколымском и Нижнеколымском улусах.

Единичные географические названия встречаются в бассейнах рек Индигирка – речка **Мунил** от *мугил* ‘возвышенность; правобережные холмы’, Яна – речка **Дьархалаах** от *дьарха* ~ *йарха* ‘лёд’, Вилюй – озеро **Лабыйя**, Амма речка **Лабыйя** от *лавйэ* ‘вода’, которые служат косвенными доказательствами о былом расселении древних юкагиров.

Актуальность данной работы определяется в описании местной географической терминологии юкагирского происхождения, как ценного и важного материала в дальнейшем исследовании топонимии Республики Саха в аспектах взаимовлияния родственных и неродственных языков, также в установлении ареалов распространения юкагирских топонимов.

Новизной исследования является то, что впервые топонимия бассейна реки Колыма становится объектом выборки и лингвистического анализа топонимов с местными географическими терминами юкагирского происхождения.

Цель данной статьи – выявление местных географических терминов юкагирского происхождения в топонимии бассейна реки Колыма. Некоторые из них более или менее распространены по исследуемой территории и за пределами, а некоторые выявляются в результате лингвистического анализа – они и стали предметом нашего исследования.

Материалом для исследования послужила топонимическая картотека Якутии Иванова М.С. – Багдарыын Сүлбэ (далее – картотека БС). В качестве вспомогательного – словари, материалы, монографии исследователей юкагирского языка и топонимии Северо-Востока России.

Юкагиры были рыбаками и охотниками. Их занятие требовало знаний ландшафта и хорошей ориентировки на местности, важно было учитывать не только величину, но и специфические черты географического объекта. Потому географические термины, указывающие специфические черты объектов, сохраняются в топонимии.

Юкагирские географические термины.

Первым в научной литературе о юкагирских географических терминах и топонимах написал Г.Н. Курилов [6]. В небольшой заметке он описал гидрографические и оронимические термины юкагирского языка в составе географических названий тундрных юкагиров, живущих между реками Колыма и Индигирка в нижней части их течения. Например, *jalyil* ‘озеро’ в гидрониме *apanalā jalyil* ‘озеро старухи’, *lawjemdie* ‘озерко’ – *tiŋaurgin lawjemdie* ‘озерко Тингаургина’, *enu* ‘река’ – *ŋal’jadenu* ‘гусиная река’, *onŋie* ‘речка (берущая начало из какого-либо озера)’ – *uluruo onŋie* ‘речка (озера) Малое Улуро’, *anā* ‘гора’ – *sāndawanā* ‘корневая гора’, *ibal* ‘сопка’ – *t’uoŋel ibal* ‘железная сопка’, *ŋara* ‘горка’ – *kinŋara* ‘двуххолмье (два холма)’.

Некоторые термины и топонимы с юкагирскими параллелями зафиксированы в «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» [11]. В материале словаря вторыми компонентами

выступают географические номенклатурные термины, например, *анну / ан* ‘река’ в гидрониме *Коркодон*, *пиэ / бэ* ‘гора’ в орониме *Нугэбэ, йарха* ‘лед’ в названии горы, реки *Яркан*.

В своей монографии «Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии» Ю.Г. Курилов описал более 150-ти местных географических терминов, передающих особенности рельефа земной поверхности, гидрографии местности. Например, *ириэ* (Т.) ‘скала’, ‘утес (горный)’, *пиэ* (Л.) ‘гора’, *йойл* (Т.) ‘яр, крутой берег реки’, *чобосьо* (Л.) ‘склон’, *йамун* (Л.) ‘исток’, *пурэгэ* (Т.) ‘верхняя часть (реки)’ и т.д. Таким образом, «юкагирский язык располагает довольно широким пластом лексических единиц, именуемых в научной литературе «местными географическими терминами» [10, с. 19].

2019 году вышел труд зачинателя ономастических исследований в Якутии Иванова М.С.–Багдарыын Сүлбэ (1928–2017) «Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия» [1]. Словарь подготовлен на основе картотеки автора, собранного и систематизированного с 60-х годов прошлого века и содержит 1800 местных географических терминов и понятий, встречающихся в топонимии республики. Это первый лексикографический опыт составления словаря такого типа в республике. В «Словаре» зафиксированы около 50-ти юкагирских терминов встречающихся в топонимии республики. Например, *иньир* ‘исток (реки и т.п.)’ в гидрониме *Иньирчибээнниэ* в Нижнеколымском улусе, *нэрилэ* ‘остроконечные, зубоподобные, высокие, утесистые вершины гор, яров’ в названии озера *Нэрилэткэ* в Нижнеколымском улусе, *пурхуйа* ‘яр’ в топониме *Карака Пурхуйа* в Верхнеколымском улусе и т.д.

Местные географические термины юкагирского происхождения.

Любой регион, район отличается своеобразным географическим ландшафтом. В топонимии края это передается местными географическими терминами, т.е. «местной апеллятивной лексикой, обозначающей разновидность географической реалии» [12, с. 45]. Привожу примеры со «Словаря топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия» [1]: диалектное слово *лайылла* ‘полностью не оттаивающаяся за лето трясино-подобная почва на обширной территории, заросшая травой и кустарником, где любят гнездиться стерхи и лебеди. После высыхания становится ровным полем’ зафиксирован в топонимах *Лайылла*, *Хара Сизэн Лайыллата*, *Чуурас Лайыллата* (Среднеколымский улус), диалектное *лаабыра* ‘трясина с затоптанной (напр., утками) травой’ в названии протоки *Лаабыра Сизэн* (Нижнеколымский улус), свидетельствуют соответствии ландшафта, природы колымского региона гнездованию, размножению многочисленных пернатых.

Рассмотрим некоторые местные географические термины, встречающиеся в топонимии бассейна реки Колыма с юкагирскими параллелями. Термины зафиксированы в ходе полевых сборов Ивановым М.С.–Багдарыын Сүлбэ у местных жителей занимающимися традиционными видами хозяйства (оленоводо, охотников, рыболовов и т.д.).

Егул ‘прибрежный лес’. Местный термин записан в Верхнеколымском улусе: *‘тэнкэни биһиги егул диибит* (прибрежный лес мы называем егул)’ [картотека БС]. При сравнении с юкагирским *ибул*, *эбал* ‘берег; край чего-л.’ [5, с. 281; 8, с. 585] обнаруживается ранее не фиксированный семантический диалектизм – **егул** ‘прибрежный лес’. Отсюда название речки **Егүлдиэ** в Нелемском наслеге Верхнеколымского улуса. Гидроним образован при помощи аффикса *-диэ*, юкагирского языка, образующего от имен существительных уменьшительную форму [5, с. 25]. При помощи этого аффикса образованы следующие топонимы бассейна реки Колыма: возв. **Колгодиэ** (Нелемский Верхнеколымского), < юк. *колго* ‘возвышенность’ [1, с. 117], **Сингидиэ** **Йалбул** (Н.-Кол.) < юк. *сингиди(н)* ‘правобережная сторона от реки до гряды холмов, тянущейся с юга на север’ [8, с. 435] и др.

Нэрилэ: ‘земляной холм, состоящий из одних утесов, скал’ [8, с. 299]. Встречается в названиях озер: **Нэрилэткэ**, **Пиирэсмуол Нэрилэ** Олёринский Нижнеколымского. Гидроним **Нэрилэткэ** образован при помощи аффикса *-ткэ* юкагирского языка, указывающего на большой размер географического объекта или на почитательное отношение к нему [7, с. 13]. В топонимии Нижнеколымского улуса встречаются следующие названия с конечными *-тка*: озеро **Ньянмэткэ** < юк. *ньянмэ(н)* ‘тальниковое место’ [8, с. 308], озеро **Ньумуойатка** < юк. *ньумуойэ* ‘пролив’ [8, с. 331], озеро **Ходобэткэ** < юк. *ходобэ* ‘сухая ровная поляна между озером и едомой (сопкой), появившаяся в результате высыхания озера’ [8, с. 516].

Ньориль в лексике тундреных юкагир ‘небольшие водные : пространства на равнине, отделенные друг от друга узенькой полоской земли; лужа; болото’ [10, с. 17] встречается в названии озера **Ньорылмол** Олёринского наслега Нижнеколымского улуса.

Өгөсө I ‘виски; протока; приток’; II ‘изгиб речки’. Местный термин зафиксирован в Верхнеколымском улусе: *‘сизэн юкагирдыы* (по юкагирски виска; протока; приток)’, *‘Өкөсө - урэх тобойун ааттыллар. Юкагир тыла* (өкөсө – изгиб речки. Юкагирское слово)’ [картотека БС]. **Өгөсө** зафиксировано в гидрониме **Пуорах Өгөсө** (Нелемский наслег Верхнеколымского улуса). В настоящее время в словарях юкагирского языка это слово нами не обнаружено. Предполагаем, что **өгөсө** образовано как сочинительное сложное существительное, (типа *эмса*: ‘островок леса на равнине’ (от *эм* < *эмул* ‘остров’ + *са*: < *са:л* ‘дерево’, ‘палка’, ‘лес’) [7, с. 117]), от основ *ибул*, *эбал* ‘берег;

край чего-л.' и *саал* 'дерево; лес'. **Өгөсө**, возможно, является архаизмом в лексике лесных юкагиров.

Өгэн 'яр' [5, с. 276], **өгө(н)** 'невысокое холмообразное возвышение посреди равнины' [8, с. 357]. От *өгөн* в топонимии Нижнеколымского улуса образовано название едомы **Өнөттэгэ** 'Большое Өнгө', находящее между Большими и Малыми Олерами чуть южнее, ближе к Малой Олере, при помощи аффикса *-тэгэ*, образующего от имен существительных увеличительную форму существительных [9, с. 29] и указывающего на большой размер географического объекта. В Нижнеколымском улусе встречаются следующие топонимы с финальными морфемами на *-тэгэ*: **Муотэгэ**, **Суокуртэгэ**, **Чаултэгэ**. Если учесть, что «преимущественное употребление носителями (колымского) говора вместо лабиализованного *ө* нелабиализованного *э*» [4, с. 18] исконный начальный гласный юкагирского языка *ө* при заимствовании переходит в *э*. Таким образом, топонимы **Энгэнэ**, **Энгэнэ Көлүйэтэ** в Первом Кангаласском наслеге Среднеколымского улуса можем считать образованными от юкагирского апеллятива *өнгөн*.

Сэмэ(н) 'берег (реки)' [8, с. 454]. Местный термин зафиксирован в Нижнеколымском улусе в названии озера: '**Сэмнөл** - күөл. Поляналаах диэн. Күөл төгүрүччүтүгэр хонуулаах (**Сэмнөл** – озеро. С поляной. Вокруг озера имеется поляна' [картотека БС]. Также в этом наслеге имеется речка **Сэмнэл энү** 'Река с приземистыми берегами', реки и озера с «названием **Сэмнэл** имеют недоступные для человека жидкие глинистые берега» [9, с. 19, 31]. В гидронимах обнаруживается аффикс *-л*, «посредством которого образуются имена существительные от основ глагольных слов» [7, с. 70, 75]: «*сэмэ* 'берег' > *сэмэньэй* - 'имеет берег' > *сэмэньэл* 'тот имеющий берег' > **Сэмнэл**» [Г.Н. Курилов – картотека БС]. В топонимии Колымы зафиксированы следующие географические названия с конечным *-л*: *Муол*, *Чамуолэл* (Н.-Кол.), *Баахыл* (С.-Кол.) и др.

Закключение.

Выявлены местные географические термины с юкагирскими параллелями, функционирующие в бассейне реки Колымы. Их анализ показывает топонимообразующие способности в составных и сложных образованиях топонимов исследуемой территории.

Структуры и типы топонимов показывают морфологический способ образования (**Нэрилэткэ** < нэрилэ 'земляной холм, состоящий из одних утесов, скал' + *-ткэ*) с отличающимися характерными аффиксальными элементами (*-диэ*, *-ткэ*, *-тэгэ*), также выделяются составные топонимы (**Өгөсө** < *ирил*, *эбал* 'берег; край чего-л.' + *саал* 'дерево; лес'), как отражение юкагирского словообразования имен.

Наиболее активным в образовании терминов и топонимов замечен географический термин *ирил* / *эбал* 'берег'. Возможно, это обосновано тем, что юкагирам-охотникам и рыболовам 'берег'

представлялся домашним очагом, жильем в мировосприятии.

При сравнительно-сопоставительном анализе исконных юкагирских слов с местными географическими терминами обнаруживается ранее не фиксированные семантические сдвиги и диалектизмы.

Список литературы:

- 1.Багдамын С. Талыллыбыт үлэлэр. Т. 7: Словарь топонимной лексики Республики Саха: местные географические термины и понятия. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 328 с.[Bagdaryyn S. Talylybyt үлөлөр. Т. 7: Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha: mestnye geograficheskie terminy i ponjatija. – D'okuuskaj: Bichik, 2019. – 328 s.]
- 2.Кистенев С.П. Древнейшее прошлое улуса // Верхнеколымский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2002. – С. 34-39. [Kistenev S.P. Drevnejšee proshloe ulusa // Verhnekolymskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor. – Jakutsk: Bichik, 2002. – S. 34-39.]
- 3.Кистенев С.П., Строгова Е.А. Древности заполярной Колымы // Нижнеколымский улус: Истори. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2003. – С. 35-49. [Kistenev S.P., Strogova E.A. Drevnosti zapoljarnoj Kolymy // Nizhnekolymskij ulus: Istori. Kul'tura. Fol'klor. – Jakutsk: Bichik, 2003. – S. 35-49.]
- 4.Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. – 270 с. [Korkina E.I. Severo-vostochnaja dialektnaja zona jakutskogo jazyka. – Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaia izdatel'skaja firma, 1992. – 270 s.]
- 5.Крейнович Е.А. Юкагирский язык. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 288 с.[Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk. – М.-Л.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 288 s.]
- 6.Курилов Г.Н. О некоторых юкагирских топонимах // Советское финно-угроведение, вып. IV, Таллин, 1968, С. 67-70.[Kurilov G.N. O nekotoryh jukagirskih toponimah // Sovetskoe finno-ugrovedenie, vyp. IV, Tallin, 1968, S. 67-70.]
- 7.Курилов Г.Н. Сложные имена существительные в юкагирском языке. – Ленинград: Наука, 1977. – 120 с.[Kurilov G.N. Slozhnye imena sushhestvitel'nye v jukagirskom jazyke. – Leningrad: Nauka, 1977. – 120 s.]
- 8.Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: 2001. – 608 с.[Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: 2001. – 608 с.]
- 9.Курилов Н.Н. Юкагирская топонимика Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Якутск, 1999. – 48 с.[Kurilov N.N. Jukagirskaia toponimika Nizhnekolymskogo ulusa Respubliki Saha (Jakutija). – Jakutsk, 1999. – 48 s.]
- 10.Курилов Ю.Г. Юкагирские топонимы Северо-Востока Азии. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2013. – 96 с.
- 11.Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР. –

Магадан: Кн. изд-во, 1989. – 456 с. [Leont'ev V.V., Novikova K.A. Toponimicheskij slovar' Severo-Vostoka SSSR. – Magadan: Kn. izd-vo, 1989. – 456 s.]
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Москва: изд-во

«Наука», 1978. – 198 с. [Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. – Moskva: izd-vo «Nauka», 1978. – 198 s.]

ОБ УЧАСТИИ ФИТОНИМОВ В НАИМЕНОВАНИИ ОРОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.712](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.712)

Бегимов Одил Тухтамишович

доцент кафедры узбекского и русского языков

Каршинского инженерно-экономического института, г. Карши
(Узбекистан)

АННОТАЦИЯ

Растения, кусты, деревья, т.е. фитонимы, растущие в орографических объектах, служили важным отличительным признаком для обозначения их. В связи с этим изучение участия фитонимов в наименовании орографических объектов имеет особое значение. В статье рассматриваются оронимы с участием фитонимов на примере материалов Южного Узбекистана.

ABSTRACT

Plants, bushes, trees, i.e. phytonyms growing in orographic objects served as an important distinguishing feature for their designation. In this regard, the study of the participation of phytonyms in the name of orographic objects is of particular importance. The article considers oronyms with the participation of phytonyms on the example of materials from Southern Uzbekistan.

Ключевые слова: фитоним, ороним, орографический объект, гора, возвышенность, холм, ущелье, степь, холм, пастбище.

Keywords: phytonym, oronym, orographic object, mountain, height, hill, gorge, steppe, pasture.

Известно, что люди, живущие в горах, предгорьях, степях, пустынях, издавна занимались главным образом животноводством, частично сельским хозяйством. Их профессии во многом были тесно связаны с особенностями орографических объектов, которые входят в число естественно-географических объектов. Одной из таких особенностей является информация о том, какие виды растений растут на объектах. Растения, кусты, деревья, т. е. фитонимы, растущие в орографических объектах, служили важным отличительным признаком для обозначения их. В связи с этим изучение участия фитонимов в наименовании орографических объектов особенно актуально. В статье мы стремились изучить оронимы с участием фитонимов на примере материалов Южного Узбекистана.

В целом изучение участия фитонимов в наименовании географических объектов отражено в работы исследователей, изучавших топонимы региона в лингвистических аспектах. В частности, в диссертационных работах посвященных в изучение топонимы Кашкадарьинской области (Т. Нафасов), Сурхандарьинской области Я. Хужамбердиев), а также заимствованный пласт топонимов Южного Узбекистана (О. Бегимов) в историко-лингвистической аспектах, наряду с другими типами географических объектов, анализируются оронимы, созданные с участием фитонимов.

Исходя из цели и задач исследования, в статье использовались методы сравнительно-исторического, реконструктивного и форматного анализа, структурообразования, а также сравнения

лингвистических фактов при анализе доступных материалов.

Лексико-семантический анализ оронимов показывает, что в качестве дифференцирующего компонента в оронимах используются следующие типы фитонимов:

1. Названия деревьев (ель, клен, береза, шелковица, слива).
2. Названия кустарника (карганак).
3. Названия разных растений. абрикос, андиз, гоз (тростник), джилгин (юлгин), исван и др.

Наблюдения показали, что фитонимы были вовлечены в формирование названий следующих орографических объектов:

1. Названные горах: *Арчамайдон* (Шахрисабз).
2. Названные бугор: *Абрикли* (Чиракчи), *Андизлов* (Дехканабад), *Бурганлы* (Яккабаг).
3. Названные ущелье: *Арчахут* (Бойсун), *Дарайтут* (Яккабаг),
4. Название возвышенности: *Зарангли* (Яккабаг), *Бедак* (Китаб), *Бештут* (название оронимии всех районов)
5. Названия холмов: *Исванны* (Камаша), *Пиёзлытена* (Шахрисабз).
6. Названия полей и степей: *Саланглы* (Миришкар), *Сазоклы* (Миришкор).
7. Имена пастбищ: *Камгоклы* (Касон)

Этнолингвистический анализ оронимов с участием фитонимов показал существование имен, образованных на основе закономерности тюркских (узбекских), а также иранских (таджикского) языков. В связи с этим целесообразно разделить такие имена на две группы:

1. Оронимы, образованные из фитонимов на основе

законов узбекского языка: *Абрикли* (Чиракчи), *Андизлов* (Дехканабад), *Бурганлы* (Яккабаг).

2. Оронимы, образованные из фитонимов на основе законов таджикского языка: *Шибариколон* (Шахрисябзс, адыр), *Дарайтут* (Яккабаг, дара), *Даргоз* (Шахрисябзс, ущелье).

Это явление доказывает, что аборигены, которые были создателями имени, были носителями этих языков, или эти языки оказали сильное влияние друг на друга.

Анализ оронимов, проведенных в присутствии фитонимов с точки зрения их структурной составы, показал, что они имеют простые, сложные и составные структуры.

Анализ фитонимов с простой образовательной формой показали, что существуют только имена с простой суффиксальной формой. Наличие простых без суффиксальных фитонимов не наблюдалось. Это говорит о том, что фитонимы не способны проходить непосредственно в оронимов без какой-либо конструктивной добавки.

Анализ простых суффиксальных фитонимов показал, что аффикс *-лы* продуктивен в их образовании: *Абриклы* (Чиракчи, адыр), *Андизлы* (Чиракчи, Камаша, Бойсун, Сариосиё, Шерабад; ущелье), *Заранглы* (Яккабаг, гора), *Иргайлы* (Камаша, адыр) и т. д. В некоторых названиях аффикс *-лы* претерпел фонетическое изменение из-за явления метатеза: *Исванны* (Камаша, холм), *Исванны* (Яккабаг, холм). Некоторые фитонимы изменили свою фонетическую форму в соответствии с диалектными особенностями местного населения: *Андизлов* (Дехканабад, адыр).

Известно, что аффикс *-лы* прибавляется к основе слов, то есть к имя существительный, название вещь, понятая и образует прилагательное, выражающее такие понятия, как присутствие, изобилие в этом месте, объект. *-лы* является одним из наиболее продуктивных суффиксов в современном узбекском языке и образует прилагательное из существительного или прилагательных [3,144]. Анализ показывает, что эта особенность также отражается в производстве простых оронимов.

Этот суффикс является древним суффиксом, который создает имя прилагательное в тюркских языках. По словам Э. Бегматова, этот аффикс на языке исторических сочинений использовалось для обозначения владения предметом (например, *атлы*, *кутлу*), профессией человека (*санилы* - швея, ткач), принадлежащего определенному месту (*шаймлы* - сириец) [3,144]. Н.А. Баскаков считает, что суффикс *-лы* генетически сформирован в виде *-лы <-лыг// -лыг // -лык // -лык*. По нашему мнению, эта идея в какой-то степени подтверждается такими словосочитаниями, как *басарлыг таг* - «гора, где растет дикий чеснок, чесночная гора» [4, I, 455], *саганлуг таг* - «гора, где растет дикий лук» [4, I, 459] в словаре Махмуда Кашгари. Аффикс *-лыг* также является древней формой аффикса *-лы*, который был важным фактором при наименовании

орографических объектов. Обычно наличие аффикса *-лы* на основе название требует, чтобы он был вторым компонентом имени, то есть определенной словой. Этот второй компонент выполняет функцию называемого орографического объекта. Соответственно, имя должно быть в виде целой словосочитаны: *Абрикли адыр*, *Андизлы дара*, *Зарангли тог* и т. д. Эта функция также служит важным фактором при присвоении имен орографическим объектам. Присутствие каких-либо видов растений в орообъектов или его более распространенное явление, чем другие подобные виды, служило отличительной чертой от других объектов. На основании этой особенности название объекта было впоследствии сформированно. На процесс приобразование словосочитание на простое название также повлиял явление эллипса: *абриклы адыр* - *Абрикли (адыр)*. *Абриклы* - названия адыра (Чиракчи), его фонетически модифицированная форма *Авруклы* (Камаша). *Абрук*, *аврук* - растение с толстыми стеблями, полыми внутри, плоскими листьями. В некоторых местах это называется коврак. Растет в предгорьях. Название адыр было основано на обильном росте этого растения.

Это явление также можно наблюдать в ороними *Андизлы*. *Андизлы* - это название оврага в Чиракчинском, Камашинском, Бойсунском, Сариосийском, Шерабадском районах. *Andiz* - многолетнее растение с длинными листьями, ядро которого растет посередине и дает семена. Обилие этого растения вокруг долины служило отличительной чертой его от других объектов и стало его именем.

Андизлов - это название холма в Дехканабадском районе. Название состоит из морфем андиз+лов, суффикс *-лов*, добавленный к основе, является фонетически измененной формой аффиксов *-лоқ*, *-лық*, которая образует наименование мест [6,14]. Первоначально, название было в форме *Андизлок*, но согласно диалекту местных жителей, оно было произнесено в этой форме. Итак, *Андизлов* - это холм, на котором растет много растение андиз.

Существуют также, фитооронимы образованном с аффиксом *-зор*: *Юлгунзор* (Шахрисябзс, место), *Джурабзор* (Шерабад, адыр). Аффикс *-зор* персидско-таджикского происхождения, означает место, где есть много того, что понимается из основ (зерновые культуры, деревья и т. д.) [8,182]. Итак, *Юлгунзор* - это место, где много растение *джулгун// юлгун*; *Джурабзор* - таджикский *джоруб* - холм с множеством веников.

2. Сложные фитооронимы. Анализ доступных оронимических материалов показывает, что сложные фитооронимы согласно морфологической основе и структурной модели могут быть разделены на следующие типы:

Тип фитоним+ОИ³¹. Поскольку первый компонент оронимов, принадлежащих к этому типу, выражает отличительный знак именованного

³¹ Оронимический индикатор.

объекта и является определителем, они представляют отношение определитель+определявши.

Например: *Арчамайдон* (Шахрисябз, гора), *Арчахут* (Байсун, ущелье), *Исвантепа* (Гузар, холм) и так далее. В целом, значительная часть сложных фитооронимов образованно на этой модели. Следует отметить, что фитооронимы, состоящие из одного и того же слова, встречаются в разных фонетических формах. Например, аффикс *-лы* в составе *Исвanni* (Камаши, Яккабаг, холм) был изменен на *-ны* из-за явления метатези, и он используется как простое имя. Ороним *Исвантепа* (Гузар) изначально был в форме *Исванлы тепа*. В процессе применения аффикс *-лы* в существительном был удален, а описательное слово (фитоним) и слово, представляющее объект (индикатор), были объединены и стали сложным существительным. Подобное явление можно наблюдать в оронимии Испантепа(Камаши). Звук «в» в определяющем слове (фитоним) в этом орониме изменился на звук «п» в соответствии с диалектными особенностями местного населения. Ороним Арчамайдон был фактически в форме словосочитание *арчалы майдан*. В процессе становления существительным аффикс *-лы* в априорное слово был исключен, а существительное стало сложным словом. Таких примеров много.

Числительные+фитоним: *Яккатут* (место во всех районах), *Якарча* (Шахрисябз, возвышенность), *Якарча* (Шерабад, холм), *Яккаарча* (Бойсун, высота) и др.

Прилагательный + фитоним: *Коратут* (Шахрисябзский, Чиракчинский, Китабский районы, холм).

3. Составные фитооронимы. Анализ оронимов показал, что фитооронимы, которые находятся в форме словосочитание согласно их структурным особенностям, также встречаются в територии исследования. Поэтому мы решили включить их в состав сложных оронимов. В соответствии с семантической и синтаксической природой фитооронимов в виде словосочетаний, характеризуются считается по пути примекание (опредетель+определенная): *Попишлыкыр* (Шахрисябз), *Арчахут дараси* (Бойсун), *Исванны тепа* (Яккабаг), *Пиёзли тепа* (Шахрисябз).

К фитооронимам со сложным составом относятся названия, соединенные в персидско-таджикском методе изофа: *Шибарикалон* – *шибар+и+калон* (Шахрисябз, ущелье), *Даштичинор* – *дашт+и+чинор* (Алтынсай, степь), *Даштигоз* – *дашт+и+гоз* (Бойсун, место), *Дарайтут* – *дара+йи+тут* (Яккабаг), *Даргоз* – *дара+йи+гоз* (Китаб, ущелье). Из приведенных примеров видно, что некоторые фитооронимы, полученные методом сложения, сохранили показатели сложения. В частности, ороним *Шибарикалон* – это персидско-таджикское изофетное соединение в форме *шибар+и+калон*, а суффикс *-и* является показателем изафи. В таджикском диалекте верхний Кашкадарья слова *шибар* – это растение в форме сердца, которое

растет на болоте или в месте, где постоянно течет вода; заболоченное место, заболоченная земля [6, 218], *калон* – большой, крупный. Следовательно, *Шибарикалон* означает ущелье, в котором растет крупное, большое растение шибара. Ороним *Даштичинор* также имеет таджикское изофетное соединение в виде *дашт+и+чинор*, что в переводе на узбекского означает *чинорли дашт*(кленовая степь). Следовательно, название степи было основано на кленовом дереве, которое росло здесь. Ороним *Даштигоз* – это изофетное соединение в форме персидско-таджикской *дашт+и+гоз*. Слово «дашт» в этом названии представляет собой орообект, а таджикское слово «гоз» – это название тростникового растения. Итак, под «дашти гоз» подразумевается степь, где растет тростниковое растение.

Некоторые фитооронимы, с другой стороны, потеряли свои изафетной показатели и стали составной формой слова. Они произносятся и пишется в этой форме. В частности, ороним *Даргоз* (Китаб, ущелье) на самом деле является персидско-таджикским изофетным словосочитанием в форме *дара+йи+гоз*. Со временем название также претерпело фонетическое изменение из-за особенности произношения местного населения и стало составным словом. Следовательно, *дарайи гоз* – означает “ущелье где растет тростник, ущелье тростниковое растение”.

В Китабском районе находится ущелье Дахнидаргоз. Название первоначально было изофетным словосочетанием в форме таджикского *дахана+йи+Даргоз* [6,62]. Со временем название также претерпело фонетическое изменение из-за особенности произношения местного населения и стало составным словом. Итак, это следует понимать в смысле входа в Даргозское ущелье.

Результаты изучения участия фитонимов в образовании оронимов Южного Узбекистана позволяют сделать следующие выводы:

1. Участие фитонимов в образовании оронимов проявляет больше лингвистических и экстралингвистических особенностей, чем другие типы топонимов. Эти особенности требуют их изучения как отдельного объекта исследования.

2. Фитонимы участвовали в формировании названий орографических объектов, таких как горы, холмы, овраги, высоты, холмы, степи, пастбища.

3. Этнолингвистический анализ оронимов с участием фитонимов показал, что наряду с тюркскими (узбекскими) именами существуют также имена, образованные на основе законов иранского (таджикского) языка. Это доказывает, что аборигены, которые являются создателями название, являются представителями этих двух языков, и что они были в тесном контакте друг с другом в течение длительного исторического периода.

4. Фитонимы имеют простую, составную и сложную структуру в соответствии с их морфологическим составом. Характерно

использование таких аффиксов, как -лы, -лоқ, -зор для образования простых фитооронимов. Большинство сложных фитооронимов изначально были в форме словасочитание в определитель+определенная модель, которая позже стала сложным словом в процессе перехода к названию. Это явление также наблюдается в таджикских изофетных фитооронимах.

Список литературы:

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Часть I. М., 1952, с. 195-196.
2. Бегимов О.Т. Жанубий Ўзбекистон топонимларининг ўзлашган қатлами. Номз. дисс. ... автореферати, Тошкент, 1999. –Б. 27.
3. Бегматов Э. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг лексик қатламлари. Тошкент, 1985.
4. Кошғарий М. Девону лугатит турк . : ЎзССР фан. Акад. Т.: Фан, Т. I, 1960. – 449 б.
5. Нафасов Т. Топонимы Кашкадарьинской области. АКД, Т., 1968. –24 б.
6. Нафасов Т. Ўзбекистон топонимияларининг изоҳли лугати . –Т.: Ўқитувчи, 1988.-290 б.
7. Хужамбердиев Я. Историко-этимологическое исследование топонимии Сурхандарьинской области. АКД, Т., 1974. –С.19.
8. Шоабдирахмонов Ш., Асқарова М. ва б. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Т., 1980.

УДК 81'33

ГРНТИ 16.01.07

THE CONCEPT OF INTERTEXTUALITY IN LINGUISTICS

Dolzich Elena Anatolyevna

PhD of philological sciences, Associate Prof.

Dmitrichenkova Svetlana Vladimirovna

PhD of pedagogic Sciences, Associate Prof.

RUDN University, Russia

Department of Foreign Languages

Engineering Academy of RUDN University, Moscow, 115419

Ordzhonikidze str., 3

ABSTRACT

In the academic discourse, intertextuality is the universal principle of the academic text construction at the level of content since any text is linked retrospectively and prospectively with other research. According to the law of the knowledge continuity, each new academic text is connected with a complex mechanism that carries out the storage of knowledge as well as communication between the people who produce this knowledge. The interpretation of the text depends on the knowledge one has of other texts. The intertextuality activates the reader's knowledge stored in the memory while text recipients have to be armed with previous information to be able to understand the new texts.

Every text is inherently intertextual: it incorporates elements of other texts for a specific purpose. Intertextuality considers the text as a fabric or a network, a field where texts that come from very different discourses are crossed and ordered. The subject of the research is analysis of Spanish academic articles.

The methodological base of the research is leading to modern linguistics, discursive and communicative approaches. The topic of the investigation gets in line with trends in the development of modern linguistics in the context of a new scientific paradigm. The results demonstrate that in the academic discourse intertextuality is the universal principle to create a scientific text at the level of content since any text is retrospectively and prospectively linked to other research.

Keywords: Intertext, intertextuality, Spanish academic text.

Introduction

The history and background of the theories of intertextuality come from the following theoretical approaches:

1. Semiotics and the semiotic theory of culture based on the ideas about culture as a system of signs as well as about culture and text: Barthes in 1970, Bakhtin in 1979, Derrida in 1972 and Fairclough in 1970.

2. The theory of semiosphere dedicated to the philosophical conceptions of dialogism against monologism: Buber in 1950, Lotman in 1973.

3. The theories of the French literary theorists and philosophers who formed the transition to post-structuralism and studied the text as an open text system

produced in intertextuality: Barthes in 1970, Derrida in 1972, Genette in 1970 and Kristeva in 1967.

4. The investigations of the Russian formalists: Shklovsky in 1930, Tinianov in 1930, Tomashevsky in 1920 and the structuralists of different national schools: Jakobson in 1930, Riffaterre in 1970. The contribution of their literary scholarship lies in the fact that it focused sharply on the basic problems of literary criticism and literary study, first of all on the specificity of its object, that modified the conception of the literary work.

5. The extensive investigations of the problems of intertextuality from the literary and linguistic points of

view: Grivel in 1978, Jung in 1970 and Van Dijk in 1978.

Intertextuality has been recently studied in the texts of various communicative spheres, in particular, intertextuality in academic communication in different languages such as Russian, English, German, Spanish text.

Materials and Methods

The material for the study was academic articles of Spanish scientists for the period from 2005 to 2019 with a total volume of 1,000 pages.

The academic text in this study is considered as a special type of text specially created in the process of carrying out scientific activities with the aim of storing, developing and transmitting scientific knowledge. It is characterized by such characteristics as informativeness, integrity, consistency, explicitness in the presentation of the material, connectedness, completeness, articulation and orderliness, which is manifested at the functional-substantial, communicative-pragmatic and linguistic-stylistic levels.

The methodological basis of our study are: discursive and communicative approaches; philosophical categories: 1) activity, within which the concept of the speech activity of a scientist stands out; 2) consistency, according to which the scientific picture of the world is reflected in the academic text; 3) theory of discourse.

The concept of intertextuality

In order to work out the concept of intertextuality it is necessary to place special emphasis on that it is analyzed from different points of view.

There is a great variety of conceptions of intertextuality which in general terms can be summarized in two groups: *the broad approach*, where intertextuality is a universal property of the text, and *the narrow approach*, positing that it is a specific property functionally conditioned by different types of discourse.

The term intertextuality has its origin in the theory developed by Bakhtin on the dialogical or polyphonic utterance.

In 1967 Julia Kristeva published her article "Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman" in which, starting from the ideas of M. Bakhtin on "others' words" and "dialogism" [1, p.76], she introduced the concept of intertextuality that up to date enjoys great popularity.

According to Julia Kristeva "any text is constructed as a mosaic of quotations and is the absorption and transformation of another text" [4, p.3].

Texts are inherently intertextual: they enclose elements of other texts for a specific purpose. Intertextuality considers the text as a fabric or a network, a terrain where texts that come from very different discourses are crossed and ordered.

There were two main concepts distinguished in the theoretical discussions on the topic of intertextuality [2, p.43]:

- the global model of poststructuralism, that considers any text like a part of a universal intertext, which conditions it in all its aspects;

- more precise structuralist or hermeneutic models, which find the concept of intertextuality to be restricted to conscious, intentional or marked references between a text or groups of texts. Both models have their own cognitive potential and their assumptions in terms of language theory, text theory and knowledge theory.

Discussion

In the academic discourse, intertextuality is the universal principle of the academic text construction at the level of content since any text is linked retrospectively and prospectively with other research. According to the law of the knowledge continuity, each new academic text is connected with a complex mechanism that carries out the storage of knowledge as well as communication between the people who produce this knowledge. The interpretation of the text depends on the knowledge one has of other texts. The intertextuality activates the reader's knowledge stored in the memory while text recipients have to be armed with previous information to be able to understand the new texts.

On the surface of the scientific text the intertextuality has a set of markers capable of identifying the knowledge provided within the new scientific knowledge, and it is very important to point out that the academic discourse requires the use of explicit markers.

The methods of intertextual representation within the scientific text are the following:

1. Intertextual inclusions that reproduce the borrowed fragment on the surface of the new text structure - quotation (complete and reduced), indirect style, inclusion of "others' words" or combination of words:

El Institute for Cultural Landscape Studies de la Universidad de Harvard dice que son "aquellos paisajes que han sido creados, usados, modificados o protegidos por las personas, desde los jardines históricos y los parques urbanos a las reservas para la conservación, los vecindarios, las granjas y los bosques"

Según Feynman, "Los principios de la Física, hasta donde yo puedo ver, no indican nada en contra de la posibilidad de que se puedan manipular cosas átomo por átomo"; simplemente era necesario con buscar y encontrar los métodos y las técnicas que permitieran llevarlo a cabo.

The cited fragments are usually marked by the quotation marks, as well as by way of changing character font, italic type.

2. Intertextual inclusions that are references and do not reproduce borrowed fragments within the new text structure, but refer the reader to the source of information, to the previous pretext. Formal markers of references are parentheses, brackets, numbers of different registers, symbols:

Sin embargo, la organización Mundial de Salud considera que el agua potable suele ser la principal fuente de nitrato en la dieta de lactantes (Mompo y Armentia, 1993).

Para Zhang y col.³⁸ la temperatura de irreversibilidad en láminas delgadas formadas por

partículas de níquel sigue una dependencia exponencial a campos bajos.

3. Intertextuality may manifest itself by changing verbal system:

Una vez expuesta la fotoresina se pasa al revelado sumergiendo la muestra en una disolución de revelado "developer" durante un minuto.

In this case the marker of intertextuality is the verbal identity, i.e. usage of other verbal system. The formal marking of the quotation in the scientific text is obligatory whereas the marking of the references is obligatory only for its bibliographic variety.

In Spanish scientific text we observe citations, references, intercalations, inclusions in English, for example: *Esta técnica de deposición se conoce con el nombre de "spinner coating".*

There are some English intercalations translated into Spanish:

Esta fragmentación de la molécula principal se conoce como "cracking pattern", o fragmentación, que será el término utilizado en este trabajo». «Stragglings: Fenómeno de dispersión de energía de las partículas incidentes (en principio mono-energéticas), al interaccionar con la muestra». «Resultan sumamente útiles las llamadas "scoring functions" o funciones transformadoras, obtenidas a partir del establecimiento de límites críticos y su correspondiente escala de calidad».

English acronyms are observed in the texture of the Spanish scientific text, for example:

Otros métodos también utilizados en la solidificación de óxidos, como EFG (Edge Defined Film Fed Growth) o Micro pulling down, utilizan crisol y extraen el fundido.

There are some cases of English acronyms translated into Spanish, for example:

Para los suelos agrícolas se ha definido la Capacidad de Carga de Metales Pesados (LCASHM: Load Capacity of Agricultural Soils for Heavy Metals) (Chen et al., 2001).

Also in the Spanish structured texture there may be an English acronym expanded in English, for example:

"Dichos trabajos conllevaron a la aparición de nuevas técnicas o al desarrollo de anteriores ya conocidas, tales como la Espectroscopia de Fotoemisión Resuelta en Ángulo (ARPES del inglés «Angle Resolved Photoemission Spectroscopy»)"

Notable aspects of scientific terminology include the use of Latin terms, for example:

Para la extracción del DNA genómico de D. melanogaster, D. simulans y D. mauritiana se utilizaron...

Symbolic relations represent a variety of intertextual links in Spanish scientific texts being used different systems of symbols (signs), namely: formulas, diagrams, graphs, drawings, and so on [3, p.98].

Latin phrases and locutions are often used to navigate through the scientific text. For example, Et. Al (and others): when we quote a text with more than one author; Supra: Up; Infra: Down; Op. Cit: Citing work; Idem: the same; Ibid. = Ibídem, that means "in the same place".

Conclusion

We may therefore conclude that intertextuality is the universal principle of the scientific text construction, which is connected retrospectively and prospectively with other research, has a set of intertextual markers and is open to a wide discourse space.

References:

1. Bakhtin, M.M. Questions of Literature and Aesthetics. Moscow: Arts, 1979.
2. Chernyavskaya V.E B.E. Polycodedness. Intertextuality. Interdiscursivity. Moscow: Librocom, 2009.
3. Dolzhich E.A. Intertextuality in modern Spanish scientific discourse. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2012.
4. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. Paris, 1967.

УДК 80
ГРНТИ 19.01.07

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА

Родичева Анна Анатольевна

канд. филол. наук, доцент
кафедры английского языка и литературы
ФГБОУ «Российский государственный гидрометеорологический университет»,
г. Санкт-Петербург

Зайцева Татьяна Александровна

канд. филол. наук, доцент кафедры
Социальных коммуникаций и медиа,
ФГБОУ «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

MODERN RUSSIAN JOURNALIST IMAGE REPRESENTATION

Rodicheva Anna Anatolioevna

candidate of Philology, associate professor,
English Language and Literature
Federal state budgetary institution
"Russian Hydrometeorological State University",
SPb

Zaitseva Tatiana Alexandrovna

candidate of Philology, associate professor, department of
Social Communications and Media
Federal state budgetary institution
"Cherepovets State University"
Cherepovets

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вербальные и невербальные средства репрезентации имиджа современного журналиста в новых медиа. Сегодня наблюдаются изменения, связанные с информационной революцией. Трансформации подвергаются все виды массовой коммуникации. В статье делается вывод, что происходящие в обществе трансформации отразились на имидже журналиста и на отношении к представителю СМИ, формируемом в обществе.

ABSTRACT

The article considers verbal and non-verbal means of representing the image of a modern journalist in new media. Today we can observe changes related to the information revolution. All types of mass communication are subject to transformation. The article concludes that the transformations taking place in the society have affected the image of the journalist and the attitude towards the representative of the media formed in the society.

Ключевые слова: языковые средства, имидж, вербальное поведение, невербальное поведение

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что сегодня большое внимание уделяется исследованиям имиджа журналиста, в формировании которого особую роль играют языковые средства, используемые в его работе.

Целью работы было выявление основных закономерностей в использовании журналистами языковых средств и их роли в формировании имиджа журналиста.

В качестве материала для анализа мы выбрали интервью журналиста Юрия Дудя, размещенные на его ютуб канале «вДудь». Юрий Дудь не только умело использует потребности общества в своих интервью, создавая уникальный контент, но и сам сейчас является предметом обсуждения. Он создал вокруг жанра интервью настоящий культ, ведь повторить его успех на YouTube пытаются очень многие. Длинные видеоинтервью стали делать все:

от начинающих блогеров до народных артистов. Обогнать журналиста Юрия Дудя по популярности в русскоязычном интернете пока не удалось никому.

Это первая волна влияния на поведения медиа-пространства, который оказывает канал «вДудь». Последнее время, воздействие канала приобретает более глобальный эффект, когда острый эпизод из интервью резонирует не только со зрителем в частности, сколько с общественным мнением, или социально принятыми нормами. Сейчас передача «вДудь» является генератором «хайпа» и резонанса темы, которая активно обсуждается в обществе. Такая популярность данного формата интервью очевидна связана с тем кризисом правды, который есть в СМИ. В различных теле и радио передачах, мы видим насколько сильно влияет цензура на качество контента. А Юрий, предлагает формат, который

сам по себе лишен цензуры: задает вопросы на запрещенные в официальном медиа – пространстве темы.

Основная часть

Имидж – синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объём эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определённому социальному поведению [4].

В.М. Шепель выделяет следующие группы функций имиджа [5].

Ценностные функции имиджа:

Личностно возвышающая. Благодаря созданию вокруг личности ореола привлекательности, она становится социально востребованной, раскованной в проявлении своих лучших качеств.

Комфортизация межличностных отношений. Суть этой функции в том, что обаяние людей объективно привносит в их общение симпатии и доброжелательность, а потому нравственную меру терпимости и такта.

Психотерапевтическая. Суть её в том, что личность, благодаря осознанию своей индивидуальной незаурядности и повышенной коммуникабельности, обретает устойчивое мажорное настроение и уверенность в себе.

Таким образом, ценностные функции имиджа свидетельствуют о его бесспорном значении в выстраивании здоровой душевной организации личности [5].

Технологические функции имиджа:

Межличностной адаптации. Благодаря правильно избранному имиджу можно быстро войти в конкретную социальную среду, привлечь к себе внимание, оперативно установить доброжелательные отношения.

Высвечивания лучших личностно-деловых качеств. Благоприятный имидж даёт возможность зрительно представить наиболее привлекательные качества человека, позволяя соприкасающимся с ним людям познавать именно эти черты, вызывающие симпатию или доброе расположение.

Затенения негативных личностных характеристик. Посредством макияжа, дизайна одежды, аксессуаров, причёски и т.д. можно отвлечь людей от тех недостатков, которыми обладает человек.

Организация внимания. Привлекательный имидж невольно притягивает к себе людей, он импонирует им, а потому они психологически легче располагаются к тому, что он говорит или демонстрирует.

Преодоления возрастных рубежей. Искусно владея технологией самопрезентации, что конкретно проявляется в удачном выборе моделей поведения и исполнении различных ролей, можно комфортно себя чувствовать в общении с людьми разного социального положения и профессионального статуса, не сковывая себя «комплексом» собственного возраста [5].

Знание технологических функций имиджа предлагает широкое практическое его использование.

Олешко В.Ф. отмечает, что имидж коммуникатора всегда упрощен по сравнению с объектом. Этот «публичный портрет» динамичен и в сознании аудитории нередко живет как бы «самостоятельной жизнью» и требует постоянной «фактологической» или «драматургической» подпитки. Он также находится как бы между реальным и желанным, восприятием и воображением [1, с.122].

Составляющие имиджа коммуникатора: внешние черты, характер, манера поведения, коммуникативные характеристики, «идейная платформа» и, главное, психологические качества коммуникативного лидера – впечатление о нем в комплексе. Последнее особенно важно при подборе адекватного типажа, соответствующего запросам аудитории, поскольку коммуникатор, заключенный в рамки типа, воспринимается гармоничнее.

В качестве доминирующих, как показывает практика СМИ, можно назвать три составляющих «работающего» имиджа:

умение говорить «на языке» своей аудитории; знание того, что именно сегодня ее волнует; острота ума и чувство юмора.

Подбор журналистом и «примеривание» адекватного типажа, называемого еще «социальной ролью» коммуникатора.

Привлечение внимания к персоне журналиста. Психологи по этому поводу замечают: говорить мы начинаем прежде, чем произносим первые слова. Следовательно, внешность, одежда, манера держаться и еще многое другое определяют едва ли не с первых мгновений коммуникативного контакта перспективность взаимоотношений коммуникатора и коммуниканта.

Вербальный (текстовый) ряд – что и как излагает журналист, насколько аргументированно, убедительно.

Способность вызывать доверие у своей аудитории, а также у потенциальных реципиентов (тех, кто мог бы быть вашим читателем, телезрителем, радиослушателем, но по каким-то субъективным причинам не стал им). Здесь можно говорить о незаурядности личных качеств журналиста, профессионализме, компетентности, может быть, даже определенном «стандарте на героя» у той или иной группы аудитории СМИ.

Журналист должен дать ответы на четыре простых вопроса:

Чего я хочу добиться как профессионал?

Что я могу (природой мне даровано лишь это)?

Кто я сегодня как личность (воспитание, образование)?

Что я должен сделать для того, чтобы добиться результата?

Сделаем вывод: формирование имиджа журналиста возможно лишь в действии. При этом акцентируется внимание на его выигрышных сторонах и вуалируется или как-то по-иному интерпретируется нежелательное.

Так, по мнению В.В. Шаповала, важность «сквозного» стилистического единства имиджа тележурналиста возрастает в связи с тем, что текст сообщения «благодаря развитию электронных средств массовой информации, для всё более широкого круга читателей стал соотноситься не только с определенным кругом уже известных текстов того автора, но и с совершенно определенным человеческим образом: по телевизионным выступлениям мы представляем голос и особенности устной речи, манеру одеваться, жестикуляцию и мимику [4]. Новые условия требуют от тележурналиста не только более тщательных прогнозов касательно реакции предполагаемой аудитории, но и определенной стандартизации, примером которой могут служить телевизионные заставки. В таких условиях устный текст реализуется на фоне предсказуемых композиционных элементов. Все это задает жесткие внешние требования по отношению к тексту, он каждый раз как бы облачается в одну и ту же «униформу». В.В. Шаповал называет это явление эффектом «спрямления» имиджа, выражающемся в наработке индивидуальных штампов [4].

Имидж – образ, порожденный в определенной ситуации с определенной целью, иными словами, образ, специально формируемый или программируемый. Это интеграционное, комплексное образование (ассоциируется с понятиями «престиж» и «репутация»). Имидж формируется результатами деятельности, средствами рекламы и массовой коммуникации.

Имидж представляет собой наиболее эффективную подачу сообщения, которая в состоянии обойти имеющиеся в каждом человеке разнообразные фильтры; это публичное, внешнее «Я» человека. Имидж является средством для достижения цели. То, как работает образ – «за» или «против», – зависит от его носителя. Все определяется психологическими установками человека, его видением мира.

П. С. Гуревич связывает понятие «имидж» как с внешним, так и с внутренним содержанием человека – «внутренним психологическим типом, черты которого отвечают запросам времени и общества». Имидж отражает далеко не все личностные качества, но по возможности лишь те, которые привлекают публику. Процессуальная сторона имиджа включает эмоциональную выразительность, страстность, энергию, скорость реакций – все то, что относят к темпераменту. Построение образа требует не только учета момента, но и демонстрации черт и особенностей характера, связанных в сознании людей с лидерскими качествами [2, с. 216].

Таким образом, имидж приближается к ожиданиям аудитории. Важно уловить то, к чему аудитория чувствительна. Ожидаемый образ представляет собой точку зрения аудитории на идеал, а образ реальный – соответствует имеющимся у объекта характеристикам с его сильными и слабыми сторонами.

В создании имиджа различают несколько подходов. Так, например, Г. Г. Почепцов выделяет три различных подхода к имиджу – контекстный, рассматривающий разные типы имиджей в контекстах их реализации, сопоставительный, при котором имеет место сравнение близких имиджей, и функциональный. Функциональный подход позволяет выделить несколько возможных вариантов имиджа [2, с. 216].

1. Зеркальный. Это имидж, свойственный нашему представлению о себе. Обычно этот вариант имиджа более положителен, ибо психологически мы всегда выдвигаем на первое место позитив. Поэтому его минус – минимальный учет мнения со стороны.

2. Текущий. Этот вариант имиджа характерен для взгляда со стороны. Именно в этой области находит свое применение PR, поскольку недостаточная информированность, непонимание и предубеждения формируют имидж в не меньшей степени, чем реальные поступки. Важной задачей здесь становится получение не столько благоприятного, сколько верного типа имиджа.

3. Желаемый. Этот тип имиджа отражает то, к чему мы стремимся. Он очень важен для новых структур, которые только создаются. О них еще никому ничего не известно, поэтому именно этот желаемый имидж и может выступать в виде единственно возможного. Имидж – часть творческой биографии журналиста – включает то, как он выглядит, говорит, одевается и действует, его профессионализм, позы и язык тела, окружение и даже круг людей, с кем журналист просто поддерживает отношения. В наше время постоянных и интенсивных изменений у людей нет времени детально и глубоко узнать подробности о каждом человеке. Создаваемый визуальный имидж должен быть выстроен так, чтобы можно было вызвать однозначную реакцию на него.

Внутренние характеристики и личные качества журналиста позволяют ему претендовать на определенное профессиональное амплуа. Имидж формируется в зависимости от типа мышления, способов реакции на воздействия, эмоциональной направленности и ценностных ориентаций журналиста. Ведущий – фигура, которая находится на перекрестке различных интересов, он должен обладать определенным набором качеств, которые поддерживают его положение. Набор признаков может работать на успех ведущего. Удачный или неудачный имидж способен повернуть карьеру журналиста. Несмотря на наличие большого количества творческих, выразительных средств, способов для воплощения самых невероятных проектов, успех у зрителей той или иной программы определяется психическими качествами ведущего, особенностями его личностями [2].

Имидж человека публичного, каким является журналист, должен отвечать как минимум четырем критериям.

Компетентность – мера способности источника знать правильный ответ на

поставленный вопрос или владеть истинным положением вещей;

Надежность – это мера отсутствия у источника предвзятости и необъективности в глазах аудитории. В реальной жизни бывает редко. Чаще источник или компетентен, но не надежен, либо надежен, но не компетентен;

Привлекательность;

Убедительность (умение воздействовать психологически на аудиторию).

Поведенческий рисунок является доминирующим при формировании в сознании аудитории имиджа конкретного журналиста. Московские социологи Л. Свитич и А. Ширяева измерили ряд общепсихологических качеств, необходимых журналисту:

общую активность (уровень энергичности, предприимчивости);

интеллектуальные способности;

интроверсию-экстраверсию (степень социальной контактности);

общительность (широту и интенсивность общения);

впечатлительность;

артистичность;

ответственность (социальная зрелость, уважительное отношение к социальным нормам и этическим требованиям);

независимость (самостоятельность, склонность к лидерству);

тревожность (интегральная оценка психического состояния);

невротизм (эмоционально-волевая неустойчивость, степень психического истощения) и некоторые другие [3].

Их исследование показывает, что особо важными для телеведущих является их способность к саморегуляции и эмоциональная стабильность, богатая ассоциативность, способность к перевоплощению и психологической эмпатии, наличие энергетически сложной психики, чувствительность, развитая интуиция, высокая степень внутренней свободы.

Юрий Дудь очень плотно вошел в доверие своей аудитории благодаря имиджу, который создает себе журналист. Нецензурная лексика, вольный стиль поведения, провокационные вопросы про деньги, которые больше и чаще всего волнуют зрителя, вызывает доверие и положительное отношение со стороны аудитории. Добавьте к этому интересных героев, которые ведут за собой современное общество. Провокация является одной из составляющих успеха имиджа Юрия.

Яркие черты молодежного сленга сознательно культивируются в речи ведущего. Краски для создания речевого имиджа журналиста можно найти на любом структурном уровне языка: всюду, где есть альтернатива, где есть стилистический выбор, где возможно использование одной из минимум двух функционально взаимозаменяемых единиц с разной коннотацией и экспрессией [4].

У Юрия Дудя внешность и стиль «своего парня с улицы»: татуировки, часто взъерошенная прическа, рубашка, джинсы и кроссовки. Такого стиля он придерживается в каждом своем выпуске, поскольку целевая аудитория его канала, как и платформы YouTube в целом, – молодежная.

Ведущий всегда внимателен к своему гостю и ведет интервью на простом языке, доступной широкой аудитории, даже если интервьюируемый выражается на сложном языке. Сарказм и ненормативная лексика также выдает медиа аудитории «своего» человека.

В конечном счете, медиа аудитория может оценить профессионализм журналиста и его моральные качества. Оценка выражается непосредственно в уровне доверия к его работе.

Одно из главных отличий интервью на ютубе от телевизионного – отсутствие цензуры: не существует запретных тем, идеологических установок или запрета на нецензурную лексику. В связи с этим мы можем увидеть довольно частое использование обсценной лексики в интервью Ю. Дудя, что не характерно для каноничного ТВ-интервью, но допустимо в рамках ютуб-платформы, целевой аудитории видеоблога.

Юрий Дудь периодически использует прецедентные феномены с целью поддержать коммуникацию и выразить своё отношение к чему-либо.

Языковая игра используется ведущим «вДудь» чаще, чем прецедентные феномены, возможно, потому, что она даёт более яркий эффект.

При просмотре интервью Юрия Дудя обнаруживается закономерная повторяемость языковых и структурных средств, вопросительных конструкций, используемых журналистом.

Юрий в качестве интервьюера и интервьюируемого использует многообразие языковых средств выразительности для репрезентации имиджа «Я свой». Вербальные и невербальные средства общения неоднородны по своей сути. В беседах с Никитой Михалковым и Иваном Ургантом журналист старается не нарушать этические нормы речевого поведения. В разговорах с Егором Кридом, Николаем Соболевым и Андреем Быкасовым позволяет себе целенаправленно употреблять сниженную лексику для создания образа «своего парня».

Выводы

Проведенный анализ звучащих в интернете языковых средств в профессиональной деятельности Юрия Дудя позволяет сделать следующие выводы:

1. В интервью журналиста с представителями власти, общественными деятелями, звездами шоу – бизнеса, явно ощущается стремление автора выразить свое эмоциональное отношение к собеседнику.

2. Прямой эфир и запрет цензуры сделали звучащую речь важным средством как смыслообразования, так и речевой характеристики героев – собеседников.

3. Журналистский профессионализм заключается не только во владении родным языком, умении учитывать интересы и возможности массового адресата, но и в ответственности за передаваемую информацию.

4. Используя прием авторского самовыражения – авторского «Я», журналист свободно выражает свои мысли, входит в контакт с героями, выражает собственную позицию, мнение.

5. Актуализация журналистского «Я» связана с поиском ярких приемов создания текста (употребление маркированных языковых средств, словотворчество, различного рода цитирование, разнообразие вопросных конструкций) для репрезентации имиджа «Я свой».

6. Употребление стилистически сниженных языковых элементов выполняют две функции: 1) для создания особой экспрессии, помогающей успешнее воздействовать на массового слушателя; 2) для создания имиджа «своего парня».

7. В некоторых случаях созданная по авторскому замыслу экспрессивно – оценочная тональность влечет за собой нарушение этической нормы, приносит в текст оскорбительную грубость, цинизм.

8. Реализовать различные коммуникативные роли позволяют журналисту его развитые коммуникативные способности.

У Юрия Дудя внешность и стиль «своего парня с улицы»: татуировки, часто взъерошенная прическа, рубашка, джинсы и кроссовки. Такого стиля он придерживается в каждом своем выпуске, поскольку целевая аудитория его канала, как и платформы YouTube в целом, – молодежная.

Ведущий всегда внимателен к своему гостю и ведет интервью на простом языке, доступной широкой аудитории, даже если интервьюируемый выражается на сложном языке. Сарказм и ненормативная лексика также выдает медиа аудитории «своего» человека.

Список литературы:

1. Олешко В.Ф. Журналистика как творчество. - М.: РИП-холдинг, 2003. [Oleshko V.F. Zhurnalistika kak tvorchestvo. - M.: RIP-xolding, 2003 (In Russ.).]

2. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.-К.: Рефл-бук-Ваклер, 2001. [Pochepczov G.G. Pablik rilejshnz dlya professionalov. M.-K.: Refl-buk-Vakler, 2001. (In Russ.).]

3. Свитич Л.Г. Феномен журнализма. М.: Издательство ИКАР, 2000. [Svitich L.G. Fenomen zhurnalizma. M.: Izdatel'stvo IKAR, 2000. (In Russ.).]

4. Шаповал В.В. Имидж автора в публицистике (роль сленговых и иных заимствований, маркированных как «чужое слово»). М. 1999. URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm>. [Shapoval V.V. Imidzh avtora v publicistike (rol' slengovy'x i iny'x zaimstvovaniy, markirovanny'x kak «chuzhoe slovo»). M. 1999. URL: <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval20.htm>. (In Russ.).]

5. Шепель В. М. Имиджеология. Как нравится людям / В. М. Шепель. М.: Народное Образование. 2002. [Shepel' V. M. Imidzheologiya. Kak nravit'sya lyudyam / V. M. Shepel'. M.: Narodnoe Obrazovanie. 2002. (In Russ.).]

УДК 81'22

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Чижикова Светлана Николаевна

Канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков
Россия, г. Краснодар, ул. Дзержинского, 135

Колесникова Анастасия Юрьевна

Преподаватель кафедры иностранных языков
Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков
Россия, г. Краснодар, ул. Дзержинского, 135

THE USE OF VISUAL MATERIAL IN TEACHING SPEAKING A FOREIGN LANGUAGE

Chizhikova Svetlana

Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer of the Foreign Languages Department
of Krasnodar Air Force Institute for pilots
Russia, Krasnodar, Dzerzhinsky Street, 135

Kolesnikova Anastasia

Instructor of the Foreign Languages Department
Krasnodar Air Force Institute for pilots
Russia, Krasnodar, Dzerzhinsky Street, 135

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы применения иллюстративной наглядности при обучении говорению на иностранном языке. В работе дается краткий обзор истории изучения наглядности, функции наглядного материала и цели его применения на практических занятиях по иностранному языку, определяются виды наглядности и критерии отбора иллюстративного материала. Даются примеры использования наглядности на занятиях на этапе введения лексики, закрепления изучаемого материала и контроля его усвоения, составления монологических высказываний и выхода в устную речь.

ABSTRACT

This article deals with the problem of using illustrative visual material in teaching speaking a foreign language. The paper gives a brief visual material's history review, the functions and aims in practical classes in a foreign language, determines the types of visual material and the criteria of illustrative material selection. The article contains the patterns of using visual material at the stage of introduction and fixing of lexical material, monologue practice as well as for speaking skills and oral speech.

Ключевые слова: иллюстративная наглядность, функции наглядности, критерии отбора наглядности, говорение, лексика.

Key words: illustrative visual material, functions of illustrative material, criteria of illustrative material selection, speaking, lexical material.

Опытному преподавателю не составит труда провести занятие для группы обучаемых, не имея ничего из подручных средств, например: доски, мела, книги, тетради, ручки, не говоря уже о более современных средствах. Обучаемые непременно выйдут с занятия с новыми знаниями, но будет ли их увлекать процесс обучения на таком уровне долгосрочно, остаётся вопросом. На сегодняшний день существует масса средств, способных вывести занятие на новый уровень, на уровень, где сочетается опыт преподавателя и современные средства обучения. В данной статье речь пойдет об одном из таких средств, которое стало объектом нашего исследования, иллюстрированной наглядности.

Современные технологии, которые внедрились не только в нашу жизнь, но и образовательный процесс, помогают преподавателям реализовать разнообразные педагогические задачи, облегчить процесс восприятия и усвоения учебного материала на неродном для обучаемых языке. Благодаря современным компьютерным технологиям мы имеем уникальную возможность использовать весь спектр наглядности, в зависимости от цели ее применения на практическом занятии, что говорит об актуальности данной темы.

Материалом для практической части статьи послужили задания, взятые из учебно-наглядных пособий по устной речи часть 1, часть 2, изданных на кафедре иностранных языков Краснодарского ВВАУЛ. Целью статьи является многоплановое исследование наглядности как принципа обучения. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. провести краткий обзор истории изучения наглядности;
2. дать определение наглядности;
3. разработать функции наглядного материала;
4. выявить цели применения наглядности на занятиях по иностранному языку;
5. рассмотреть виды наглядности;
6. раскрыть критерии отбора наглядности;
7. показать практическое применения наглядности на этапе введения лексики,

закрепления изучаемого материала и контроля его усвоения.

Научная новизна исследования заключается как в выборе самого объекта анализа – иллюстрированной наглядности, так и в определении предмета, целей и задач исследования. Практическая ценность исследования определяется тем, что предложенный подход к изучению использования иллюстрированной наглядности на занятиях по иностранному языку может быть применен к изучению других видов наглядности, например, таких как графическая или звукоизобразительная. Материалы и результаты изучения данной темы имеют практическое значение для педагогов в военном вузе.

В ходе исследования был проведен анализ зарубежной и отечественной научной литературы с целью разработки теоретических основ применения наглядности при обучении говорению на иностранном языке. Наглядность как принцип обучения был впервые сформулирован чешским педагогом Я.А. Коменским (1592-1670), считавшим наглядность самым естественным и простым способом обучения, выполняющим функцию основного источника получения знаний. Швейцарский педагог И.Г. Песталотти (1746-1827) также придавал особое значение наглядности при обучении и посвятил большое количество своих работ методике ее применения. Он считал наглядность «... абсолютной основой всякого познания» и предлагал внедрять принципы наглядности во всех областях познания, например при изучении языка, счета и другого [7]. В дальнейшем этим вопросом занимались такие зарубежные и отечественные педагоги как Ф. Дистерверг (1790-1866), В.А. Лай (1862-1926), К.Д. Ушинский (1823-1870) и другие. Мы придерживаемся точки зрения прославленных педагогов и считаем, что использование наглядности повышает качество знаний обучающихся, способствует оптимизации обучения и повышает мотивацию.

Из современных ученых, занимающихся вопросами наглядности при формировании

коммуникативной компетенции, а также рассматривающих наглядность (визуализацию) как один из принципов или технологий обучения, следует отметить А.А.Вербицкого, И.А. Зимнюю, И.Ю. Колесова, Р.П. Мильруда, Е.И. Пассова, А.М. Фридмана, и др. Применительно к специфике военного авиационного вуза интересны наблюдения наших коллег.

Так, О.А. Калашникова считает принцип наглядности основополагающим для профессионализации обучения будущих летчиков [3]. Ею описываются такие виды наглядности, как статические и динамические (отдельные изображения, презентации, инфографика и видеографика), их назначение и приемы использования на занятиях с целью формирования профессионально значимых качеств будущих летчиков. Уточняется необходимость комплексного предъявления учебной информации в разных формах: визуальной, графической и акустической, что должно способствовать интерактивному характеру обучения и развитию самостоятельности и творческого мышления обучаемых.

Интерес представляет также инфографика как один из способов визуализации знаний [10], предназначенный представлять большой объем информации в сжатом и организованном виде, удобном для восприятия. При обучении иноязычной коммуникации необходимо сопровождать инфографику языковыми опорами в виде речевых моделей и клише, ключевой лексики, которые помогут обучаемым изложить необходимый материал на иностранном языке.

Т.А. Мальковская [6] уточняет цели применения такого задания, как описание изображения при обучении общему иностранному языку (ИЯ) и профессионально ориентированному – авиационному английскому языку (ААЯ): они частично совпадают. По ее мнению, в обоих случаях «изображение стимулирует коммуникативную мотивацию, подталкивает к использованию английского языка» [6, с.6], таким образом, способствует формированию коммуникативной компетенции. Однако описание картинки в ИЯ – это рассказ на определенную тему, включающий в себя личное отношение говорящего к предмету, в то время как основная цель такой работы в ААЯ – максимально точно рассказать собеседнику об изображении с тем, чтобы он смог мысленно представить себе картину происходящего, что обусловлено ситуацией профессионального общения. Особенно актуально это в нештатных ситуациях, когда от точности описания ситуации зависит безопасность людей.

Проведя анализ научной и методической литературы, можно выделить несколько подходов ученых к определению и назначению наглядности, что говорит о многогранности этого понятия. Так педагогический словарь интерпретирует наглядность как «принцип, согласно которому обучение строится на конкретных образцах, непосредственно воспринятых учащимися не

только через зрительные, но и моторные, а также тактильные ощущения» [4]. Г.В. Рогова считает ее «специально организованным показом языкового материала с целью помочь обучающемуся в его понимании, усвоении и использовании» [9]. Обобщая средства наглядности, можно рассмотреть несколько классификаций. Согласно Г.М. Коджаспировой, наглядные средства подразделяются на такие категории, как предметная наглядность и изобразительная [5]. Опираясь на содержание наглядных средств, можно выделить следующие виды наглядности: естественная – окружающие нас предметы, экспериментальная – опыты, эксперименты, изобразительная или иллюстрированная – картины, фотографии, рисунки, звукоизобразительная – видеофильмы, звуковая – аудиозаписи, графическая – карты, схемы, графики, внутренняя – образы, создаваемые речью педагога [11].

В зависимости от цели использования на практическом занятии по иностранному языку, наглядный материал может обладать следующими функциями:

1. являться источником приобретения определенных знаний и опорой усвоения и закрепления материала;
2. помогать формировать определенные умения и навыки;
3. создавать условия коммуникативного использования языкового материала в устной и письменной речи;
4. основать фундамент для развития творческого воображения и мышления;
5. стать приемом развития памяти путем ее опоры на различные органы ощущений и впечатлительность.

Принимая во внимание функциональный набор наглядного материала, стоит обратить внимание на такие факторы, как частотность и целесообразность его использования в структуре занятия и критерии отбора. Зачастую иллюстративный материал является мотивационной составляющей при овладении иностранным языком, так как при его грамотном отборе он может пробудить или поддержать интерес, желание овладеть языком и всеми видами речевой деятельности. Помимо мотивационной составляющей использование иллюстративной наглядности на практических занятиях может способствовать развитию профессиональных качеств наших обучаемых, будущих летчиков, а именно, образное и пространственное мышление, концентрация внимания, зрительная память и ряд других качеств, формирующихся при изучении иностранного языка [3].

Неоспорим тот факт, что одной из важнейших целей обучения иностранным языкам считают формирование у обучаемых коммуникативных способностей, которые позволят им свободно общаться с представителями разных культур и традиций. Соответственно наряду с развитием всех четырех видов речевой деятельности, приоритетным среди них остаются говорение и

аудирование, так как оба вида являются важными компонентами устной речи.

Особая роль в достижении цели овладения коммуникативными умениями связана с наглядностью, которая в совокупности с речевыми моделями, лексическим и грамматическим материалом позволит смоделировать коммуникативные ситуации, нацеленные на развитие устной речи [3]. Данные ситуации стимулируют речевую деятельность обучаемых, побуждают к беседе (диалогу) по содержанию иллюстративного материала, обмену мнениями, построению гипотез и домысливанию, а также развитию навыков монологической речи. Наглядность помогает сосредоточиться на содержании, необходимой лексике для описания, акцентировать внимание на важных и второстепенных деталях и помогает определиться с личным отношением к предъявляемой ситуации [8].

Выбор наглядности зависит от учебной цели, которая стоит перед преподавателем, от этапа обучения и определенных условий в конкретной учебной ситуации и основной цели формирования коммуникативно-компетентной личности. Но иногда используемая наглядность может усугубить понимание и работу по теме (перенасыщенность цвета, деталями, графикой, большой длительностью аудио или видео материала). Чтобы не столкнуться с такой проблемой, необходимо рассмотреть существующие критерии отбора наглядного материала.

Выделяют два основных критерия отбора иллюстративного материала, а именно, общие и специфические. Общие критерии относятся к содержанию наглядности, в то время как специфические критерии затрагивают страноведческую основу высказывания. Давайте рассмотрим общие критерии отбора, схожие для всех типов картинок, фотографий, объявлений, схем, графиков, к которым относятся:

- качество и эстетическое удовольствие (наглядная опора должна заинтересовать и вызвать эмоции обучаемых);
- информативность (содержание наглядности должно соответствовать изучаемой теме, давать возможность формировать собственное мнение или вызывать критику);
- интерес для обучаемых (наглядная опора должна соответствовать возрасту, интересам и жизненному опыту);
- детальность (больше деталей мотивирует к говорению, дискуссии и расширению словарного запаса).

Говоря о специфических критериях отбора наглядных материалов, стоит отметить следующие:

- языковые знания обучаемого (насколько знания, которыми обучаемый овладел ранее, помогут ему осуществить речевое высказывание на

основе представленной наглядной опоры и не потерять интерес к обсуждаемой теме);

- аутентичность изображения (желательно, чтобы наглядная опора была достоверной);

- актуальность изображения (изображение отражает время, эпоху или событие, которое освещается);

- субъективное мнение обучаемого (столкновение объективного и субъективного факторов, когда представленное изображение может показаться наблюдателю приукрашенным или же наоборот освещать событие не с лучшей стороны);

- сходство или различие с родной культурой (изображение не должно вызывать эффект отторжения или культурного шока, если аспекты двух языков не совпадают) [1].

Контакт со зрительным образом происходит гораздо быстрее, чем с вербальной информацией, так как усвоение изображений и их запоминание занимает меньше времени, чем восприятие текста [2]. Средства изобразительной наглядности играют важную роль в восприятии информации, так как решают познавательные задачи, не уступая по своему значению вербальному тексту. При этом по своим функциям наглядность или вносит дополнительную информацию, или замещает пропущенный вербальный компонент, или сочетается с вербальными средствами, таким образом, увеличивает смысловую нагрузку, обогащает содержание, помогает обучаемому глубже воспринимать информацию. Таким образом, можно говорить о том, что наглядность является своего рода языком передачи информации.

На кафедре иностранных языков, сотрудниками которой мы являемся, была инициирована научно-исследовательская работа «Обучение иностранному языку в авиационном вузе с использованием средств наглядности». Практический этап эксперимента предполагал апробацию учебных материалов и методик преподавания в экспериментальных группах, с активным применением средств иллюстрированной наглядности. В ходе этой работы было выявлено, что регулярное применение наглядности в сочетании с учебным материалом повышает как интерес обучающихся к учебному процессу, так и качество успеваемости по дисциплине. Результатом этой работы явились изданные учебно-наглядные пособия по устной речи, предназначенные для обучения говорению на иностранном языке, эффективно используемые в учебном процессе. Рассмотрим пример, взятый из одного из них для изучения лексики по теме «Военно-морские силы». Введение и закрепление нового лексического материала как нельзя лучше с использованием наглядности. Изображения способствуют наглядно представить предлагаемый материал, тем самым облегчить его усвоение.

Support vessels

*oiler – refuels other ships
with fuel*

*tugboat – maneuvers
other vessels by pushing
or pulling them*

barge – transports cargo

*hospital ship – treatment
facility or hospital*

Приведенный пример иллюстрированной наглядности выступает как смешанный текст, сочетающий в себе графическую и иллюстрированную наглядность с текстовым пояснением. Такой подход предъявления информации позволяет зрительному образу сочетаться с буквенным и оказывает влияние на общее запоминание увиденного и прочитанного.

На этапе говорения использование наглядности помогает активизировать лексический запас обучающихся, а в сочетании с краткой информацией, выстроить план устного сообщения.

Следующий пример используется на этапе выхода в речь по теме: «Военное образование». Предлагаемое изображение позволяет создать визуальные условия, стимулирующие коммуникативные навыки обучающихся. Графическая наглядность используется в качестве опоры для построения монологического высказывания. Таким образом, наглядность стимулирует коммуникативную мотивацию, а графическая ее составляющая помогает обучаемым логически выстроить стратегию устного высказывания.

*United States Air Force Academy Establishment:
1954*

*Location: Colorado Springs, Colorado Motto:
Integrity First, Service Before Self and Excellence in
All We Do*

Использование наглядности на этапе контроля дает возможность проверить уровень освоения изученного материала. Приведенный ниже пример тому подтверждение: обучающимся необходимо

посмотреть на фотографии, назвать транспортные средства, представленные перед ними, сказать, для чего они предназначены и в каком из видов вооруженных сил используются.

Look at the photos and name the vehicles you can see. Say what each of them is designed for and what service branches operate them.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, роль наглядности как важного средства обучения не утрачивает актуальности в связи с поиском новых возможностей достижения учебных целей. Применение наглядности способствует овладению обучающимися иноязычными коммуникативными способностями. Следует сказать, что, подбирая наглядный материал на занятие по иностранному

языку, стоит учитывать функции наглядности, критерии отбора, как общие, так и специфические, и, конечно же, ее целевое предназначение. Ведь правильно подобранный наглядный материал станет эффективным средством более эмоционального и яркого запоминания учебной информации.

Список литературы:

1. Артемов В.А. Психология наглядности при обучении. М., 2004. 345с.
2. Выготский Л.П. Психология искусства. М., 2001.
3. Калашникова О.А. Профессионализация обучения английскому языку с использованием средств визуальной наглядности в авиационном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S7. – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/76084.htm>.
4. Коджаспирова, Г.М. Педагогический словарь: для студентов высших и средних педагогических учебных заведений М., 2001. 176 с.
5. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учебник. М., 2004. С.311.
6. Мальковская Т.А. Использование изображений в языковых и речевых упражнениях для развития устной речевой компетенции в рамках дисциплины «Авиационный английский язык» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № S7. – С. 39–45. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/76089.htm>.
7. Песталоцци И.Г. Педагогические сочинения. М., 1950. С.273
8. Прусаков Н.Н. Наглядность как средство осмысления иноязычного материала / Н.Н. Прусаков // Иностранные языки в школе. 1990. №5. С.41-44.
9. Рогова Г.В. О принципах обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1974. №6. С. 85-95.
10. Рябова Т. В. Инфографика при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. №51. С. 292-294.
11. Соломахо П.Э. Общая и профессиональная педагогика. М., 2002.

УДК: 81.25

ГРНТИ: 16.21.21

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА КРАСНОЯРСКА В
ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

*Колмогорова Анастасия Владимировна**доктор филологических наук,**заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики,**г. Красноярск**Мельникова Марина Игоревна**Магистрант**кафедры теории германских языков и межкультурной коммуникации,**г. Красноярск***АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена анализу концептуальных метафор как способа дискурсивного конструирования образа Красноярска в масс-медийном дискурсе. Актуальность исследования определяется интересом современного языкознания к изучению особенностей дискурсивного конструирования имиджа города, как важного элемента городской политики. В работе рассматриваются определения ключевых понятий, а именно – «дискурсивное конструирование», «концептуальная метафора». В центре внимания исследования находятся области-источники концептуальных метафор, с помощью которых в сознании читателей формируется определенное представление о городе. Также к концептуальным метафорам, мы относим различные референты, благодаря которым Красноярск получает различные способы номинации. Областью-мишенью во всех примерах является Красноярск. Основные области-источники: спорт, географическое местоположение, хозяин, принимающий гостей и новая земля. В качестве материала исследования послужили статьи из русскоязычных и англоязычных масс-медиа.

ABSTRACT

The paper concern is the analysis of conceptual metaphors as a method of discursive construction of the image of Krasnoyarsk in the media discourse. The rationale is determined by a lively interest of modern linguistics in studying the features of discursive construction of the city image as an important element of urban policy. The research considers the definitions of key concepts, such as “discursive design”, “conceptual metaphor”. The research is particularly focused on source domain of conceptual metaphors that form a certain image of the city in the reader’s mind. Moreover, a lot of referents are considered as a part of conceptual metaphors. As the result of using such referents, Krasnoyarsk has different naming units. Target domain is Krasnoyarsk. The main source domains are sports, geographical location, host, and new land. The materials of the study are the articles from Russian-language and English-language mass media.

Ключевые слова: дискурсивное конструирование, концептуальная метафора, область-источник, область-мишень, референт.

Key words: discursive construction, conceptual metaphor, source domain, target domain, referent.

В настоящее время дискурсивное конструирование города представляется важным элементом городской политики, в связи с чем, целью нашей работы является рассмотрение

особенностей дискурсивного конструирования имиджа города на основе концептуальных метафор. Такие метафоры представляют важную сферу исследования в современной лингвистике. Анализ концептуальных метафор применительно к различным феноменам представлен в работах многих отечественных лингвистов: А.В. Колмогоровой [3], А.С. Даньшиной [2], Л.В. Кульчицкой [5], Е.В. Майковой [7], Е.А. Бобровой [1] и др.

Материалом для исследования послужили статьи, интервью из центральных, региональных русскоязычных и англоязычных медиа, а также тексты российских и англоязычных блогов. Совокупный объем проанализированного материала составил 157 статей.

Согласно С.Н. Плотниковой, дискурсивное конструирование представляет собой «дискурсивную деятельность по порождению пока еще не существующего бытия» [8, с. 42]. С помощью дискурсивного конструирования создается настоящее, в связи с этим мир переводится из невидимого в видимый, т. е. превращается в реальность, соответственно, дискурс становится реальностью для человека.

В дискурсе СМИ действительность конструируется по особым правилам, поскольку их главной задачей является направленность не столько на отражение окружающей действительности, сколько на формирование собственной реальности с целью конструирования определенного образа события. Масс-медиа отбирают информацию на основе масс-медийного

кода, трансформируя его для того, чтобы она стала актуальной, сенсационной или интересной для общественности. Одним из способов медиатизации информации является использование в статьях лексики с социально-оценочным значением и метафор. В нашей работе мы исследуем дискурсивное конструирование образа города на примере концептуальных метафор.

Согласно основоположникам теории концептуальной метафоры Дж.Лакоффу и М. Джонсону, метафоризация основывается на взаимодействии двух структур знаний: «когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain)» [6, с. 9]. В русскоязычной терминологической традиции, их принято называть область-источник и область-мишень. Область-источник представляет собой «более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» [6, с. 10]. В то время как область-мишень – это «менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, скорее, «знание по определению» [6, с. 10]. В нашей работе метафоры также будут представлены как перенос из области-источника в область-мишень. В качестве последней всегда будет выступать Красноярск, а источником будут являться различные области знания.

На основе проанализированного нами материала, было выявлено, что основными сферами-источниками описания Красноярска являются следующие (табл. 1):

Таблица 1.

Области-источники

Область-источник	Количество употреблений
Спорт	16
Географическое местоположение	13
Хозяин, принимающий гостей	9
Новая земля	7
Сказочно-мифологические тексты	1
Религия	1
Другие	12

Как мы видим в таблице 1, большая часть метафор имеет областью-источником спорт. Это может объясняться тем, что в Красноярске в 2019 и 2020 годах проходили международные спортивные соревнования, в связи с чем, город в медиадискурсе часто рисуется через призму соревновательности, например:

1. *Красноярск имеет все шансы провести эти юношеские Олимпийские игры на высочайшем уровне* [12].

2. *«За время подготовки к Студенческим играм наш город преобразился. У нас появились современные спортивные сооружения, благодаря которым Красноярск получил возможность принимать крупные мероприятия <...>»* [17].

3. *Затмить ЧМ: справится ли Красноярск с Универсиадой* [Кракова, 2018].

4. *Красноярск вышел на первое место по загрязнению в международном рейтинге* [NGS24, 2020].

В этих примерах Красноярску приписываются способности, используемые живыми существами в ходе их жизнедеятельности, в связи с чем, город выступает неким одушевленным предметом. Использование таких фраз: *иметь шанс, получить возможность, справиться, выйти на первое место*, обычно соотносится с людьми, вступающими в различные соревнования. Следовательно, здесь Красноярск осмысливается, как конкурсант, участник соревнования, вступающий в битву за награду. В связи с этим областью-источником являются спортивные соревнования. Кроме того, в приведенных примерах мы можем наблюдать и прием метонимии – номинация *Красноярск* олицетворяет в этом примере

администрацию города и спортивное управление, которые способны подготовить необходимые условия для проведения в Красноярске масштабных событий.

В примере номер 2 использован глагол *преобразиться*, имеющий значение «перевоплотиться, превратиться в другое существо». Он отсылает читателя к сказочно-мифическим сюжетам. Согласно В. Я. Проппу, обычно превращаться из одной сущности в другую можно лишь волшебным образом, при использовании волшебных предметов, животных или магической силы героев [9]. В сказочных сюжетах превращения происходят мгновенно, в связи с этим употребление слова *преобразиться* в данном контексте указывает на моментальное перевоплощение Красноярска в нечто новое и удивительное. Красноярск соотносится с неким сказочным, вымышленным существом, способным к быстрым перевоплощениям. Здесь областью-источником можно выделить также сказочно-мифологические тексты.

В вышеприведенных примерах, Красноярск, представленный в качестве конкурсанта, имеет позитивный образ, поскольку он вступает в соревнования и выходит победителем. Однако в примере номер 4 контекст ситуации указывает на то, что такое первенство оказывает пагубное воздействие на экологическую обстановку в России. Данный пример формирует в сознании читателей отрицательный образ Красноярска и отношение к нему.

Следующие примеры иллюстрируют другую область-источник «хозяин, принимающий гостей». Эти примеры непосредственно связаны с проведением в Красноярске Универсиады в 2019 году.

5. В марте Красноярск примет зимнюю Универсиаду-2019 [13].

6. Красноярск ждет гостей Зимней универсиады-2019 [14].

7. Красноярск встречает эстафету огня зимней Универсиады-2019 [22].

8. Красноярск встречает зимнюю Универсиаду-2019 [21].

Во всех вышеприведенных примерах город представляется главой дома, готовый к встрече с гостями со всего мира, такие метафоры призваны подчеркнуть гостеприимство города, что формирует позитивное отношение к нему.

Поскольку Красноярск не является столичным городом, то вполне закономерно, что о нем не знают во всем мире. Как следствие, одной из распространенных областей-источников является «новая земля» – территория, – которую только начинают узнавать. Еще одной причиной может служить тот факт, что Красноярск долгое время оставался закрытым для посещения городом. Рассмотрим примеры:

9. «Весь мир откроет Красноярск»: как в городе готовятся к первенству мира по керлингу среди юниоров [Newslab, 2020б].

10. <...> Подготовка идет на хорошем уровне, и я уверен, весь мир откроет для себя Красноярск как новую площадку и как одну из столиц керлинга в мире. И для нас это очень почетно — принимать таких гостей у себя в городе» [18].

11. «В столице "Енисейской Сибири" очередной спортивный праздник. Сейчас уже у спортсменов и тренеров нет вопросов: „Что такое Красноярск, и где он находится?“ <...>» [19].

В этих примерах Красноярск представляется нам как новое, ранее неизведанное место, целина, которую только предстоит открыть и освоить. Использование такой метафоры указывает на то, что Красноярск – это еще молодой перспективный город, это новое пространство для спортивных и любых других мировых событий, которые могут быть проведены в новом для всего мира месте. Такие метафоры также формируют позитивный образ города в сознании читателей.

Многие концептуальные метафоры представлены в виде различных референтов. Под референтом мы понимаем «объект или явление материального мира, к которому отсылает та или иная языковая единица в процессе референции» [4, с. 332]. Использование различных референтов образует длинную референциальную цепочку, благодаря которой город получает различные номинации. Самой распространенной областью-источником среди референтов является географическое местоположение. Рассмотрим примеры.

12. «В самом сердце Сибири»: гости со всего мира оценили готовность Красноярска к Зимней универсиаде-2019 [15].

13. Помимо этого, для туристов, прибывших на Зимнюю универсиаду-2019, разработали семь специальных маршрутов: «В край причудливых скал», «Город у Красного яра», «Из Красноярска в Дивногорск», «От истории к современности», «Зимние забавы и красота сибирской природы», «Краснояры-сердцем яры», «Душа Сибири». С 23 февраля и по 14 марта их посетили около 4 тысяч человек [16].

14. “Follow Us in Siberia” has visited Krasnoyarsk, a city located in the heart of Siberia at the base of the Sayan Mountains, a city that defies expectations, with a dynamic outlook, and a vibrant, young population [23].

15. Key functions of the Kremlin government could switch to Siberia and specifically Krasnoyarsk - the centre of Russia - according to Mr Putin [24].

В этих примерах Красноярск называют «сердцем Сибири», поскольку он располагается в центре большого региона. Так, город представляется нам самым важным и центральным городом Сибири, поскольку этимологически слово «сердце» происходит от «середина», т.е. находящееся в центре [10]. Кроме того, он является центральным регионом всей России (*the centre of Russia*). Это позволяет нам выделить областью-источником географическое местоположение. Такие номинации как: *в край причудливых скал*,

город у Красного яра, также указывают на географическое местоположение города. Город располагается в горах, а одной из главных его достопримечательностей является заповедник «Столбы», расположенный на северо-западных отрогах Восточных Саян. Номинация «город у Красного Яра» связана с основанием Красноярска – «Красный Яр», значит «красивый берег», поскольку город был построен на живописной реке Енисей.

Следующий пример также указывает на то, что Красноярск это один из самых главных сибирских городов.

«Красноярск – душа и сила Сибири»

Лозунг был придуман мэрией Красноярска в 2018 году и был утверждён в качестве нового слогана города путем голосования местных жителей. В настоящее время он повсеместно используется при описании Красноярска и прочно утвердился в сознании местных жителей и гостей города. Такая номинация города была особенно популярна при проведении Универсиады в 2019 году в Красноярске, ее можно было увидеть на баннерах, общественном транспорте, в статьях посвященных Красноярску. Также в 2018 году под эгидой этого слогана прошел День города Красноярска, были проведены различные детские мероприятия и экскурсии.

Использование такого референта также указывает на то, что Красноярск является центральным и главным районом Сибири, в котором сосредоточены основные культурные и спортивные центры. Душой, согласно религиозным поверьям, обладают лишь живые существа и через нее выражена божественная сущность и природа человека или животного. То есть в данном примере Красноярск является одушевленным существом, в котором представлена сущность и дух Сибири. В свою очередь слово «сила», согласно этимологическому словарю М. Фасмера, также обозначает «дух, душу, чувственность, духовную силу», что позволяет говорить о том, что источником данного выражения является религия [11].

Таким образом, метафоры являются одним из основных способов конструирования города. Благодаря использованию метафор в социальных масс-медиа, в сознании читателя выстраивается и закрепляется определенный образ города. На основе проанализированного нами материала, – было выявлено, что основными областями-источниками описания Красноярска являются спортивные соревнования, географическое местоположение, хозяин и новая земля. Метафоры могут приписывать городу функции живых существ, поскольку город представляется в качестве конкурсанта вступающего в соревнования, или хозяина, принимающего гостей; а также определяют его как новое неизведанное место, находящееся в центре Сибири. Большая часть метафор формирует позитивный образ города, поскольку представляет его, как один из важнейших и развитых регионов России.

Список литературы

1. Боброва Е.А. Концептуальная метафора как средство категоризации окружающей действительности на примере метафоры движения по пути // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 1–5. [Bobrova E.A. Metaphorical concept as a way of categorizing the outside world by the example of the metaphor of travel. Journal of Irkutsk state economic university. 2013; (3): 1–5. (in Russ).]
2. Данышина А.С. Актуализации концептуальной метафоры путь в современном английском языке // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 78–80. [Danshina A. S. Actualisation of the conceptual metaphor WAY in modern English language. Scientific journal proceeding of Voronezh State University. 2017; (2): 78–80. (in Russ).]
3. Колмогорова А.В. «Бей своих, чтоб чужие боялись»: концептуальная амальгама ПУТИН – ЛИДЕР НАЦИИ как оружие внутренней информационной войны во Франции, и как ее мишень – в России (взгляд лингвиста) // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 273–298. [Kolmogorova A.V. “Beat of their own to other people’s fear”: conceptual amalgam PUTIN – LEADER OF THE NATION as the arms of the internal information warfare in France and as its target in Russia (view of linguist). Ecology of language and communicative practice. 2016; (1): 273–298. (in Russ).]
4. Коровина И.В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). С. 332–336. [Korovina I.V. Correlation of the notions «sign», «referent», «denotation» and «concept» as principal elements of reference. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2010; 4 (1): 332–336. (in Russ).]
5. Кульчицкая Л.В. Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 11. С. 85–90. [Koulchitskaya L.V. Cognitive and conceptual metaphor in Russian linguistics in early period of cognitive linguistics. Vestnik of Buryat State university. 2012; 11: 85–90. (in Russ).]
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. Баранова А.Н., Морозова А.В. // М: Едиториал УРСС; 2004. [Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by: translated by Baranova A.N., Morozova A.V. Moscow: Editorial URSS; 2004. (In Russ).]
7. Майкова Е.В. Метафора в когнитивной лингвистике // Молодой ученый. 2018. № 20 (206). С. 448–450. [Maikova T.A. Conceptual metaphor in sociological terminology. Molodoy uchenyj. 2018; (20): 448–450.]
8. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование, как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. 2014. Вып. 5. С. 41–46. [Plotnikova S.N. Discursive construction as theoretical knowledge.

Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2014; (5): 41–46. (In Russ.).]

9.Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград: Academia, 1928. 152 с. [Propp V. I. Morfologiya skazki. Leningrad: Academia; 1928. (In Russ.).]

10.Середина / Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г.А. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/search?s=%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0>.

11.Сила // Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/search?s=%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0>.

Список источников

12.Красноярск может принять зимние юношеские Олимпийские игры / Дела.ru. URL: <https://dela.ru/lenta/250038/>.

13.Затмить ЧМ: справится ли Красноярск с Универсиадой / Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/sport/2018/11/15/a_12060007.shtm.

14.Красноярск ждет гостей Зимней универсиады-2019 / Новый Омск. URL: https://newsomsk.ru/news/83016-krasnoyarsk_jdet_gostey_zimney_universiad_2019/.

15. «В самом сердце Сибири»: гости со всего мира оценили готовность Красноярска к Зимней универсиаде-2019 / Newslab.ru. URL: <http://newslab.ru/photo/850093>.

16.Во время соревнований гости Зимней универсиады-2019 устраивали фототуры во все уголки Красноярска / Newslab.ru. URL: <http://newslab.ru/news/900280>.

17. «Трассы хороши, главное — не проиграть самим себе»: как призёры Зимней универсиады-

2019 выступали на этапах Кубка мира по фристайлу в Красноярске/ Newslab.ru. URL: <https://newslab.ru/article/955146>.

18. «Весь мир откроет Красноярск»: как в городе готовятся к первенству мира по керлингу среди / Newslab.ru. URL: <https://newslab.ru/article/948436>.

19. «Красноярск занял свое место на карте зимних видов спорта»: в кластере «Сопка» стартуют этапы Кубка мира по фристайлу / Newslab.ru. URL: <https://newslab.ru/article/953748>.

20. Красноярск вышел на первое место по загрязнению в международном рейтинге / NGS24.ru. URL: <https://ngs24.ru/news/more/66499765/>.

21. Красноярск встречает зимнюю Универсиаду-2019 / Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/sport/2583618.html>.

22.Красноярск встречает эстафету огня зимней Универсиады-2019 / Sibnovosti.ru. URL: <https://krsk.sibnovosti.ru/society/372890-krasnoyarsk-vstrechaet-estafetu-ognya-zimney-universiady-2019>.

23.Hackwill R., Sherbakov S. The world comes to Siberia as Krasnoyarsk prepares for the Student Winter Games / Euronews.ru. URL: <https://www.euronews.com/2018/09/20/the-world-comes-to-siberia-as-krasnoyarsk-prepares-for-the-student-winter-games>.

24.The Siberian Times. Vladimir Putin plans to move part of the Russian government to Siberia / The Siberian Times. URL: <https://siberiantimes.com/business/opinion/news/vladimir-putin-plans-to-move-part-of-the-russian-government-to-siberia/>.

УДК 1751

ГРНТИ 17

«АЛЬМАНЗОР» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ И ЕГО ПЕРЕВОД САГИТОМ СУНЧЕЛЕЕМ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.713

Назмутдинова Мунира Ахматзакиевна

Канд. пед. наук,

доцент кафедры иностранных языков и перевода,

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Набережные Челны

Буренкова Ольга Михайловна

Канд. пед. наук,

доцент кафедры иностранных языков и перевода,

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
г. Набережные Челны

АННОТАЦИЯ

Изучив историю исламского государства в Испании – Кордовского халифата - Генрих Гейне написал трагедию «Альманзор». Постановка трагедии на сцене театра прошла безуспешно. Молодой поэт и переводчик Сагит Сунчелей перевел данное произведение на татарский язык. Отзывы были и отрицательными, и положительными. Цензура также не пропустила трагедию на сцену.

ABSTRACT

After studying the history of the Islamic state in Spain – the Cordova Caliphate - Heinrich Heine wrote the tragedy «Almanzor». The production of the tragedy on the stage of the theater was unsuccessful. The young poet and translator Sagit Suncheley translated it into Tatar language. Reviews were both negative and positive. The censors did not allow the tragedy on the stage.

Ключевые слова: Генрих Гейне, трагедия «Альманзор», критика, постановка в театре, Сагит Сунчелей, перевод, отзывы.

Keywords: Heinrich Heine, the tragedy «Almanzor», criticism, production in the theater, Sagit Suncheley, translation, reviews.

Одной из направлений сравнительно-исторического литературоведения является изучение особенностей творчества отдельных писателей. Также следует отметить, что тема литературных взаимосвязей издавна отмечена повышенным вниманием мировой компаративистики, то есть специалистов по сравнительному изучению литературы. Российские литературоведы в своих научных поисках обращают внимание на получение адекватных представлений о мировом литературном процессе в ту или иную эпоху. Данные положения предопределили тему статьи.

Биография и творчество Генриха Гейне были всегда тесно связаны с политической ситуацией в Германии. Предвзятое отношение к евреям оставило большой след в духовном становлении Гейне, а также в его творчестве. В период, когда власти Пруссии отбирали множество политических прав у евреев, Гейне начинал активно протестовать против монархического режима. Стихотворения Гейне были встречены критикой довольно сурово. Она усмотрела в произведениях молодого поэта недовольство существующим миропорядком. Гейне, находясь в плачевном состоянии духа, начал мечтать о том, чтобы уехать в Аравию.

В этот период жизни Гейне изучает историю Кордовского халифата в Испании и начинает работу над трагедией «Альманзор» [5]. Здесь Гейне пытается излить свою «великую еврейскую скорбь». «Альманзор» выходит в свет в то время, когда Гейне особенно интересовался еврейским вопросом.

Основным персонажем трагедии является Альманзор. Это испанское имя выдающегося государственного деятеля и военачальника мусульманской Испании, при котором Кордовский халифат достиг вершины своего могущества, аль-Мансура (настоящее имя – Мухаммед ибн Абдалла ибн Амир).

Кордовский халифат является средневековым исламским государством на территории Испании и Португалии со столицей в городе Кордова. Оно было основано потомком Омейядов Абд ар-Рахманом I, бежавшим в Испанию от преследований Аббасидов и принявшим в 756 году титул эмира. В 929 году Абд ар-Рахман III объявил себя халифом. В X и в начале XI веков, государство переживало период наивысшего подъема. После 1031 года халифат распался на ряд эмиратов, самым значительным из которых был Гранадский эмират. Гранада была исламским государством, просуществовавшим вплоть до 1492 года, где торжествовало мирное сосуществование мусульман, христиан и евреев. В 1492 году оно было завоевано Кастилией. После разрушения исламского государства еврейское население страны было сослано. Оставшееся мусульманское

население также подвергалось все большему давлению, в результате чего многие мусульмане приняли христианство.

О жизни и деятельности аль-Мансура сохранилось довольно много сведений в источниках, однако большинство дошедших до нашего времени подобных свидетельств содержится не в сочинениях современников событий, а в более поздних компиляциях.

Мухаммад ибн Абу Амир (аль-Мансур) родился около 939 года в селении Тораш, где его родители, отец Абдалла и мать Борайха владели небольшим поместьем. Согласно семейному преданию, род Мухаммада происходил от прибывшего из Йемена одного из соратников Тарика ибн Зияда. Отец ибн Абу Амира умер в Триполи, на обратном пути из хаджа в Мекку.

Аль-Мансур смог возглавить государственный аппарат Кордовского халифата и сосредоточить в своих руках всю власть в государстве. Предпринятые им 57 походов против христианских государств севера Пиренейского полуострова, привели к установлению доминирования Кордовского халифата в регионе [1].

Военные успехи аль-Мансура сделали его героем многочисленных испанских сказаний. Он представляется как мудрый, могущественный мусульманский правитель.

Гейне начал работу над «Альманзором» осенью 1820 года в Бонн-Бюэле. В феврале 1821 года он вспомнил своего одноклассника Фридриха Арнольда Штейнманна и положил перед ним часть своего произведения. Одноклассник, прочитав отрывки из трагедии, положительно отозвался о его работе и предложил закончить ее в кратчайшие сроки [4].

Когда именно появилось продолжение трагедии неизвестно, возможно в Берлине в апреле 1821, во всяком случае до конца января 1822 [6].

Еще в 1821 появился неполный вариант трагедии под названием «Альманзор». В 1823 году вышла первая полная печатная версия, и в том же году она пережила свою премьеру.

Прием «Альманзора» рецензентами был преимущественно дружеским. Из пятнадцати отзывов семь пришли к положительной оценке, которая варьировалась от похвалы до восхищения. Только четыре рецензии были преимущественно критическими, остальные – нейтральными.

Премьера «Альманзора» состоялась 20 август 1823 года в национальном театре Брауншвейга в постановке Эрнста Августа Фридриха Клингелманна, который внес в трагедию свои коррективы.

Спектакль потерпел фиаско, и его пришлось прервать после бурных сцен в зрительном зале. Поскольку не было непосредственных газетных

сообщений о предстоящем событии, трагедия не была ясна зрителям и оставляла место для спекуляций, начиная от личных интриг, заканчивая антисемитизмом. По словам Манфреда Виндфуте, редактора Дюссельдорфского издания Гейне, наиболее вероятным объяснением является анекдот, о котором позже сообщил исполнитель роли Альманзора Эдуард Шютц. Во время спектакля один из зрителей поинтересовался об авторе пьесы и в ответ кто-то шепнул «еврей Гейне». Он воскликнул: «Что?», чтобы мы выслушали бред глупого еврея? Мы больше не будем этого терпеть! Давайте мы его выпьем по кусочку!» и тем самым вызвал протесты. Таким образом, причиной театрального скандала стал антисемитизм в сочетании с простой сменой имен [7].

Неудачная премьера осталась, насколько известно, единственной постановкой пьесы, как и вообще одной из драм Гейне. Однако толерантность Гейне была особенно высоко оценена исламской стороной.

Действие трагедии происходит около 1500 года в районе Гранады. Молодой мавр Альманзор возвращается на родину из изгнания в надежде снова увидеть свою возлюбленную Зулейму. Он встречается с Хасаном, бывшим слугой его семьи, и тот сообщает ему о затруднительном положении оставшихся в Испании мавров, обращенных в христианство. В замке бывшего мавританского дворянина Али, который крестился и теперь называется Доном Гонсальво, празднуется помолвка его дочери Зулеймы (ныне Донны Клары, принявшей христианство). Али исповедует жениху Дону Энрике запутанную историю детства своей невесты. У Али и его доброго друга Абдуллы было двое детей, Альманзор и Зулейма, обещанные друг другу еще с детства. Но поскольку жена Али умерла при рождении ребенка, он оставил сына воспитывать Абдулле, но вскоре после этого взамен принял его дочь Зулейму как своего собственного ребенка. Поскольку Али считает, что Альмансор мертв, он теперь отдает Зулейму в невесты христианину. После окончания пира Альмансор пытается связаться с Зулеймой и поет под ее балконом серенаду. Зулейма узнает Альмансора, и вскоре старая любовь вспыхивает снова. На следующее утро Альмансор был уже почти готов принять ненавистную для Зулеймы христианскую веру, когда она призналась ему, что уже в этот день собирается отпраздновать свадьбу с испанцем. Альмансор покидает ее потрясенный, но вскоре вместе с Хасаном постигает смелый план похищения Зулеймы во время свадебного пира. Вместе с другими верными маврами они штурмуют замок Али во время пира, и Альмансору в суматохе действительно удается взять с собой Зулейму. Али тем временем узнает, что его умерший сын Альмансор все еще жив, и спешит за ним со своей свитой. В скалистом районе они догоняют влюбленную пару, но они считают толпу вражескими преследователями и бросаются в

ущелье, чтобы быть объединенными хотя бы в смерти.

Трагедия Гейне интересует татарского поэта Сагита Сунчелея. Сагит Сунчелей является известным татарским поэтом, переводчиком и общественным деятелем начала XX века, жизнь и творчество которого пришлось на один из самых сложных периодов в истории нашей страны. В возрасте 40 лет он был репрессирован, приговорен сначала к расстрелу, затем к 10 годам заключения и в 1937 году расстрелян. На протяжении трех десятков лет его имя находилось под запретом.

Имевший определенный опыт в области перевода стихов русских поэтов, Сунчелей начинает перевести трагедию Гейне «Альманзор». Молодой поэт горел желанием довести до татарской молодежи и татарского читателя произведение Гейне. Перевод «Альманзора» издается в книжном формате в 1913 году в издательстве «Сабах» города Казань. Сунчелей завершает работу над переводом в 1913 году, однако предисловие пишет только в мае, в Казани, где автор отмечает некоторые особенности своего перевода [2]. Он признает, что его работа не представляет собой точный перевод произведения, что автор исходит из тенденции «свободного перевода», существовавшей в начале XX века в татарской литературе. Сунчелей подчеркнул, автор старался придать своему переводу национальный характер. Однако такой подход в переводческой работе встретил немалую критику со стороны рецензентов временной печати татарской литературы. Татарский литературный критик и писатель Фатих Сайфи-Казанлы, с радостью встречает попытку Сунчелея сделать перевод на новом профессиональном уровне, но в мастерстве переводчика у него появляются сомнения. Он указывает на стилистические ошибки при адаптации русского текста к логике татарского языка, так же указывает на ошибки при переводе некоторых образов, отмечает определенные недостатки в передаче поэтической красоты трагедии. Г. Ибрагимов также отмечает слабые стороны выполненного перевода. Однако при этом он дает надежду молодому поэту, подчеркнув, что народу нужна духовная пища, что татарский читатель лишен знакомства со многими шедеврами Востока и Запада. Представитель татарской интеллигенции Закир Кадыйри посчитал перевод нужным и удачным, и он просит артистов выпустить произведение на татарскую сцену. Сунчелей читает «Альмансор» коллективу артистов театра «Сэйяр», обсуждает некоторые вопросы постановки трагедии. В это же время в печати извещается подготовка постановки перевода в Казанском городском театре [2].

Однако, как и Гейне, Сунчелей встречается с трудностями в постановке трагедии. Царская цензура пытается всячески пресечь выход в свет перевода «Альманзор». Автора перевода обвиняют в «панисламизме». Один из тайных осведомителей Казанской жандармерии сразу после выхода перевода Сунчелея сообщает об этом в органы и

утверждает, что все произведение пропитано идеями исламизма. Он выражает мнение, якобы татарский поэт подталкивает мусульман на борьбу против христиан, а так же, что Сунчелей на самом деле пишет о судьбе мусульман России, пряча все это за историческими событиями средневековой Испании. Несмотря на эти обстоятельства, произведение выходит на свет с помощью труппы «Ширкэт» города Оренбург в 1916 году и принимается зрителем с восхищением. Позднее, в марте 1917 года, артисты первой национальной театральной труппы «Сэйяр» добиваются постановки «Альманзора» в Казани [2].

Авторы статьи, имеющие возможность читать произведение на языках оригинала, не задались целью изучить особенности перевода Сунчелея. Это будет следующим этапом исследования.

Список литературы:

1. Мюллер А. История ислама: От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. - М.: ООО «Издательство Астрель» : «Издательство АСТ», 2004.- 894с. [Muller A Istoriaislama: Ot musulmanskoj Persii do padenia

musulmanskoj Ispanii. Moscow: Isdatelstvo AST; 2004. (In Russ).]

2. Рәмиев З. Фажига // Мирас, № 2, 1994, 36 - бит. [Ramiev Z Fagiga.// Miras. 1994; (2): 36 (In Russ).]

3. Рәмиев З. Әсәрләр һәм хатлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 367 бит. [Ramiev Z. Asarlar ham hatlar. Kazan: Tatar. kitap. nashr.; 2005.(In Russ).]

4. Сүнчәләй С. Фажига // Мирас, №№ 2, 3,4, 5,7, 8. [Sunchalai S Fagiga. Miras. 1994; 2,3,4,5,7,8. (In Russ).]

4. Brief an Friedrich Steinmann vom 4. Februar 18219 <http://germazope.uni-trier.de>. - im Henrich-Heine - Portal aufgrund der Heine – Säkularausgabe

5. Heinrich Heine: Almanzor (<http://heinrich-heine.net/almand.htm>) aus: Die Heimkehr (1823/24).

6. Klaus Briegleb: Kommentar zu Henrich Heine. Sämtliche Schriften. Band 2. Hanser, München/ Wien 1976, ISBN 3 – 446 – 12242 - 7, S. 784 f.

7. Manfred Windfuhr (Hrsg.): Henrich Heine. Historisch-kritische Gesamtausgabe der Werke. Band 5. Hoffmann und Campe, Hamburg 1994, ISBN 3 – 455 – 03005 –X, S. 381 ff.

ФИЛОСОФИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.715](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.715)

Хабекирова З.С.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Шхумишхова А.Р.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Хачецукова З.К.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Калашаова А.А.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

THE PHILOSOPHY OF MEDIA

Khabekirova Z.S

assistant professor of foreign languages department of the
Adyghe State University

Shkhumishkhova A.R.

assistant professor of foreign languages department of the
Adyghe State University

Kalashaova A.A.

assistant professor of foreign languages department of the
Adyghe State University

Khachetsukova Z.K.

assistant professor of foreign languages department of the
Adyghe State University

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены понятия язык и культура, связанные с проблемой существования и развития современного общества, проблемой его духовной и социальной экологии. Средства массовой информации формируют нашу социализацию, сообщество и преобразуют экономику, политику, науку, религию и право.

ABSTRACT

Interdependent concepts of language and culture are associated with the problem of the existence and development of modern society, the problem of its spiritual and social ecology. The media shape our socialization and our community. They transform economics, politics, science, religion and law.

Ключевые слова: масс-медиа, глобализация, средства массовой информации, Интернет, социальный институт, электронная версия.

Keywords: mass media, globalization, media, Internet, social institution, electronic version.

Ученые подчеркивают, что феномен массовой культуры невозможен без феномена массовой информации (В.В. Хорольский, Е. Ахмадулин, и др.). Задача средств массовой информации заключается в "переводе" достижений в инновационной области на язык "низкой культуры" (например, рекламы). Вместе с тем СМИ являются не институтом, отражающим общественное мнение, а силой, самостоятельно формирующей массовое сознание. Благодаря телевидению средства массовой информации стали доминирующим источником информации. Это происходит еще и потому, что менталитет каждого современного общества связан с характером деятельности СМИ в этом обществе.

Средства массовой информации – мощная сила воздействия на сознание людей, средство оперативного донесения информации в разные уголки мира, наиболее эффективное средство влияния на эмоции человека, способное убеждать реципиента наилучшим образом. Особенно четко это проявляется в отношении электронных СМИ. Средства массовой информации (масс -медиа) – социальный институт, занимающийся сбором и распространением информации. Тип информации может быть различным, новостной, специальный, профессиональный, развлекательный и пр.

Каждое средство массовой информации имеет свою знаковую систему. Печать или пресса – письменное слово и визуальный образ. Радио использует устную речь, подвижное изображение, музыку и т. д. СМИ выполняют функции идеологического и политического влияния, а они необходимы для поддержания общности, информирования населения, а также образования и развлечений

Исследователь Л.П. Погорелая выделяет четыре этапа в эволюции СМИ: 1) Первый – эпоха газет. Власть активно использует СМИ для целенаправленного воздействия на своих граждан. Несмотря на то, что объектная сфера информационного воздействия ограждена, возникает феномен общественного мнения, которое формируется властью с помощью газетных сообщений. 2) Второй этап – радиоэпоха (газеты + радио). Эффективность информационного воздействия вышла на качественно новый уровень благодаря: а) расширению круга объектов за счёт более низких классов; б) возможности одновременного воздействия на большое количество объектов; в) переводу информационного воздействия в информационно-развлекательный сектор. 3) Третий – телеэпоха (газеты + радио + телевидение). Возможность синхронного воздействия сразу на два органа чувств: зрительный и слуховой. Изображение используется для фиксации внимания, формирования доверия к источнику информации и вводу объекта в требуемое психологическое состояние, звуковой сигнал – для внедрения в сознание и подсознание необходимой информации. Методы информационного воздействия достигают максимума эффективности и приобретают

тотальный характер. Газеты борются за выживание, пытаются

расширить своё присутствие в секторе развлечений. Эра телевидения практически совпадает по времени с периодом холодной войны и заканчивается апогеем СМИ – возникновением феномена “мейнстрим медиа” совместно с экономической точки зрения означает монополизацию и концентрацию СМИ, а с социальной – глобальную информационную изоляцию. 4) Четвертый этап – эпоха глобализации (газеты + радио + телевидение + Интернет). Любой пользователь получил возможность знакомиться с альтернативной информацией и размещать её в Интернете. Таким образом, подрывается монополия мейнстрим медиа на интерпретацию событий и уже невозможно организовывать блокировки определённой информации [4, с. 10].

Важной роли коммуникации в обществе посвящены многочисленные труды зарубежных и отечественных ученых. Так, например, К. Ясперс в работе "Философская вера" (лекции на тему "Разум и коммуникация") говорит, что любое чувство истины зависит от чистоты разума: "Разум придает широту и тонкость слуху, гибкость в готовности к коммуникации, способность к преобразованию в новых опытах... Разум требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации... коммуникация являет собой образ открытия истины во времени" (5, с. 442).

Согласно А.А. Леонтьеву, общение представляет собой "процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого и опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении" (6, с. 79). Таким образом, общение (коммуникация) – это и взаимодействие индивидов, и информационный обмен, обусловленный психологическим отношением и определенным взаимовлиянием. Средства массовой коммуникации представляются как коммуникативные системы, участвующие в общении на основе технологий печати, телевидения, радиовещания, Интернета и др. источников.

Главная особенность использования языка в современном мире – массовый характер коммуникации, глобализация информационных процессов, расширение форм воздействия на человека за счет новых СМИ, которые по-новому структурируют «старые» формы и возможности коммуникации. Определяя общеполитический и культурный климат нового «информационного общества» в целом, масс-медиа определяют также и языковой климат каждой конкретной страны в отдельности. В языке массовой коммуникации активно реализуются общие конструктивные принципы: использование самых современных технических возможностей и специальных языковых средств с целью информационного воздействия на общественное сознание.

Массовая коммуникация – сложное многоплановое явление. Общезначимость данной коммуникативной сферы обусловлена ее социальной природой, поскольку в центре внимания находится человеческое общество, которое выступает как ограниченное социальное пространство со специфическими внутренними процессами и культурными характеристиками. Общество функционирует и развивается лишь при условии социального взаимодействия между его членами, осуществляемого с помощью языка, а социальное взаимодействие – это прежде всего обмен информацией.

Согласно концепции известного немецкого исследователя Никласа Лумана, само общество представляет собой транслируемую информацию в диапазоне непрерывных актов «сообщения» и «понимания». Понимание же трактуется как интерпретация в определенной концептуальной системе (Р. Павиленис), построенной из взаимосвязанных концептов-смыслов, которые обусловлены конкретными мнениями и знаниями, составляющими основу ориентированного отношения человека к действительности.

В современную эпоху информация стала решающим стратегическим фактором во всех сферах жизни человека. Новые информационные технологии вносят радикальные изменения в существующую картину мира. По мнению исследователей, наша картина мира лишь на десять процентов состоит из знаний, основанных на собственном опыте. Все остальное мы знаем (или полагаем, что знаем) из книг, газет, радио- и телепередач. Такие средства массовой информации, как пресса, радиовещание, телевидение, реклама, Интернет, являются неотъемлемым компонентом социального бытия современного человека, основным способом его приобщения к событиям окружающего мира, посредником в формировании культуры. Теперь это уже не только средство связи, но и СМИ. Практически все традиционные СМИ имеют свои электронные версии (сайты, серверы). Более того, эти "версии" все в большей степени являются более полными и оперативными, чем их бумажные или телевизионные версии. Кроме того, в интернете существуют и самостоятельные СМИ: Лента. ру, New. com, Утро. ру и др. Круг людей, пользующихся исключительно этими электронными ресурсами возрастает в геометрической прогрессии. Уже очевидно, что будущее именно за этими СМИ. Появившись вначале как чисто технические способы фиксации и тиражирования информации, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на общественное сознание.

Сегодня многие традиционные функции «печатной коммуникации» заменяются новыми с помощью мультимедийных интерактивных СМИ. Подключение к международной сети Интернет дает возможность вхождения в информационное пространство мирового сообщества, что открывает доступ к источникам информации в любой части

нашей планеты и одновременно позволяет сделать новую генерируемую человеком информацию всеобщим достоянием. Интернет предоставляет пользователю широчайшие возможности приобщения к мировой культуре: электронные библиотеки, виртуальные музеи, богатейшие банки данных по самым разным областям человеческого знания.

Однако именно в условиях интенсивного использования глобальной сети становится возможным распространение вируса антикультуры. На первый план выступает коммерческая «инфицированность», призванная способствовать сбыту товаров (прежде всего информации). Общедоступность нередко подменяется вседозволенностью, поэтому возрастает опасность утраты национальной самобытности, включая самобытность языковую.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что информация, язык и культура – взаимозависимые понятия, непосредственно связанные с проблемой существования и развития современного общества, проблемой его духовной и социальной экологии.

Как известно, информационный обмен лежит в основе всякого знания. Информация и знание по сути своей неразрывны, хотя между ними нельзя ставить знак равенства. Знание превращается в информацию только тогда, когда оно передается другим людям, т.е. в процессе коммуникации. Поэтому информация нередко рассматривается как знание, отчужденное от его индивидуального носителя и обобществленное в системе коммуникации.

Литература:

1. Горбунов А.С. Проблема делегитимации средств массовой коммуникации в общественном сознании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. Сс. 48-56.
2. Городенко Л.М. Средства массовой информации в контексте общественного мнения: формирование, функционирование, жанровые приёмы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев: 2003. 12 с.
3. Кучина А.В. Культурология М.: ИИУ МГОУ, 2016. — 328 с.
4. Погорелая Л.П. Негосударственные средства массовой информации как институт гражданского общества (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2015.
5. Средства массовой информации - Ватиканы современного мира [Электронный ресурс] // Washington ProFile: [сайт]. URL: <http://www.washprofile.org/en/comment/reply> (дата обращения: 30.11.2018).
6. Терлибовка А.М. Роль средств массовой информации в манипулировании общественным мнением [Электронный ресурс] // Истфак: [сайт]. URL: <http://istfak.org.ua/tendentsii-rozvytku-suchasnoi-systemy-mizhnarodnykh-vidnosyn-ta-svitovoho-politychnoho-protsesu/188-transformatsiia>

politychnykh-system-derzhav-svitu-v-konteksti-hlobalizatsii/378 (дата обращения: 30.11.2018).

7. Andreas Ziemann. Niklas Luhmann: Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation (1981) // Grundlagentexte der Medienkultur. — Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018-08-24. — С. 415–424. — ISBN 9783658157869, 9783658157876.

References:

1. Gorbunov A. S. the Problem of delegitimization of mass communication media in public consciousness // Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Philosophical Sciences. 2018. No. 3. Pp. 48-56.

2. Gorodenko L. M. Mass media in the context of public opinion: formation, functioning, genre techniques: author's abstract. ... Cand. Philol. sciences'. Kiev: 2003. 12 pp.

3. Kuchina A.V. Kulturologiya M.: IIU MGOU, 2016. - 328 pp.

4. Pogorelaya L. P. non-State mass media as an institution of civil society (theoretical and legal aspect):

author's abstract ... Cand. the faculty of law. Sciences. Kiev, 2015. 20 pp.

5. Mass media-the Vatican of the modern world [Electronic resource] / / Washington ProFile: [site]. URL: <http://www.washprofile.org/en/comment/reply> (date accessed: 30.11.2018).

6. Terlibovka A.M. the Role of mass media in manipulating public opinion [Electronic resource] / / Istfak: [site]. URL: <http://istfak.org.ua/tendentsii-rozvytku-suchasnoi-systemy-mizhnarodnykh-vidnosyn-ta-svitovoho-politychnoho-protsehu/188-transformatsii-politychnykh-system-derzhav-svitu-v-konteksti-hlobalizatsii/378> (accessed: 30.11.2018).

7. Andreas Ziemann. Niklas Luhmann: Die Unwahrscheinlichkeit der Kommunikation (1981) // Grundlagentexte der Medienkultur. - Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018-08-24. - Pp. 415-424. - ISBN 9783658157869, 9783658157876

ПРОЯВЛЕНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ОТРИЦАНИЯ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.716](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.716)

Хабекирова З.С.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Хачецукова З.К.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Калашаова А.А.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Шхумишхова А.Р.

доцент кафедры иностранных языков АГУ

Khabekirova Z.S.

assistant professor of foreign languages department of the Adyghe State University

Kalashaova A.A.

assistant professor of foreign languages department of the Adyghe State University

Khachetsukova Z.K.

assistant professor of foreign languages department of the Adyghe State University

Shkhumishkhova A.R.

assistant professor of foreign languages department of the Adyghe State University

АННОТАЦИЯ

Прогресс в области более полного становления культуры мира проявляется в мировоззренческих взглядах среди отдельных людей, групп и народов. В статье отрицание рассмотрено как лингвистическая универсалия. Определено, что оно может быть выражено на различных уровнях языка. Касаемся проблемы отрицания и демонстрации ее через призму толерантности. Также описаны имплицитные средства выражения отрицания, когда практически нет формально грамматических определителей.

ABSTRACT

Progress in the development of a more complete culture of peace is reflected in the world Outlook among individuals, groups and peoples. The paper considers negation as a linguistic universal and determines that it can be expressed at various levels of language. We touch on the problem of negation and its demonstration through the prism of tolerance. We describe implicit means of expressing negation, when there are practically no formal grammatical determinants.

Ключевые слова: мир, не-насилие, толерантность, права человека, устойчивое развитие, демократия, солидарность.

Keywords: peace, non-violence, tolerance, human rights, sustainable development, democracy, solidarity.

В Декларации о культуре мира, принятой 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября

1998г. говорится: «Культура мира» - это сочетание ценностных установок, мировоззренческих

взглядов, традиций, типов поведения и образцов жизни».

Ключевыми являются такие понятия как мир, не-насилие, толерантность, права человека, устойчивое развитие, демократия, свободный обмен информацией, равные права мужчин и женщин, солидарность.

Важно отметить, что в России ныне разработан и реализуется проект «Культура мира в России — год 2000-й», рассчитанный на длительную перспективу. В сентябре 2001 г. Правительство Российской Федерации утвердило федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)». Принятая в соответствии с декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995) программа направлена на «формирование и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения». Весьма удачным, на наш взгляд, является краткое определение толерантности, которое предлагает А.Г. Асмолов: это «искусство жить в мире непохожих людей и идей».

Безусловно, образование является одним из решающих факторов, когда речь идёт о человеческом сознании, ценностных ориентациях, морали и поведении. «Когда сегодняшние дети придут к власти, они должны быть вооружены пониманием ценностей ненасилия, толерантности, приоритетности уважения прав и свобод человека и т.д.» (Данилов И.). Нет никаких сомнений в том, что и в планетарной, и в российской национальной программах построения культуры мира ключевая роль отводится образованию как незаменимому пути к культуре мира.

Концепция культуры мира выдвинула задачу кардинального обновления содержания образования, методов и технологий обучения, сложившихся принципов взаимоотношений «учитель — ученик», всей атмосферы школьной жизни.

Изменения в духе культуры мира и толерантности должны коснуться всех звеньев образовательной системы — от детского сада до институтов повышения квалификации учителей. Рекомендуется использовать три основных пути: а) в процессе изучения всех предметов; б) через междисциплинарные связи; в) в виде специальных курсов и занятий. При этом необходимо сосредоточить внимание на технологиях воспитания в духе культуры мира, прав человека, толерантности. Надо различать толерантность как концепт в сознании носителей языка и толерантность как систему речевых стратегий. Итак tolerance (английский) — готовность быть терпимым, снисходительность. В русском языке ему соответствует слово «терпимость». Толерантность главным образом является понятием общественно-политической сферы, в то время как терпимость — религиозной или, по крайней мере, духовной.

Все учебные предметы в школе призваны служить цели воспитания культуры мира. Однако важную роль здесь должно сыграть изучение иностранных языков как средства коммуникации между людьми, представляющими разные страны и народы.

Среди иностранных языков в мире лидирующее положение занимает английский. По данным Британского Совета, на английском говорят 1 100 000 000 человек, на нём осуществляется 75% международных почтовых отправок, телексов, факсов. Система Интернет также работает в основном на английском языке. Он же — ведущий язык бизнеса, финансов и дипломатии, один из шести рабочих языков ООН.

Следует помнить, что языковая культура — неотъемлемая часть культуры человека в целом. А одной из важнейших целей обучения иностранным языкам в школе является формирование у школьников уважения к другим культурам и народам, готовности к деловому сотрудничеству и взаимодействию, совместному решению общечеловеческих проблем.

На наш взгляд, трудно не согласиться с русским просветителем В.Ф. Малиновским, который справедливо заметил, что ненависть есть «обильнейший источник предубеждения народов, а между тем, чтобы более уважать себя взаимно, народы должны только больше знать друг друга». То есть широкая, всесторонняя и правдивая информация о народах и странах земного шара — принцип воспитания культуры мира. А иностранный язык наряду с географией, историей, литературой и другими предметами школьного курса позволяет успешно решать эту задачу. Так, правило построения английского предложения требует, чтобы в случае упоминания в нём нескольких лиц местоимение «я» ставилось на последнее место. В этом языке предусмотрены все случаи обращения к частным лицам, включая ситуацию, когда известен или неизвестен пол адресата, а также к официальным лицам различных занятий и социального статуса: к полицейскому, врачу, учителю, профессору и др. Множество языковых и речевых единиц, грамматических и лексических оборотов гарантируют вежливость, мирную, спокойную манеру начала, ведения и окончания беседы, извинение в том или ином случае, благодарность за приглашение, угощение, услугу и т.п.

Многие английские слова и выражения характеризуют бережное отношение к индивидуальной, частной жизни человека. Специальный термин «privacy» (личная, частная жизнь), пословица «Мой дом — моя крепость» отражают уважение к частной, семейной жизни.

Всё это даёт учителю английского языка возможность в процессе преподавания воспитывать у учащихся уважение к людям, к английской культуре и традициям, а также хорошие манеры, по крайней мере, обращать на это внимание.

Хотелось бы коснуться проблемы отрицания и продемонстрировать ее через призму толерантности.

Общеизвестно, что отрицание является лингвистической универсалией и может быть выражено на различных уровнях языка. Однако особый интерес представляют имплицитные средства выражения отрицания, когда практически нет формально грамматических определителей. При этом лексикосемантический аспект, который реализуется посредством антонимов, риторических вопросов, так называемыми скрытыми отрицаниями, а также экстралингвистическими, паралингвистическими и другими средствами, однозначно воспринимается как отрицание. Например, на вопрос:

«Would you like to join me for lunch?» - Не позавтракаете

ли вы со мной? англичанин вместо категоричного: «Нет» ответит:

«I'd like to, but...» - Мне хотелось бы, но... или «I'm afraid I can't» - Боюсь, что я не могу.

На вопрос:

«By the way, is he an honest man?» - Кстати, он - честный человек?

едва ли мы получим отрицательный ответ. Но в ответах типа:

«I doubt it». - Я сомневаюсь в этом; «I'm not sure.» - Я не уверен;

«I shouldn't say so.» - Я бы так не сказал; отрицание выражено имплицитно. Видимо, это объясняется стремлением англичан не быть поспешными в суждении, не обидеть человека, ненароком оговорив его.

На наш взгляд, это и есть проявление толерантного отношения членов общества друг к другу.

Литература:

1. Декларация о Культуре Мира. (Принята 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН)
2. Бондаренко В.Н. Отрицание как лексико-грамматическая категория. - М.: Наука 1983. - 212 с.

References:

1. Declaration on the Culture of Peace. (Adopted by the 53rd session of the UN General Assembly)
2. Bondarenko V. N. Negation as a lexical and grammatical category. Moscow: Nauka 1983. - 212 p.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГОРОСКОПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Чжан Цзиньлэй

Магистрант 2 курса

*Международного института экономики и лингвистики
Иркутского государственного университета, г. Иркутск*

Непомнящих Екатерина Александровна

Канд. филол. наук,

*доцент кафедры лингвистики и лингводидактики
Международного института экономики и лингвистики
Иркутского государственного университета, г. Иркутск*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются русские и китайские тексты гороскопов на каждый день. Приводится их анализ с точки зрения информационного кода, интенциональности, структуры, функциональных характеристик. Авторы приходят к выводу о том, что текстологические параметры астрологических прогнозов в русском и китайском языках совпадают, что объясняется спецификой данного типа прогностического текста независимо от языка, на котором он создан.

ABSTRACT

The article discusses Russian and Chinese texts of horoscopes for every day. Their analysis is given from the point of view of the information code, intentionality, structure, functional characteristics. The authors come to the conclusion that the textological parameters of astrological forecasts in the Russian and Chinese languages coincide, which is explained by the specifics of this type of prognostic text, regardless of the language in which it is created.

Ключевые слова: гороскоп, прогноз, прогностический текст, малоформатный текст.

Keywords: horoscope, forecast, prognostic text, small-format text.

Гороскопы на каждый день сегодня остаются самым востребованным типом прогностического текста. При этом одни верят в астрологические прогнозы, другие нет. Тем не менее, неоспоримым является тот факт, что ежедневно создается множество таких текстов, а значит данное языковое явление продолжает существовать и развиваться, что не может не вызывать интереса лингвистов.

На сегодняшний день интернет-коммуникация представляет огромное количество самых различных гороскопов, которые можно разделить на виды:

1. зодиакальный гороскоп – прогноз будущего в соответствии со знаком зодиака, определяющимся по дате рождения.
2. этнический гороскоп – характеристика человека по дате рождения в соответствии с

этнической мифологией или религией (китайский, японский гороскопы, гороскоп древних Майя, гороскоп друидов, кельтский гороскоп, зороастрийский гороскоп и т.д.).

3. авторский гороскоп – астрологический прогноз, составленный известным астрологом (Гороскоп от Павла Глобы, душевный гороскоп Павла Чудинова и др.).

4. специальный гороскоп – астрологический прогноз, дающий характеристику определенной сферы человеческой деятельности (гороскоп здоровья, любовный гороскоп, бизнес-гороскоп и т.д.).

Чтобы познакомиться с этническими, авторскими или специальными гороскопами, нужно искать информацию в интернете, поэтому этот вид гороскопов является популярным только в ряду увлеченных людей. Наиболее распространенным в современном обществе является зодиакальный гороскоп, так как он традиционно размещается во многих печатных неспециализированных изданиях (ежедневных газетах и журналах), а также на неспециализированных интернет-порталах (сайтах электронной почты, поисковых системах). Таким образом, встречая подобные тексты в повседневности, даже будучи не увлеченными астрологией, многие люди читают гороскопы на каждый день независимо от того, прислушиваются ли они к советам астрологов или нет.

Гороскоп как астрологический прогноз делится на следующие **типы**:

- ежедневный (прогноз для каждого знака на день);
- помесечный (прогноз для каждого знака на какой-либо месяц);
- годовой (прогноз для каждого знака на год или общий годовой прогноз для всех знаков).

В своем исследовании мы остановились на ежедневных гороскопах, являющихся наиболее популярными. Мы обратились к анализу гороскопов в русском и китайском языках и пришли к выводу, что их текстологические параметры совпадают, что, на наш взгляд, обусловлено спецификой данного типа прогностического текста, независимо от языка, на котором создаются астрологические прогнозы.

На основании проведенного в своем исследовании анализа А. А. Князева относит гороскопы к нехудожественным текстам с признаками художественных и дает им следующую характеристику [3 : 7]:

- форма информационного кода: вербальная или креолизованная;
- жанровая принадлежность соответственно коммуникативному эффекту: публицистические или научные;
- структура: малоформатные;
- объем: сложные.

Вслед за О. И. Таюповой мы относим тексты ежедневных гороскопов к числу малоформатных: малоформатные тексты, несмотря на их

стилистическое, семантическое и жанровое разнообразие, имеют общий формальный признак – краткость (объем подобных текстов не превышает 1500 печатных знаков) [4 : 50].

Тексты гороскопов, размещенные в разных источниках, различны: они отличаются объемом, структурой материала, разнообразием невербальных средств и т. д. Астрологические прогнозы, которые печатаются в средствах массовой информации, относятся к категории малоформатных текстов. Но наряду с газетами и журналами существуют целые астрологические книги и интернет-порталы, которые имеют свою специфику организации.

К основным функциям средств массовой информации Т. Г. Добросклопская относит информативную, развлекательную, образовательную, рекламную, идеологическую [2 : 34].

Доминантной функцией гороскопов является предоставление адресату информации о его возможном будущем. Учитывая ярко выраженный гипотетический характер гороскопов, некоторые адресаты читают их из любопытства, поэтому одной из функций гороскопов также является аттрактивная (развлекательная) функция:

今天水瓶宝宝会发展出一些自己平时不太关注的兴趣, 比如佛学、玄学、心理学等等, 莫名对这些产生了一些兴趣, 去关注试试看吧。

(Сегодня у Малыша Водолея будут развиваться некоторые интересы, на которые он обычно не обращает особого внимания, такие как буддизм, метафизика, психология и т. д. Каким-то образом он заинтересован в них, поэтому обратите внимание и попробуйте).

Интенциональность текстов гороскопов формирует их информативность и ситуативность. Астрологические прогнозы эксплицируют актуально значимую для адресатов действительность социального общения, объективируют информацию, обладающую определенной новизной для того, чтобы быть актуальными в конкретной коммуникативной ситуации.

Скорпион. Сегодня можно заняться тем, что прежде казалось ужасно скучным. Сейчас вам легко сосредоточиться; не отвлекаясь, вы быстро доводите начатое до конца. Возможны странные совпадения, удивительные события. Вряд ли они повлекут за собой какие-то серьезные перемены, зато помогут вам по-новому взглянуть на привычные вещи, найти выход из непростой ситуации.

Однако тексты гороскопов выполняют не только информативную, но и прагматическую функцию: они призваны воздействовать на адресата прямыми советами и предупреждениями, корректировать его поведение в соответствии с астрологическим прогнозом:

今天对于双鱼宝宝来说非常适合宅在家里, 做一些清心寡欲的活动, 比如插花、茶道、瑜伽, 读一些自己感兴趣的书籍。(Сегодня детям Рыб

очень удобно сидеть дома, заниматься немотивированными делами, такими как: флористика, чайная церемония, йога, чтение книг, которые их интересуют).

Известно, что согласно информационному коду тексты можно дифференцировать следующим образом:

1. вербальные (текстовые);
2. невербальные (содержащие знаки и символы);
3. креолизованные (смешанные).

Креолизованные тексты, по определению Е. Е. Анисимовой, – это тексты, «в структурировании которых наряду с вербальными применяются иконические средства, а также средства других семиотических кодов (цвет, шрифт и др.)» [1 : 7].

Тексты гороскопов, исследованные нами, являются частично креолизованными, так как каждый гороскоп сопровождается изображением знака зодиака, который, на наш взгляд, выполняет исключительно иллюстративную функцию, не неся дополнительной семантической нагрузки к содержанию текста. Таким образом, невербальный компонент гороскопов не является их смысловой доминантой и выполняет второстепенные функции. Отметим, что декодирование имеющейся в гороскопах информации зависит от интерпретатора и является частично субъективным:

今天天蝎宝宝不利出行，驾车的天蝎要格外初一安全，当心擦碰。有小孩的天蝎，要仔细叮嘱小朋友注意安全。（Сегодня малыши Скорпион не годится для путешествий. Скорпион, который водит машину, должен быть особенно осторожным. Скорпион с детьми должен обязательно напомнить детям, чтобы они обращали внимание на безопасность）.

Тексты астрологических прогнозов эксплицируют различные сферы человеческой деятельности, поэтому являются политематическими.

Овен. Подходящий день для того, чтобы строить планы на будущее и принимать важные решения. Вы настроены серьезно, внимательны к

мелочам и никому не позволяете ввести вас в заблуждение. Первая половина дня подходит для деловых и личных встреч. Можно говорить о важных вещах, не опасаться, что вас поймут неправильно.

Позже наступит благоприятный период для домашних дел. Будет шанс сделать какие-то очень удачные покупки. Некоторые Овны обзаведутся вещами, о которых давно мечтали. Другие представители знака сделают приятные сюрпризы близким.

Приведенный пример демонстрирует, что в одном тексте гороскопа представлена характеристика различных сфер человеческой деятельности: деловые вопросы (*принимать важные решения*), отношения с близкими людьми (*благоприятный период для домашних дел*), финансовые вопросы (*шанс сделать какие-то очень удачные покупки*).

Таким образом, текстологические параметры астрологических прогнозов в русском и китайском языках совпадают, что объясняется спецификой данного типа прогностического текста независимо от языка, на котором он создан.

Список литературы:

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Добросклонская Т. Г. К вопросу об изучении текстов массовой информации / Т. Г. Добросклонская // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – С. 32–38.
3. Князева А. А. Англоязычные прогностические тексты: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Князева ; Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. – Самара, 2011. – 25 с.
4. Таюпова О. И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка : дис. ... филол. наук. – Уфа, 2005. – 406 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

THE NEED FOR INTENSIFICATION OF IDEOLOGICAL PROCESSES

Hodjayev Olimkhon Shavkatovich

Teacher of the Pedagogical State Institute of Kokand

Faculty of history

Department of social sciences

ABSTRACT

In this article, the author draws attention to the intensification of ideological processes at the present stage of social development. We live in difficult times, quickly absorbing everything that happens in the world, accelerating the process of political and mass events, prompting every society to be vigilant. In this situation, it is important to pay attention to the intensification of ideological processes.

Keywords: idea, ideology, ideological process, intensification, globalization

At present, terms such as "Idea and ideology", "ideological processes", "intensification of ideological processes", "globalism", "intensification needs" are often used in socio-philosophical literature, mass media. Because these concepts represent a wide range of meanings today as a scientific-philosophical, vital concept. According to the most common point of view in the modern social sciences, ideology is inextricably linked with a complex of views on the existence, its understanding, mastering, as well as attempts to change it in the interest, purpose and value of social relations subjects such as certain individuals, groups, classes, nations, humanity.

Мафкура (араб. «мафкура» – фикрлар, нуктаи назарлар ва этиқодлар тизими, мажмуи) – жамиятдаги муайян сиёсий, ҳуқуқий, ахлоқий, диний, бадий, фалсафий, илмий қарашлар, фикрлар ва ғоялар мажмуидир.

Ideology (Arabic. – a set of ideas, views, a system of beliefs)-a certain social group is a system of ideological and theoretical views that expresses the interests, desires, goals and aspirations of either nation, society or state, the socio-spiritual principles, as well as the methods and means of their implementation. In it, the past, the present and the future of the layers of power, whose interests are expressed.[1,185]

Ideology in a broad sense: the social being is a spiritual and political reflection of the life of society, its reflection in the consciousness of man, its realization by man, its transformation into a whole system, and this system serves as a theoretical basis and spiritual base in practical activity. Islam Karimov, the first president of Uzbekistan, described the ideology as follows: "I see the idea of being able to become a specific bridge between yesterday and tomorrow, based on the worldview and mentality of people formed for thousands of years, at the same time, pursuing the future of this nation and serving to clearly define its place in the world". [2,7] Consequently, the national ideology is the Beacon that makes any nation a nation, clear its path and goals.

The essence of ideology is manifested not only by the means of its main ideas, but also by the methods and means of achieving these ideas, by the universally recognized principles, by their compatibility with the interests of the majority in the general public.

Ideologies that try to satisfy their own insidious needs and evil intentions at the expense of other peoples are doomed to destruction.

In some literature, ideology is defined as "the sum of all forces' social views in society as the sum of systematized scientific knowledge". This is of course true from the point of view of scientific and philosophical thoughts of the present time. However, it can not be limited to saying that the basis of any ideology is the "sum of systematized scientific knowledge". For example, on the basis of the ideology of the former Saline period, the main idea lay. With the help of powerful ideological tools and influential methodologies that have long called the idea "the sum of systematized scientific knowledge", people have come to believe, so many people have set the meaning of life by putting it e'tiqod (intensely). However, when it became clear that the idea on the basis of that ideology did not have a scientific basis, but that it would serve to stabilize the totalitarian state system, the chauvinism of the great and the chauvinism, confidence in it in the masses of the people was lost, and it turned out that ideology was abandoned. Or Titef's idea of national socialism was also not purely scientific. What its consequences have led to is evident to the world community. Therefore, it can not be ignored that the main and main ideas that form the basis of ideology and national ideology also have an ideological basis.

From the foregoing, it becomes clear that ideology consists not only of a system of ideas, but also of social institutions, a set of ideological influencers, methods, paths that convey the main ideas and main ideas to the consciousness of each person, which are the expressions of a certain supreme social goal in the world, stabilizing these ideas in his soul.

«Миллий истиклол ғояси: асосий тушунча, тамойиллар ва атамалар (қиска изоҳли тажрибавий лугат)» китобида: «Мафкура – муайян ижтимоий гуруҳ, қатлам, миллат, жамият, давлат манфаатлари, орзу-истак ва мақсад-муддаолари ифодаланган ғоявий-назарий қарашлар ва уларни амалга ошириш тизими. Унда манфаатлари ифодаланган куч ва қатламларнинг ўтмиши, бугунги қуни ва истикболи уз ифодасини топади», дея мафкурага бирқадар тўлароқ таъриф ва тафсир берилган. Чунончи, **биринчидан**, мафкура

ижтимоий ҳодиса сифатида тарихан барча жамиятларда бўлганлиги эътироф этилади. **Иккинчидан**, мафкурага муайян ғоя асос бўлиши тан олинади. Мафкура асосида бунёдкор ғоянинг бўлиши туфайли, у «ижтимоий тараққиётга туртки бўлади, маънавиятни юксалтиради, инсонларни улугвор ишга сафарбар этади», бордию, мафкура вайронкор ғоялар асосида шаклланса, унда «жамият тараққиётига ғов бўлади, миллат ва халқларни асоратга солади». Бироқ, бу китобда мафкурага таъриф берган муаллиф ҳам мафкурани фақат «ғоявий – назарий қарашлар ва уларни амалга ошириш тизими»дан иборат қилиб қўйган. Холбуки, ҳар қандай мафкура ғоявий-назарий қарашларни ҳар бир индивид онгига етказувчи, ҳар бир индивидни унинг ҳақлигига ишонтира олувчи, ўша ғояларга эътикод сингдириш механизми ҳам эканлигини назарда тутиш керак, албатта.

Хуқуқшунос А.Х.Бобоевнинг фикрича ҳам, миллий истиқлол мафкураси «тараққиётнинг муҳим омили, халқнинг истиқболини белгилайдиган қарашлар, ғоялар мажмуи».[3,22]

The first President of Uzbekistan Islam Karimov in his book "National Independence goal: basic concepts, principles and terms" says: "ideology is a kind of social group, fold, nation, society, state interests, desire and maksad – provisions expressed ideological-theoretical encounters and their implementation system. In it, the past, present and future of the forces and folds, whose interests are expressed, will find the expression of uzbek nation," the ideology has been given a few full definitions and interpretations. It is recognized that, first of all, ideology as a social phenomenon has historically been in all societies. Secondly, ideology is recognized to be the basis of a particular idea. Thanks to the existence of an idea built on the basis of ideology, it "will give impetus to social development, will promote spirituality, mobilize people for glorious work", if the ideology is formed on the basis of destructive ideas, then it "will be an impetus to the development of society, will complicate Nations and peoples". However, even the author, who described ideology in this book, made it clear that ideology consists only of "ideological – theoretical views and a system of their implementation". However, it should be borne in mind that any ideology is a mechanism of integration into those ideas that conveys ideological and theoretical views on each individual consciousness, assuring each individual his or her well-being, of course.

In layer A.H. Boboev's opinion, the ideology of national independence is "an important factor of development, a set of views, ideas that determine the prospects of the people".[3,22]

Lowers A.Tojikhonov, A.Saidov believes that the national ideology is "a set of Destiny ideas that are watered in the spirit of long-term reforms for the construction of an independent national statehood and a system of rights, confidence in a great future".[4,15]

Even those who make the idea and ideology of national independence an object of research of some or

all these aspects, approach national ideology as a system or complex of certain views, ideas.[5,8]

E. Yusupov noted that the decisive factor of the development of society is the activity of a person and his consciousness, and believes that this conscious activity is an ideology, a tool that directs a certain goal, gives clarity to ideas and mobilizes the masses. Ignoring ideology limits the possibilities of progress. "So, to be more precise," the author says, " ideology is the assessment of goals and objectives expressed in ideas, differentiated from each other in terms of extiojes and interests, the definition of specific ways of their solution, the determination of different ways of influencing the consciousness of the masses on the basis of these goals."[6,70]

Idea - ideology is one of the forms of social consciousness, which finds its expression in the superstructure of any society. Foya-ideology is a philosophical concept, the sum of ideas and views that express the intelligence of a person with a certain purpose. However, any thought and look can not be an idea either. Foya is absorbed into the psyche of Man and society, even if it appears in the minds of man. It penetrates into the inner world of a person and turns him into a driving, leading force.

Ideological process is the integration of the head and the main ideas, which is an expression of a certain worldview, into the minds of the individs, the formation of a common unity of feats, skills and actions in this process. When a person lives in a society, a certain worldview is formed in itself, and the direction of his personality and behavior accordingly takes shape.

The term intensive is understood to mean such meanings as-intense, intensive, that any event or phenomenon manifests itself very quickly. Hence, when it comes to intensification of ideological processes, it is understood that ideological processes act intensively on a global scale, integrating the main ideas and ideologies into the consciousness of people, creating skills in relation to these processes and motivating them to act. But every ideological process is caused by a certain need for intensification.

Reference

- 1.Миллий ғоя: тарғибот технологиялари ва атамалар луғати. Т.:Академия, 2007. 185-б.
- 2.Каримов И. Жамиятимиз мафкураси халқни - халқ, миллатни миллат қилишга хизмат қилсин. Т.7. -Т.: «Ўзбекистон», 1999. 89-бет.
- 3.Бобоев А.Х. (Хаммуаллифликда), Миллий истиқлол мафкура ва тараққиёт. Т., «Янги аср авлоди» 2001 йил. 22-Б
- 4.Тожионов У., Саидов А. Хуқукий маданият назарияси. – 2-жилд, 1-том. Т., Ўзбекистон Республикаси, ИИВ Академияси. 1998 йил.15-б
5. Собирова М., Маматов О. Миллий истиқлол мафкураси: моҳияти, манбалари ва ижтимоий вазифалари. Т., 2002 йил, автореферат, 8-бет.
- 6.Юсупов Э. Миллий ғоя ва мафкура: моҳияти, ижтимоий-тарихий илдизлари, ахамияти. Шимкент. 2001 йил.70-б

FEATURES OF MANIFESTATION OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN NATIONAL- SPIRITUAL SECURITY

Mirahmedov Jahongir Muhsinovich.

Teacher of Pedagogical State Institute of Kokand

Faculty of history

Department of social sciences

RESUME

In this article are analyzed the role of historical consciousness and memory in raising the spiritual culture of youth, historical consciousness in the educational system and the structure of national-spiritual security and historical consciousness, forms of manifestation and evolution.

Keywords: national-spirituality, memory, strengthening in the educational system, historical consciousness, spiritual-moral, the structure of historical consciousness.

After the independence of the Republic of Uzbekistan, among all spheres, the main tasks included defining important directions of ensuring its security and stability. The strategic importance of ensuring national and spiritual security is important in this issue. Particularly, The First President Of The Republic Of Uzbekistan I. A.Karimov's words "security, stability and non-deviation from the chosen path" have a deep meaning in these simple terms. We need to know and understand this. How to avoid risk? Where do you need power supplies for development? These are strategic problems, which any independent state, first of all, has paid attention to these problems and will continue to pay attention to them", [1,3] - his views prove how relevant this strategic task is. From this point of view, every society, as the state sets itself ambitious goals, requires the development of an even more specific and appropriate standard of security and stability. Knowing this and realizing it, Uzbekistan has also developed from the early days of independence a unique form of ensuring its own security and stability. He put forward the strategy of ensuring national and spiritual security and its integration into the minds and hearts of our people. The concerted state of social philosophy makes it possible to demonstrate national security structurally in the consistency of many of its structures and elements. In order to provide it to counter the threats to the national security of our country, the forces (primarily state security and Public Safety), together with the institutions of civil society, ensure the preservation of socio-historical, cultural and spiritual heritage. On this basis, the national priority directions for the development of the spiritual sphere are the preservation and strengthening of moral characteristics. Maintaining a system of basic values opens up wide opportunities for the consistent development of Man, society and the state. In this case, moral security involves the provision of conditions for Sustainable Development and allows the state to solve the pressing problems of economic, social and political development. At the same time, an analysis of the state of the spiritual, cultural and spiritual spheres helps to identify. It emphasizes the importance of socio-philosophical analysis, which allows citizens to determine their own destiny and study the specific forms of self-realization, the laws and principles of their conscious-willed and spiritual-moral activity. Individual and personal experience on setting limits of

self-expression in accordance with the directions of social development, introducing innovative changes to it, enriching the world of life, social mutual support and solidarity, formation of human trends in society arouses special interest. Historical experience, heritage of traditions all this should become new generations of values. It is no coincidence that our culture has become a center that has become a romp to all mankind. Samarkand, Bukhara, Khiva has become a place of pilgrimage not only for scientists and art lovers, but also for all those who are interested in history and historical values. Another powerful source of spiritual values is an expression from the tradition of family and kinship relations. Respect for adults, mutual assistance caring about the future generation has always been its Basic Rules. Unfortunately, these values were also seriously undermined in Soviet times.

In the implementation of the strategy of action, both high-spiritual and moral, good-natured, high-level of knowledge and deep, intelligent, business, hardworking people are needed. Poor spirituality, moral and moral stagnation, the level of knowledge is superficial and low, those who do not know the eye of the work can not achieve the goal pursued in market relations. The conclusion from this is that without any hesitation and without delay comes the task of thinking about the issue of spiritual and educational upbringing, setting it on the right path. There we must follow the son of our enlightened grandfather, Abdulla Avlani, "upbringing is a matter of either life, or life, or salvation, or destruction, or happiness, or disaster for us". Now spiritual and educational upbringing has risen to the level of the policy of our independent state. Negaki, the fate of progress is decided by spiritually mature people. The technological thinking of our compatriots, the ability to master complex technology should be accompanied by spiritual perfection, independent thinking. Intelligent intelligence and spiritual-spiritual potential will be the two wings of an enlightened person. We must build our entire spiritual and educational work based on this rule.

In the broad sense of the words " structure of historical consciousness "distinguishes four components of historical consciousness, namely: 1) simple and mass consciousness, reflecting the historical process and Social Psychology; 2) theoretical component (historiography, historical philosophy, historiography); 3)" block " (some genres of

professional art and folklore) in artistic form; 4) political and ideological part (political, legal, moral consciousness in parts directly connected with the composition. The logical basis for the separation of the elements of these four groups is levels, as well as forms, methods, consciousness perception, expression, repetition of the historical process in historical consciousness.

Integration and differentiation of Sciences are its internal legal processes. Both in them, new branches of science are formed. But since cognition does not study the laws of its objects in order to be scientific, it can not grow from its empirical level to its theoretical level, it can not be literally a science. These rules also apply to the philosophy of history. N. Jurayev argues that the philosophy of history is a scientific idea that "the history of mankind studies the laws of development, their sources and essence". So what does social philosophy study in it? After all, social philosophy studies the general laws and driving forces of formation and development of society?! Therefore, social philosophy has become a methodology for historical sciences. At present, the theme of "philosophy of history" has taken place from the socio-philosophical background.[2,608] but to look at bringing society as a whole integrity gives it a formative factor as a system and the subject of "philosophy of society" of legitimacy. Not only that, but at the same time periodic divisions of society in the historical direction – be it formational and civilization, are they also the function of social philosophy?! Hence, the identification of the subject of the philosophy of history and its legalities remains a problem. In our opinion, it is worthwhile for the philosophy of history to study these socio - philosophical issues in relative concreteness. Also, the philosophical generalization of the achievements of historical science through the theme "philosophy of

history" accelerates the enrichment of social philosophy. About it A.A.Ivin says: "he understands, interprets, in a broader sense than historical science, regardless of the period of view, subject and historical reality, the philosophy of history, which studies ideas and general views based on historical thought. The philosophy of history draws the appropriate conclusions, during the determination of certain ways of development of past events, seeks to continue positive experiences in the future. Not only the present, but also the reflections on the future, are important in determining the general boundaries of philosophical-historical reasoning. The philosophy of history also studies the possible types of historical progress that have not been realized, despite the fact that it is in a certain sense attentive to the "history of thought worlds".[3,7]

In conclusion, it should be noted that the question of attitude to history and understanding of history has risen to the level of Public Policy, and to restore a person and society capable of all reforms through historical thought and historical knowledge, it is also necessary to philosophically observe history. It is necessary to pay attention to the role of new-minded people in our history, especially potential specialists, and to these issues.

Reference

- 1.Каримов И.А. Ўзбекистон XXI аср бўсағасида: хавфсизликка таҳдид, барқарорлик артлари ва тараққиёт кафолатлари. –Т.: Ўзбекистон, 1997. –Б.3
2. Шаповалов В.Ф. Основы философии. От классики к современности. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 2001. 608-с.
- 3.Ивин А. Философия истории. Учебное пособие. – М.: «Гардарики», 2000. – С.7.

THE ROLE OF EDUCATION AND PHILOSOPHICAL IDEOLOGY IN RAISING THE SPIRITUALITY OF YOUTH

Shaymanov Fozilbek Tulkin ugli
The student of masters' degree of
National University of Uzbekistan

ABSTARCT

In this article, special attention is paid to the direct connection of socio-political spiritual and interpersonal relations of society with spiritual processes in all periods of human development. In this regard, the role of education and philosophical bias in raising the morale of young people has been analyzed as an important factor.

Key words: socio- political relation, personal relation, spiritual processes, human development, interpersonal relations.

The main purpose of the reform of society is to raise the value of a person, his standard of living and his future, and the main purpose of the democratic changes that are taking place in this sphere is also aimed at ensuring human interests. This world-wide process has entered a new era in the life and development of the people.

Among such reforms, as a necessity, we should emphasize the changes aimed at ensuring that the education sector has a worthy place in the international educational space. In particular, in the decree of the

president of the Republic of Uzbekistan on the strategy of actions for the further development of the Republic of Uzbekistan " on the basis of the introduction of international standards for the assessment of the quality of education and training to improve the quality and effectiveness of the activities of higher education institutions, gradually increasing the quotas; in particular, the organization of specialized scientific-experimental laboratories, high-technology centers and techno parks in the presence of higher educational institutions and research institutes, creation of effective

mechanisms for the introduction of scientific and innovation achievements into practice, promotion of research and innovation activities".

In the socio-economic and social development that is taking place in the historical process, a wide range of innovative trends, changes in science, culture, ethics, aesthetics and other types of art have been deeply affected and continue to be affected. From such influences, the educational sphere is also not overlooked. It is predicted that the first decade of the 21st century, and even then, material wealth will depend on the level of knowledge, experience, skills, health, physical development. Consequently, science and culture play an important role in ensuring the development of every society. The experience of advanced countries in the world is an obvious example of this. After all, giving priority to education determines the prospects of the country and the people. The experience of countries such as the United States, Japan and South Korea confirms that the development of the education system is a leading factor in ensuring the development of the sphere, with special emphasis on education, its material and spiritual support from society.

Critical thinking in the field of Higher Education will realize the ability to adapt to the new composition, and it will be possible to use it for reconsideration in a rational (rational) way. Critical thinking requires the use of mathematical modeling, computer technology, mass media, heuristics, empirical testing, project management and other auxiliary tools³². [2,294]

Therefore, the development of the education system in the independent Uzbekistan, raising it to the level of world standards was recognized as one of the priorities of the state policy and for this purpose the implementation of large-scale reforms was defined as a social goal. It is an expression from the formation of an active, independent, responsible person, having a clear life goal and an independent mind, and also capable of solving life problems in the existing complex conditions, aimed at carrying out reforms in the educational system. The mutual harmony of the development of society and the development of personality is associated with the development of the functional capabilities of the subject in a new socio-economic environment.

The results of the research carried out in pedagogical and psychological directions show that even today, young people who are leading the competition in the process of social relations, are not psychologically and socially ready to live and work in these conditions, get out of difficult situations. From this point of view, it is not surprising that the result of social, including educational reforms carried out in society is aimed at the intellectual potential of the younger generation, high intelligence, the development of the educational system on the basis of world

standards, the introduction of the latest technologies into the educational process, the strengthening of its national ground.

The main features of critical thinking can be attributed to the following skills: "to take an informed decision (conclusion), make conclusions based on it, evaluate the positive or negative sides of the received information and thinking process, to focus attention on the result"³³[3,5]. This is exactly what philosophical education teaches, and through it, serves not only to provide citizens with scientific and pedagogical staff, but also to form a new generation of innovative people.

It is worth noting that innovative people will be able to analyze the social principles, create new ideas to further improve existing achievements; creative thinking; have the ability to form new cultures and new human values.

Indeed, philosophical education forms reflexive thinking, which is the main quality of critical thinking. According to the researcher-scientists A. Gryuze, J. Kurrfiss, critical thinking is emphasized as a reflection (repetition, re-reflection), that is, as part of the understanding of how knowledge is created, as well as practical training. For example, in colleges in Germany, critical thinking skills develop as a reflection of practical experience, practical projects in the development of new practical methodological recommendations.

The current development of society dictates to make great changes in the spiritual and material spheres of human activity. This is determined by the individual factor, the increasing importance of the role of his socio-political activity. After all, a person can not achieve social progress without developing his or her abilities, not bringing him up morally and morally, but also fully realizing new aspects of his opportunities. By creating the necessary conditions for the development of individual opportunities by society, the ability, opportunities of the individual in turn contribute to the development of this society both socially, economically and culturally.

Democratization and humanization of education in the process of reforms create the necessary conditions for the formation of a free citizen, a person who recognizes his / her right. It represents the development of the ability and talent of a person, its enjoyment of national and universal spiritual wealth, the foundation of historical traditions in teaching and education of a person, the maintenance of mutual harmony in social relations between a person and society, as well as the recognition of the rights of a person in the process of education, respect for his dignity. In this process, it is important for the individual to be able to consciously take into account his or her abilities and opportunities, striving to fully realize his or her spiritual and moral capabilities.

³² Fisher A. Critical Thinking. An Introduction / A. Fisher. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 294 p.

³³ Терно С.О. Розвиток критичного мислення старшокласників на уроках історії / С.О. Терно //

Збірник наукових праць Бердянського державного педагогічного університету (Педагогічні науки). – № 4. – Бердянськ: БДПУ, 2008. – С. 5.

In the process of education, it is necessary to take into account the interests and vital needs of the individual, to take into account the desires of the individual in the educational system, to adapt to it, to organize spiritual and educational activities aimed at the formation of an independent-thinking, socially active person who understands civil rights in a renewed society.

Reference

1. Ўзбекистон Республикаси Президенти Фармони. Ўзбекистон Республикасини янада

ривожлантириш бўйича Ҳаракатлар стратегияси тўғрисида. – Тошкент: Адолат, 2017. 25 бет

2. Fisher A. Critical Thinking. An Introduction / A. Fisher. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 294 p.

3. Терно С.О. Розвиток критичного мислення старшокласників на уроках історії / С.О. Терно // Збірник наукових праць Бердянського державного педагогічного університету (Педагогічні науки). – № 4. – Бердянськ: БДПУ, 2008. – С. 5.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА БУНТА КАК ОСНОВНАЯ ЛИНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АЛЬБЕРА КАМЮ

Князева Ольга Владимировна

*Магистр факультета истории,
политических наук и культурологии, направление «Философия»,
Вятский государственный университет,
г. Киров, улица Московская, 36*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется философский подход Альбера Камю к категории «бунт», который рассматривается как экзистенциальная проблема. Творчество французского философа, писателя и общественного деятеля Камю уверенно и безоговорочно вошло в предметную область историко-философских интересов и теоретических исследований. Его философия производит огромное впечатление своеобразием слова, нравственного поиска, мыслительного дискурса и занимает высокое и почетное место в философском календаре XX столетия. Тема абсурда и теснейшим образом объединенная с ней тема бунта являются актуальными, так как в них просматривается проблематика современности, связанная с нестабильностью гражданского общества и излишней устойчивостью некоторых политических институтов, оказывающих давление на человека. Процессы глобализации в целом становятся порой разрушающим фактором, влияющим на личность в отдельных государствах и на отношения личности и власти в мировых политических и гражданских сообществах. В таких условиях тема революции и бунта становится опасной, непопулярной. Однако при этом возникает проблема необходимости противопоставления этим социальным явлениям, которыми далеко не исчерпывается проблема абсурда, того, что стало бы приемлемым для исправления положения. Может быть, творческое созидание? Камю затрагивает этот вопрос под знаком гуманизма, который требует своего решения сквозь призму философских произведений философа. В статье предлагается анализ литературно-философских текстов писателя, прямо связанных с его биографией, что позволяет проводить параллели, опираясь на биографический метод исследования.

По объему литературы, посвященной личности и философии А. Камю, его можно сопоставить с ведущими фигурами мировой философии. Философский метод данного исследования пролегает в области экзистенциальной феноменологии и ценностно-эстетического подхода: как мыслитель экзистенциалистского толка Альбер Камю прошел путь от нигилистической концепции абсурда до моралистического гуманизма и эстетизма.

ABSTRACT

The article analyzes the philosophical approach of Albert Camus to the category of «rebellion», which is considered as an existential problem. The work of the French philosopher, writer, and public figure Camus confidently and unconditionally entered the subject area of historical and philosophical interests and theoretical research. His philosophy makes a great impression with the originality of the word, moral search, thought discourse, and occupies a high and honorable place in the philosophical calendar of the twentieth century. The topic of absurdity and the theme of rebellion closely associated with it are relevant since they look at the problems of modernity associated with the instability of civil society and the excessive stability of some political institutions that put pressure on people. The processes of globalization as a whole sometimes become a destructive factor affecting the individual in individual states and the relations of the individual and the authorities in the world political and civil society. In such circumstances, the theme of revolution and rebellion becomes dangerous, unpopular. However, this raises the problem of the need to contrast these social phenomena, which far from exhaust the problem of the absurd, of what would become acceptable for rectifying the situation. Maybe creative creation? Camus touches on this issue under the sign of humanism, which requires its solution through the prism of the philosophical works of the philosopher. The article offers an analysis of the literary and philosophical texts of the writer, directly related to his biography, which allows us to draw parallels based on the biographical method of research.

In terms of the volume of literature devoted to the personality and philosophy of Albert Camus, it can be compared with leading figures in world philosophy. The philosophical method of this study lies in the field of existential phenomenology and value-aesthetic approach: as an existentialist thinker Albert Camus, he went from a nihilistic concept of absurdity to moralistic humanism and aesthetics.

Ключевые слова: экзистенциализм, бунт, Альбер Камю, философия, «метафизический бунт».

Keywords: Existentialism, rebellion, Albert Camus, philosophy, metaphysical rebellion

Родина Альбера Камю – город Мондови, Алжир. Именно там, во французской колонии, родился 7 ноября 1913 года будущий великий философ и писатель. Его отец был французом, погиб во время Первой мировой войны. Мать писателя по происхождению была испанкой, занималась неквалифицированным трудом. Свое детство писатель описывает как бедное и солнечное, он говорит, что «жил в нищете, но также и в чувственном восторге». Испанское происхождение дало Камю чувство собственного достоинства в бедности, а также страсть к чести.

Писать Альбер Камю начал еще в раннем возрасте. Во время обучения в университете Алжира писатель изучал философию, размышлял о ценности и смысле жизни, при этом акцентируя внимание на сравнении христианства и эллинизма. В это же время Камю основал театр, в котором одновременно и руководил, и играл в спектаклях. В семнадцатилетнем возрасте Альбер Камю заболел туберкулезом, и это не позволило ему заниматься преподавательской, спортивной и военной деятельностью. После окончания университета Камю работал на разных должностях, а в 1938 году стал журналистом. Его авторству принадлежат разные по жанру и тематике произведения. Одной из главных идей Камю, положенной им в основу его писательской и философской экзистенциалистской концепции, стала идея бунта. Бунта, пусть трижды обреченного на неудачу, но побуждающего человека, который желает сам управлять своей судьбой, на борьбу против законов общества.

Целью настоящего исследования является анализ феномена бунта как экзистенциальной проблемы на примере философии Альбера Камю.

Ведущими подходами в исследовании выступают следующие: конкретно-исторический подход, который заключается в рассмотрении философских взглядов Камю в тесной связи с развитием культуры и общественной жизни XX века и метод сравнительного анализа.

Несмотря на то, что традиционно Камю упоминают в списке экзистенциалистов, он никогда не соотносил себя однозначно с данным философским течением. За свою жизнь он успел пройти долгий и извилистый путь, не раз менял свои взгляды, примыкал к новым направлениям, в которых вскоре разочаровывался. В итоге Альбер Камю создал множество гениальных литературно-философских произведений, которые теперь ценят и за их художественность, и за философские формулировки.

Вместе с огромной аудиторией людей в XX веке он пережил крах веры в гуманистические идеалы и личные трагедии. Сюда можно отнести

гибель отца, существование в бедности, заболевание, из-за чего перед молодым философом закрылась дверь в науку, а главное, социальное неравенство, которое он смог прочувствовать даже на себе.

Первыми опубликованными работами А. Камю были «Изнанка и лицо» и «Брачный пир». В своих эссе писатель размышлял о радостях жизни, о значении ее и бессмысленности. Стиль изложения Альбера Камю отличался от традиционного стиля буржуазного романа, внимание в своих произведениях Камю уделял философским проблемам и гораздо меньше интересовался психологическим анализом. Идея абсурдизма, которую развил Альбер Камю, обеспечила тему для большинства работ раннего творческого периода.

В период 1930 – начало 1940-х годов выходят в свет философское эссе «Миф о Сизифе», повесть «Посторонний» и пьеса «Калигула». Эти произведения были направлены на примирение с алогичной реальностью и на поиск устойчивой почвы под ногами, обретению нового смысла в условиях, когда всякие нравственные ориентиры и моральные ценности отвергаются обществом.

Абсурд – это пропасть между стремлением человека к счастью и миру, который он может понять рационально, и реальным миром, который запутан и иррационален. Из первой мысли возникла вторая, согласно которой человек не просто должен принять абсурдность вселенной, но и восстать против нее, восстать не в политическом смысле, а ради традиционных ценностей.

В 1942 году был опубликован первый роман Альбера Камю «Посторонний». Произведение было посвящено негативной стороне человека. В романе речь идет о молодом человеке Мерсо, работающем клерком. Мерсо является одновременно и главным героем, и рассказчиком. Ему незнакомы человеческие эмоции, он своеобразный «лунатик» по жизни. На пляже главный герой, который оказывается вовлеченным не по своей вине в ссору, стреляет в араба.

Во второй части романа повествуется о суде над главным героем, которого обвиняют в убийстве и приговаривают к смертной казни. Приговор главный герой понимает так же, как причину, по которой он убил араба. Мерсо абсолютно честно описывает свои чувства, и эта честность обеспечивает ему обвинительный приговор. И именно из-за своей честности он выглядит чужим в современном мире. Общая ситуация произведения отражает абсурдность жизни, и эффект абсурдности усиливается намеренно плоским стилем книги, бесцветным описанием событий.

В 1941 году А. Камю закончил работу над своей следующей книгой – «Миф о Сизифе»,

которая была опубликована в 1942 году. «Миф о Сизифе» – это философское эссе, посвященное природе бессмысленности жизни. Героем произведения является мифический персонаж Сизиф, которого приговорили к вечному труду. Сизиф вновь и вновь поднимает в гору тяжелый камень для того, чтобы тот скатился вниз. Сизиф – символ человека, который в своих бесконечных усилиях добивается определенной печальной победы.

В 1942 году Камю возвращается во Францию, где присоединяется к группе «Сопrotивления». Там писатель занимается подпольной журналистикой. В 1944 Камю был назначен редактором газеты «Бой». В этот же период были поставлены две первые пьесы Камю – «Недоразумение» и «Калигула». Главную роль в пьесе «Недоразумение» сыграла Мария Казарес, которая оставалась с Камю в дружеских отношениях до конца его жизни. Главной темой этих пьес является бессмысленность жизни и окончательность смерти. Наиболее успешным Камю чувствовал себя именно в драматургии [5, эл. ресурс].

В 1947 году был опубликован второй роман А. Камю «Чума», в котором писатель фокусирует свое внимание на положительной стороне человека. В произведении описывается вымышленная эпидемия бубонной чумы в городе Оран. Описывая это событие, писатель снова возвращается к теме абсурдизма, которая выражается бессмысленными и незаслуженными страданиями и смертью, которые вызваны чумой. Рассказчиком в романе выступает доктор Риз, который объясняет свой идеал честности так – это человек, который несмотря ни на что, сохранил силу характера и всеми силами пытается вести борьбу против болезни, пусть даже и безуспешную. Роман «Чума» представляет собой символ борьбы со страданиями и злом, главными моральными проблемами человечества.

Еще одной важной книгой в творчестве А. Камю стала книга «Бунтующий человек», в которую вошли три важные философские работы писателя. Без этих работ крайне сложно разобраться в концепции экзистенциализма А. Камю. В этих произведениях писатель задается следующими вопросами: из чего состоит бытие истинно свободного человека и что такое свобода вообще. Согласно мнению Камю, в первую очередь, жизнь – это бунт. И ради того, чтобы начать жить по-настоящему, необходимо устроить восстание.

В 1957 году А. Камю был удостоен Нобелевской премии по литературе. В это же время он начал писать четвертый роман, а также готовился возглавить крупный парижский театр. В январе 1960 года писатель погиб в автомобильной катастрофе. Посмертно были опубликованы две его работы: «Счастливая смерть» и «Первый человек». После смерти писателя многие мировые режиссеры стали экранизировать произведения Камю. На

книгах философа основано шесть фильмов [6, эл. ресурс].

Философия атеистического экзистенциализма дала ответы на многие вопросы, беспокоившие молодого Камю. Он не признает религию как болеутоляющее средство. Для экзистенциалистов жизненной ценностью является определение человеком своего собственного пути, верность самому себе. Они утверждают, что главная смелость заключается в способности открыто смотреть в лицо абсурду жизни: «Самая большая экономия, которая возможна в области мысли, – согласиться, что мир непознаваем, – и заняться человеком». Только смерть может быть признана единственной неизбежной действительностью. Утверждая это, Камю сам строго следует этому принципу, он строит свою жизнь так, чтобы она была максимально наполнена, постоянно находясь в состоянии изменения и стремления к развитию [5, эл. ресурс].

Роман «Чума», пьесы «Осадное положение» и «Праведники» принесли писателю мировую известность и сделали его кумиром поколения и невольным вдохновителем студенческой революции 1968 года. Тема бунта личности против мироустройства стала центральной в этот период творчества Камю, от нигилизма он приходит к утверждению универсальных человеческих ценностей.

Своеобразным подведением итогов жизни и творчества Камю можно считать «Шведские речи», с которыми он выступил на церемонии получения им Нобелевской премии в 1957 году. Они произвели огромный резонанс в обществе всего мира [3, с.319]. Возможно, Камю еще не один раз пережил бы и преобразование своих мыслей, взглядов и как философ, и как писатель, и как человек, если бы смерть в автомобильной катастрофе не прервала жизнь этого великого человека.

На протяжении своей жизни Камю оставался искренне предан искусству, в особенности театру. Уже с юности он участвует в постановках: сначала – в качестве актера (исполняет роль Ивана в пьесе по «Братьям Карамазовым» Достоевского, одного из любимейших своих авторов), затем – в качестве режиссера (с театральной труппой «Экип» он объехал весь Алжир в 1930-х годах), и наконец – в качестве драматурга, чьему перу принадлежит гениальная пьеса «Калигула». Сегодня эти работы Альбера Камю не только продолжают ставиться на сценах театров мира, но и служат основой сценариев для фильмов именитых режиссеров. Не ослабевающая с годами популярность произведений великого француза подтверждает их художественную ценность.

Можно утверждать, что писательская и философская концепция А. Камю основана на идее бунта. В его философии ясно выступают две крайности человеческого существования – абсолютное соглашение, безоговорочное принятие, конформизм, с одной стороны, и другая крайность – полное отрицание и нигилизм. Однако в этих

крайностях, несмотря на их четко выраженную противоположность, заключена разрушительность, как составляющая отдельной личности, так и часть всего человеческого общества. Проявляя излишний конформизм, человек принимает окружающее общество, отдельных людей и весь мир такими, каковы они есть, со всеми его слабостями, подлостями и абсурдом. Это значит, что он не способен к борьбе или сознательно отказывается от нее, отказывается от свободы, от своего взгляда на этот мир. К самоубийству личности, саморазрушению ее сдается и нигилизм. Балансирование между двумя этими крайностями и есть бунт.

Все эти мысли А. Камю изложил в своем произведении «Бунтующий человек». «Бунтующий человек» – произведение неоднозначное, трудное для понимания и интерпретации. Его можно охарактеризовать так: Камю стремится понять, как, когда человек и человечество становятся способными убивать, начинать войны, какие идеи и концепции лежат в основании их оправдания.

Камю напоминает о результатах, достигнутых им в философии абсурда. Человечество способно не только осуждать войны, насилие, но и оправдывать это некоей неизбежностью, необходимостью, следовательно, нет однозначного логически обоснованного решения проблемы. По философии абсурда Камю, отказ от самоубийства косвенно может являться доводом против убийства. Однако этот вопрос оставался непроясненным. Теперь, в «Бунтующем человеке», он был поставлен в повестку дня. Отталкиваясь от философии абсурда, утверждает Камю, мы пришли к тому, что «первая и единственная очевидность», которая дается в опыте абсурда – это бунт [2, с.28].

А. Камю рассматривает примеры бунтарского поведения римского раба, внезапно отказавшегося подчиняться господину, самоубийство русских террористов на каторге из протеста против издевательств над товарищами по борьбе, из анализа которых писатель делает вывод: «В опыте абсурда страдание индивидуально. В бунтарском прорыве оно приобретает характер коллективного существования. Оно становится общим начинанием... Зло, испытанное одним человеком, становится чумой, заразившей всех. В наших повседневных испытаниях бунт играет такую же роль, какую играет «сogito» в порядке мышления: бунт является первой очевидностью. Но эта очевидность извлекает индивида из его одиночества, она является тем общим, что лежит в основе первой ценности для всех людей. Я бунтую, следовательно, мы существуем» [4, с.422].

Если попытаться выразить основной смысл «Бунтующего человека», то это философский анализ тех форм бунта, которые в XIX и XX в. переросли в сокрушительные по своим последствиям революции. Больше всего философа интересует, какие идеи могли толкнуть людей к убийству, к революции, к войне, причем войне – гражданской, в которой идет убийство своих братьев.

В труде Камю исследуются теории русских писателей, философов, проповедующих идеи бунта: революционность Белинского, Герцена, нигилизм 60-х годов, анархизм Бакунина, идеи народничества Нечаева. Не остается без внимания и марксизм, его особенность в восприятии на русской почве. Основополагающей для писателя в данном анализе продолжает оставаться тема «Бунт и революция».

Следует обратить внимание на позицию Камю при сравнении фашизма и коммунизма. Он утверждает, что эти явления имеют бесспорное сходство, их объединяет призыв к бунту, ошибочность философии истории. Камю не поддерживает ни фашизм, ни коммунизм, выступая против них как философий насилия и террора. В результате он подвергся нападкам как левых, так и правых.

Камю называют гуманистом и «совестью Запада», его позиция по освобождению Алжира из-под колониальной власти Франции отличалась отвержением любых средств и методов, содержащих радикализм и особенно терроризм, даже если они направлены на борьбу за освобождение.

В заключение можно сделать вывод, что философия бунта Камю – выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Рожденная в огне антифашистского Сопротивления, имеющая в своей основе катастрофический опыт XX века, когда даже существование цивилизации и самого человека было поставлено под сомнение. Осмысленная жизнь, по Камю, невозможна без борьбы, как невозможна борьба без воли к свободе, снова и снова ставящей перед нами «проклятые» вопросы бытия. В своей книге «Бунтующий человек» Камю выступает против революции, показывая, что кроме насилия и последующей тирании она ничего не дает.

Произведения Камю нельзя рассматривать однозначно. Они побуждают к размышлениям, к анализу доказательств того или иного суждения и, следовательно, порождают многочисленные споры и обсуждения. Именно этим отличаются и «Посторонний» Камю, и его «Бунтующий человек». Читатель ставится перед выбором, с кем он: с теми, для кого главными ценностями жизни являются честность, собственная совесть, общественные нормы и общепризнанное мнение; или с теми, кто проповедует суетность повседневной жизни и безразличие природы.

В одном из последних произведений – повести «Падение» – можно обнаружить отражение внутреннего сомнения автора, даже самоубийства. Безусловно, можно сказать, что многие писатели подвергали себя тому же. Если на страницах других произведений Камю выступает как гуманист, то герой «Падения» – «ложный пророк», оправдывающий себя тем, что другие не менее, а может быть, более порочны, чем он. Он не способен на любовь, главная задача его жизни – оправдать себя, казаться, но не быть. Многие

исследователи творчества Камю видят в этом произведении душевную неустроенность автора, его сомнения, терзания, отражение его борьбы с собственным скепсисом и мизантропией [4, с.423].

По праву считается, что А. Камю нет равных в философской эстетике. При этом он не был великим философом, не создал какой-либо философской системы. Мировую славу А. Камю принесли две книги: «Человек бунтующий» и «Миф о Сизифе». В этих произведениях заключены размышления умного человека о надежде и тщетности, о бунте и смирении, о поражении, и возможно, о победе. Читатель вместе с автором предается размышлениям о радостях жизни и о тщетности бытия. В качестве примеров в своих произведениях А. Камю использовал примеры из русской действительности, обращался к русской литературе [1, с. 164-180]. Таким образом, Альбер Камю своим творчеством закладывает целое направление в философской литературе, посвященное теме смерти и ее преодолению в рамках экзистенциальной философии и философии абсурда, которую выявляет экзистенциализм. Может ли быть счастливым человек на пороге своей смерти? И это уже абсурдное вопрошание, тем не менее, имеет смысл: к этому должен

стремиться человек, в этом заключено его качество жизни и ее ценность.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. — 415 с.
2. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде / Пер.: А. Руткевич // Бунтующий человек. М., 1990. — 415 с.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд. М.: Политиздат, 1989. — 403 с.
4. Соловьев, В. С. Философское начало цельного знания / В. С. Соловьев. Минск: Харвест, 1999. — 911 с.
5. Спину Л.М. В поисках истины: философия «абсурда и свободы» А. Камю // Вестник РУДН, серия Философия, 2012, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-istiny-filosofiya-absurda-i-svobody-a-kamyu> (дата обращения 25.01.2020)
6. Горохов П.А. Некоторые мысли о философии Альбера Камю: научная статья доктора философских наук: 20.03.2013. Оренбург. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/4678740/?page> (дата обращения 11.02.2020)

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

СУБЪЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Шелеметьева Елена Владимировна

*Преподаватель кафедры государственно-правовых и
гражданско-правовых дисциплин,
майор полиции*

THE SUBJECTS OF PREVENTION OF CHILD ABUSE

Shelemetyeva Elena Vladimirovna

*Lecturer at the criminal law and criminology department,
Far Eastern Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Russia, Vladivostok, 690087*

АННОТАЦИЯ

В статье перечисляются субъекты профилактики, основным направлением которых, является борьба с жестоким обращением с детьми. Перечисляются и характеризуются методы воздействия субъектов профилактики, направленные на предотвращение жестокого обращения с детьми.

ABSTARCT

The article lists the subjects of prevention, whose main focus is the fight against the abuse of children. Lists and characterized by the methods of effect of subjects of prevention, aimed at preventing ill-treatment of children.

Ключевые слова: субъекты профилактики, жестокое обращение, предотвращение, методы воздействия, дети, неблагополучные семьи.

Key words: subjects prevention, abuse, prevention, methods of effect, children, dysfunctional families

Традиционно, в каждом государстве предпринимаются широкомасштабные меры по совершенствованию борьбы с преступностью несовершеннолетних, в том числе и на одном из приоритетных направлений этой борьбы - по предупреждению преступлений. В современном обществе стремительно развивается и растет количество семей, в которых детей воспринимают не как «цветы жизни» и надежда на будущее, а совсем по-другому, например, как очаг постоянных проблем и трудностей. Защита прав несовершеннолетних, безусловно, требует особого внимания. Даже в средствах массовой информации молодое поколение рассматривают в связи с угрозой алкоголизма и наркозависимости, детской проституцией и распространением СПИДа, подростковой преступностью и тому подобное. В данной ситуации необходимо оказать помощь родителям осознать не только то, что родитель – это прежде всего большая ответственность, но и то, что это огромное счастье быть им. В первую очередь, научить и призвать к этому необходимо неблагополучные семьи. Научить их смотреть на проблему с положительной стороны. А после этого воспитание ребенка будет становиться все легче[1].

Государству достаточно сложно повлиять на подобную ситуацию, так как возможности его в данном случае ограничены. Секретари комиссий по делам несовершеннолетних, педагоги, полиция не в силах работать индивидуально с каждой неблагополучной семьей, а лишение родительских прав уже не принимают в качестве наказания[3]. Мы полагаем, что наиболее быстрый путь к изменению ситуации заключается в активизации

работы, которая направлена на увеличение заинтересованности родителей, а прежде всего, раннюю работу с неблагополучными семьями, для того, чтобы предотвратить жестокое отношение к детям в подобных семьях. В 2012 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ О Национальной Стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы [4].

Координирование и регулирование в системе органов, а также учреждений, чья деятельность направлена на предотвращение безнадзорности и совершения правонарушений способствует:

- наиболее частому и действенному выявлению жестокому обращению с детьми в неблагополучных семьях;

- систематизированию и надлежащему осуществлению мер, которые направлены на охрану детей, подвергающихся жестокому обращению в неблагополучных семьях;

- устройству психологической и социальной работы с такими детьми, а при необходимости, и осуществление медицинской помощи.

Рассматриваемая нами проблема жестокого обращения с детьми в неблагополучных семьях - действительная угроза для устоев правового государства. Решить ее можно лишь посредством формирования и совершенствования взаимодействия абсолютно всех структур, которые заинтересованы в этом.

По нашему мнению, наиболее заинтересованными субъектами профилактики и предупреждения жестокого обращения с детьми являются:

1. Исполнительные органы государственной власти;
2. Уполномоченный по правам ребенка;
3. Органы управления социальной защитой населения, учреждения социального обслуживания населения (Центры социальной помощи семье и детям);
4. Органы, осуществляющие управление в сфере образования, учреждения образования;
5. Органы опеки и попечительства;
6. Органы по делам молодежи, учреждения по молодежной политике;
7. Прокуратура, органы внутренних дел;
8. Органы управления здравоохранением, учреждения здравоохранения;
9. Территориальные детские общественные приемные;
10. Детский телефон доверия;
11. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав;
12. Координационный совет по реализации политики в интересах семьи и детей;
13. Межведомственная комиссия по организации отдыха, оздоровления, занятости детей, подростков, молодежи;
14. Комиссия по вопросам семьи, женщин, детства и демографической политике[3].

Сотрудники медицинских учреждений, в случае выявления определенных признаков, свидетельствующие о жестоком обращении, должны для начала оценить общее состояние ребенка, непосредственно, с медицинской точки зрения. В первую очередь, следует оценить видимые признаки насилия (синяки, кровоподтеки, ожоги и т.п.). Затем, все обнаруженное в результате осмотра должно быть зафиксировано в медицинской карте. В случае, если были обнаружены более тяжкие последствия (ушибы головного мозга, потеря зрения), сотрудник медицинских учреждений принимает решение о госпитализации ребенка, подвергнувшегося насилию. После регистрации ребенка, поступившего в медицинское учреждение, необходимо направить уведомление в правоохранительные органы, а также - в комиссию по делам несовершеннолетних и в органы опеки и попечительства, тем самым передавая им дальнейшие полномочия по работе с детьми, подвергнутыми жестокому обращению в неблагополучных семьях.

Сотрудники органов опеки и попечительства действуют в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации. Согласно ст. 77 СК РФ, они вправе немедленно отобрать ребенка у родителей или же у одного из них, а также у других лиц (опекунов, попечителей). Это возможно лишь в случаях непосредственной угрозы жизни и здоровью ребенка (действия, могущие повлечь за собой телесные повреждения, а в некоторых случаях - смерть). Выявить это можно путем обследования условий жизни, а также воспитания ребенка, претерпевавшему насилие в семье. Для отобрания ребенка должен быть составлен акт органа исполнительной власти субъекта

Российской Федерации или же акт главы муниципального образования (в том случае, если ОМС наделены соответствующими полномочиями по опеке и попечительству). Отбирая ребенка, у органа опеки и попечительства появляются важные обязанности:

- 1.- незамедлительное уведомление прокурора;
- 2.- обеспечение ребенку временного устройства;
- 3.- обращение в соответствующий суд с иском о лишении либо об ограничении родительских прав. При этом, сделать это необходимо в течение семь дней с момента вынесения вышеуказанного акта. Таким образом, можно выделить такие основания гражданско-правовой ответственности: лишение и ограничение родительских прав, а также отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью (статьи 69, 73 и 77 Семейного кодекса РФ соответственно).

Мы считаем, что такие методы воздействия достаточно правомерны, ведь жестокое обращение, насилие над детьми - существенное основание для привлечения родителей, опекунов и попечителей к ответственности.

Сотрудники комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав обязаны проанализировать поводы и условия, которые способствовали в момент совершения того или иного акта насилия в отношении ребенка в неблагополучной семье. Затем следует четко определиться и составить план профилактических работ с таким ребенком. Также необходимо отметить, что если информация о совершении жестокого обращения в неблагополучной семье над ребенком получена от иных граждан, следует проводить проверку условий жизни ребенка. После проведения такого обследования, составляется акт обследования, который содержит все его результаты, например, несоответствие жилищных санитарных условий, отсутствие спального места у ребенка, постоянное употребление алкоголя и наркотиков родителями. Затем акт направляется в правоохранительные органы для решения вопроса о проверке родителей и жилищных, уголовной ответственности и наказании, которое можно применить к ним.

Сотрудники учреждений социальной защиты населения также наделены функциями проверки условий жизни и воспитания ребенка, но только вместе с сотрудниками органов опеки и попечительства. В случае, если будут обнаружены какие-либо признаки насилия над детьми в проверяемой неблагополучной семье, нужно составить служебную записку руководителю того учреждения, в пределах полномочий которого было произведено обследование. Руководитель, в свою очередь, рассматривает такую записку и решает вопрос о направлении сведений о тех или иных признаках насилия над ребенком в правоохранительные органы [2].

Сотрудники образовательных учреждений, выявив те или иные признаки жестокого обращения с детьми, составляют служебную записку, которая

передается руководителю образовательного учреждения, сообщение - в орган опеки и попечительства, опять же для проведения проверки условий жизни ребенка. Затем, такая информация должна быть направлена в правоохранительные органы и в комиссии по делам несовершеннолетних.

Сотрудники правоохранительных органов обладают широкими полномочиями по профилактике и предотвращению жестокому обращению с детьми в неблагополучных семьях. При поступлении информации о признаках жестокого обращения с детьми в неблагополучных семьях обязаны принять меры, направленные на защиту ребенка, которому угрожает опасность. Имеют право на задержание и доставку в ОВД лиц, которые применяли жестокое обращение к ребенку[3]. Могут применять меры уголовно-процессуального принуждения, назначать проведение экспертиз и проводить иные следственные действия, а также решают вопрос об уголовной ответственности, о применении к лицу, совершившему преступление, меры уголовного наказания. Как известно, Уголовный кодекс РФ также предусматривает ответственность за совершение насилия над детьми разного рода.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сказать, что у всех субъектов (педагогов, социальных работников, психологов, врачей и

сотрудников ОВД) схожие права и обязанности в сфере профилактики жестокого обращения с детьми. Но для их укрепления и усиления необходимо «плотное» взаимодействие. Достигнуть этого можно путем повышения квалификации и обучения сотрудников тех или иных служб и органов, проведение совместных курсов по исследуемой теме, которые должны вызвать интерес к проблеме жестокого обращения с детьми, что поспособствует ее разрешению и предотвращению.

Библиографический список

1. Волкова, Е. Н. Междисциплинарный подход предотвращения насилия и жестокого обращения с детьми. // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. СПб. 2006. № 6. С. 24-28.

2. Волкова, Е. Н. Защита детей от жестокого обращения. / Под ред. Е. Н. Волковой. СПб. : Питер, 2007. С. 45-46.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения 17.03.2020).

4. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 29.03.2020)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНЗУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.719](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.9.73.719)

Эктумаев А.Б.

*Кандидат юридических наук, доцент,
Высшая школа правоведения ИГСУ РАНХиГС*

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF CENSORSHIP

Ektumayev A.B.

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье раскрывается сущность, признаки и функции цензуры. Отмечается, что вся история развития свободы слова в России тесно связана с государственной цензурой, и это оказывает влияние на состояние общественной коммуникации в современный период. На основании анализа положений Конституции РФ и сформировавшегося на их основе законодательства РФ, обосновывается деление цензуры на предварительную (до передачи сообщения) и последующую (после передачи сообщения).

ABSTRACT

This article reveals the essence, features and functions of censorship. It is noted that the entire history of the development of freedom of speech in Russia is closely connected with state censorship, and this has an impact on the state of social communication in the modern period. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the legislation of the Russian Federation formed on their basis, the division of censorship into preliminary (before the message is transmitted) and subsequent (after the message is transmitted) is substantiated.

Ключевые слова: права и свободы человека; свобода слова; свобода информации; цензура.

Keywords: human rights and freedoms; freedom of speech; freedom of information; censorship.

Запрет цензуры является конституционной гарантией, которая входит согласно части 5 статьи 29 Конституции РФ в состав конституционного положения о свободе массовой информации. В Конституции РФ не содержится определения понятия «цензура». Для выявления его

конституционно-правового смысла следует выделить сущностные признаки цензуры, функции, цели и задачи.

В толковом словаре С.И. Ожегова понятие «цензура» определяется как просмотр произведений, предназначенных для печати, для

постановки на сцене и др. с целью надзора³⁴. Данное определение является недостаточным. В исследовании необходимо, прежде всего, обратиться к историческим аспектам развития института цензуры.

Исследователи отмечают, что явление цензуры появляется еще в период существования древних цивилизаций³⁵. Сам термин «цензура» происходит от латинского «ценз» (*census*). В Древнем Риме ценз означал периодическую оценку имущества для значительного разделения на податные разряды.

Другое значение слова «ценз», которое сохранилось до нашего времени, – ограничение условия допущения лица к пользованию какими бы то ни было правами или преимуществами (например, избирательными). Для проведения ценза в Древнем Риме была учреждена специальная должность цензора. Цензор, кроме собственно проведения ценза, следил также за поведением и благонадежностью политической ориентации граждан. Наблюдение (надзор) за благонадежностью граждан стало именоваться цензурой. Как мы видим, термин цензура является производным от наименования должности «цензор».

В эпоху античности произошло окончательное становление и оформление цензуры в качестве неотъемлемого атрибута власти. Древние хроники подтверждают о сожжении книги Протагора о богах (примерно к 480–410 гг. до н.э.), а также то, что за критику властей в своих пьесах был посажен в тюрьму Гней Невий (ок. 217–210 гг. н.э.). Во времена Римской империи (при Августе, Нероне и др.) репрессии за инакомыслие стали составной частью государственной политики.

При этом в истории обозначилась тенденция надзора за духовной жизнью. Родоначальником духовной цензуры считается римский папа Геласий (ум. 19 октября 496 г. н.э.), который выпустил первый сборник запрещённых книг (*Index librorum prohibitorum*).

В Средние века и в эпоху Ренессанса цензура заняла главенствующее место в духовной жизни общества. Во многом это было связано с изобретением Иоганна Гуттенберга: в 1450 г. в городе Майнце появился первый печатный станок. Данное изобретение произвело настоящую революцию в общественной коммуникации, предоставив людям возможность духовного и идеологического выбора в невиданных прежде масштабах. Всего через 35 лет в Майнце по просьбе местного архиепископа было учреждено цензурное ведомство. Также последовали указания церковных лидеров о введении предварительной цензуры всей литературы. Апогеем развития цензуры в этот период стало то, что в 1571 г. папа Пий V учредил

Конгресс Индекса – *Congregatio Indicis*. Под страхом отлучения ни один католик не должен был ни читать, ни держать у себя книги, не входившие в Индекс.

Развивалась и светская цензура. Первая официальная светская цензура была установлена в Германии после провозглашения Реформации в 1529 г. В 1530 г. появляется первое королевское распоряжение о предварительной цензуре в Англии, а в 1538 г. – во Франции. Становлению цензуры способствовало то, что время развития книгопечатания совпало с эпохой расцвета абсолютизма³⁶.

Однако уже с конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. в Европе начался отказ от предварительной цензуры. При этом Англия, например, отказалась от нее еще в 1695 г., оставив для регулирования отношений свободы слова только законы о пасквиле. В Швеции предварительная цензура отменяется в 1766 г., в Дании – в 1770 г., в Норвегии – в 1814 г., Бельгии и Нидерландах – в 1815 г., в Германии, Австрии, Италии и Швейцарии – в 1848 г., а во Франции в 1872 г. Испанская Конституция 1876 г. также закрепляет отсутствие цензуры.

Что касается цензуры в России, то её развития указывает на существенные отличия российской цензуры от европейской. Как отмечает Т.М. Горяева, Россия явила миру образец последовательного государственного контроля за печатным словом³⁷.

После Петра I основные цензурные полномочия оказались в руках монархической власти, и церковная цензура была значительно ограничена. Первый светский цензурный орган в России был учрежден в 1796 г. Екатериной Великой. Кроме того, по указу 1796 г. все частные издательства и типографии в Москве, Санкт-Петербурге и других городах учреждались только специальными цензурными комитетами.

После этого православная церковь в России – никогда не имела значительной власти над духовной сферой и не могла самостоятельно определять национальную идеологию. Именно это обстоятельство определило дальнейшее развитие института цензуры в России в качестве государственно-властного инструмента, используемого в таких масштабах, в каких это было необходимо для власти.

Одной из особенностей дореволюционной цензуры считается внешняя легитимность действий. Вся ее деятельность была детально регламентирована уставами и положениями. Однако законный характер царской цензуры не стоит идеализировать. Именно в этот период формируется характерный для России институт

³⁴Ожегов С.И. Словарь русского языка / Советская энциклопедия, М. 1973. С. 802.

³⁵Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. / Российская политическая энциклопедия, М. 2002. С. 113.

³⁶Тарновский Е. Четыре свободы. СПб., 1995. С. 150.

³⁷Горяева Т.М. Указ. соч. С. 119.

самоцензуры, неизбежно сопутствующий цензуре и сопоставимый с ней.

После Октябрьской революции 1917 г. в России начался новый этап свободы слова – период полного государственного контроля за всеми сферами жизнедеятельности. Советская цензура отличалась широкими возможностями вмешательства властей в осуществление права на свободу слова. Именно в советский период самоцензура приобрела большие масштабы, а сама общественность была приучена разграничивать мнение собственное и мнение опубликованное.

В советский период институт цензуры достигает своего расцвета. Об этом свидетельствует разрастание цензурного аппарата. В 1922 г. был создан Главлит, контролирующий печатную продукцию, а в 1923 г. создается Главрепертком, в функции которого входит цензура всех зрелищных видов искусств – театра, кино, радио, эстрады и цирковых представлений.

Особенностью советской цензуры в сравнении с царской является почти полное отсутствие законности, неопределенность допустимых норм выражения мнения, в результате чего любое произведение могло быть признано идеологически вредным. Цензура приобретает предельно субъективистский характер, и основные этапы ее развития связываются, прежде всего, с отдельными чиновниками³⁸.

Система советской цензуры получает название «всецензура», так как под непосредственным и прямым государственным влиянием оказалась не только область политической коммуникации, но и все сферы духовной и культурной жизни, а монополизация идеологической власти проявилась в подавлении любого инакомыслия всеми доступными способами. В СССР получили всестороннее оформление обе разновидности цензуры – и предварительная, и последующая (карательная). При этом понятие «карательная цензура» имело буквальное значение в связи с тем, что в работе цензурного аппарата на протяжении всей истории советского государства обязательно принимали участие карательные органы – ГПУ, НКВД и КГБ³⁹.

Таким образом, вся история развития свободы слова в России тесно связана с государственной цензурой, и это оказывает влияние на состояние общественной коммуникации в современной период.

С цензурой связана вся мировая история коммуникации. Не затрагивая вопроса об ограничении естественных прав, следует признать, что цензура представляет собой один из важных и необходимых элементов государственного управления. В этом смысле нельзя оценивать

цензуру односторонне. Цензуру можно рассматривать как один из инструментов защиты личности, общества и государства.

Если рассматривать цензуру вне традиционных рамок (институт власти, функции которого выполняются конкретными органами), то под цензурой следует понимать систему действий и мероприятий, направленных на обеспечение и обслуживание общественных интересов, поддержку существующей формы правления и политического режима. Любая политика государства, в рамках которой поощряются одни процессы и сдерживаются другие, также с необходимостью содержит элемент цензуры⁴⁰.

Цензура в указанном понимании существует в любом демократическом государстве. Т.М. Горяева выделяет следующие функции такой цензуры: 1) регулирование информационных процессов в обществе посредством отслеживания и анализа информации в соответствии с существующими в обществе нормами, с применением различных предписаний, рекомендаций, запретов и т.д.; 2) охранительная функция призвана обеспечить сохранение военной и государственной тайны; 3) эталонная функция предназначена для фиксации и закрепления и этических, и эстетических норм в области искусства, художественного творчества, науки; 4) профилактическая функция обеспечивает стабильность государства и предупреждает хождение в информационном поле сведений, подрывающих престиж и авторитет власти; 5) санкционирующая функция обеспечивает введение в социокультурный контекст полной информации, не подвергавшейся воздействию цензуры, и той, которая прошла через ее обработку⁴¹.

Такое широкое понимание цензуры имеет много сторонников. В трудах Платона, Цицерона, Иоанна Златоуста прослеживается положительное отношение к цензуре как инструменту государственной и религиозной власти, предназначенному для поддержания порядка и благонравия в обществе⁴².

Многие представители западной юриспруденции также стремились переосмыслить сущность цензуры. Ф. Шауэр (Frederick Schauer), например, замечает, что цензура неизбежна, необходима и желанна⁴³. О. Фисс (Owen Fiss) высказывает мнение о том, что государство действительно должно заглушать голоса одних, с тем, чтобы слышать голоса других⁴⁴, так как свободная и неограниченная речь может представлять собой разновидность цензуры, поскольку заставляет других молчать. Здесь речь идет о том, что определенные мнения, а также невербальное поведение обладают эффектами умирения. Механизм такого умирения

³⁸ Литовский О.С. Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958. С. 147.

³⁹ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 126, 149.

⁴⁰ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 157.

⁴¹ Горяева Т.М. Указ. соч. С. 134.

⁴² Там же. С. 113-114.

⁴³ Schauer F. «The Ontology of Censorship», in Robert C. Post, ed., *Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation*, 162.

⁴⁴ Owen M. Fiss, *The Irony of Free Speech* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), 4.

заключается в том, что некоторые высказывания могут умалять чувство достоинства жертв, следовательно, препятствуя их полноценному участию в общественной дискуссии.⁴⁵

Цензура в качестве элемента государственного управления призвана обеспечить осуществление свободы слова в конституционно-правовых пределах и недопустимость свободы слова в сферах, на которые она не распространяется: запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (часть 1 статья 24 Конституции РФ); запрет определенных видов агитации и пропаганды (часть 2 статья 29 Конституции РФ). Выполняя указанную функцию, цензура призвана обеспечивать устойчивость демократического общественного порядка, основанного на равенстве.

Очевидно, что цензура требует более глубокого анализа и всестороннего осмысления. Важно отметить, что для целей конституционно-правового исследования необходимо произвести деление цензуры на предварительную (до передачи сообщения) и последующую (после передачи сообщения). Положение части 5 статьи 29 Конституции РФ запрещает предварительную цензуру, а именно требование со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы, а также наложение предварительного запрета на распространение сообщений и материалов или их отдельных частей⁴⁶.

Подобный подход предлагает К. Хессе. По мнению ученого, норма абзац 1 статьи 5 Конституции ФРГ запрещает именно предварительную цензуру: запрещает ставить возможность публикации сообщения или материала в зависимость от предварительного одобрения государственным учреждением. Все другие ограничения свободы слова К. Хессе следует отнести к последующей цензуре, которая не запрещена⁴⁷.

Следует признать, что обязательность предварительного согласования как критерий недостаточен для полного определения понятия цензура. Признаком цензуры в смысле части 5 статьи 29 Конституции РФ также является внешний характер принуждения, целью которого является вторжение в свободу слова, ограничение и полное исключение возможности передать или распространить сообщение.

При этом допускаются законные требования учредителей средств массовой информации к содержанию публикуемых и передаваемых сообщений, а равно редакторская политика, редакторская правка. Данные основанные на законе

требования не являются цензурой. В противном случае учредитель средств массовой информации лишается права на свободу слова, которое предполагает возможность учреждать средств массовой информации определенной направленности. Законные полномочия учредителя и редактора позволяют сформировать информационную политику средствами массовой информации. Редакторскую деятельность следует рассматривать как неотъемлемый атрибут свободы средств массовой информации.

Внешний характер вмешательства определяется в названных случаях по отношению к средствам массовой информации в целом, а не к отдельному журналисту. Цензурой следует считать здесь незаконное ограничение свободы средств массовой информации. Конкретное средство массовой информации может быть лишено возможности распространять нежелательные для власти сообщения. Однако отказ редактора выпустить тот или иной материал не ограничивает право журналиста на свободу слова, так как он может распространять этот же материал иным способом, в том числе в других средств массовой информации.

В часть 5 статьи 29 Конституции РФ нет оговорки (отсылки) к закону, которая позволяет ограничивать действие этой нормы. Это свидетельствует о повышенной степени защиты данного конституционного установления, поскольку возможности законодательного органа в этом случае определяются исключительно требованием конституционно-правового урегулирования условий реализации предоставленного Конституцией РФ права, и необходимостью защиты других охраняемых Конституцией РФ ценностей.

Например, в пункте 15 части 2 статьи 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»⁴⁸, допускается введение военной цензуры над почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, а также введение контроля за телефонными переговорами и создание органов цензуры, непосредственно занимающихся указанными вопросами.

Возможность ограничения конституционных прав в таких случаях прямо вытекает из части 3 статьи 55 Конституции РФ. Перечисленные меры вводятся на основании указов Президента РФ в соответствии с абзацем 1 части 2 статьи 7 Федерального конституционного закона «О военном положении»

Схожий пример содержится в пункте «б» статьи 12 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном

⁴⁵Owen M. Fiss, Op. cit., 16.

⁴⁶Подробнее см.: Эктумаев А.Б. Гарантия массовой информации // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. – № 12(15). С. 437-445.

⁴⁷Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. Указ. соч. С. 199.

⁴⁸Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 5. ст. 375.

положении»⁴⁹. Названная норма допускает введение предварительной цензуры печати и других средств массовой информации указом Президента РФ, которым устанавливается чрезвычайное положение. Данные ограничения следуют из части 1 статьи 56 Конституции РФ.

По смыслу Конституции РФ запрет цензуры не является абсолютным. На основе конституционно-правовых положений законодатель вправе при определенных условиях и на определенный срок устанавливать в форме федерального конституционного закона ограничения права на свободу слова легальными средствами цензуры.

Таким образом, признаками цензуры является ее предварительный и внешний характер. Исключения из данного правила возможны на основании федерального закона в соответствии с Конституцией РФ. Конституция РФ устанавливает запрет на предварительную цензуру. Последующая цензура призвана не допускать свободы слова в сферах, на которые свобода слова не распространяется. Например, запрет на сбор и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (часть 1 статьи 24

Конституции РФ); запрет определенных видов агитации и пропаганды (часть 2 статьи 29 Конституции РФ).

Библиографический список

1. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917- 1991 гг. / Российская политическая энциклопедия, М. 2002.
2. Литовский О.С. Так и было: Очерки, воспоминания, встречи. М., 1958.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Советская энциклопедия, М. 1973.
4. Тарновский Е. Четыре свободы. СПб. , 1995.
5. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.
6. Эктумаев, А.Б. Гарантия массовой информации // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. – № 12(15).
7. Owen M. Fiss, The Irony of Free Speech (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), 4.
8. Schauer F. «The Ontology of Censorship», in Robert C. Post, ed., Censorship and Silencing: Practices of Cultural Regulation, 162.

⁴⁹Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. ст. 2277.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ (ЕСУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 4 (73)/2020

9 часть

Редакционная коллегия:

д.п.н., профессор Аркулин Т.В. (Москва, РФ)

Члены редакционной коллегии:

- Артафонов Вячеслав Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права (Москва, РФ);
- Игнатьева Ирина Евгеньевна, кандидат экономических, преподаватель кафедры менеджмента (Москва, РФ);
- Кажемаев Александр Викторович, кандидат психологических, доцент кафедры финансового права (Саратов, РФ);
- Кортун Аркадий Владимирович, доктор педагогических, профессор кафедры теории государства и права (Нижний Новгород, РФ);
- Ровенская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз, директор Института судебных экспертиз (Москва, Россия);
- Селиктарова Ксения Николаевна (Москва, Россия);
- Сорновская Наталья Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии;
- Свистун Алексей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, советник при ректорате (Москва, Россия);
- Тюменев Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук (Киев, Украина)
- Варкумова Елена Евгеньевна, кандидат филологических, доцент кафедры филологии (Астана, Казахстан);
- Каверин Владимир Владимирович, научный сотрудник архитектурного факультета, доцент (Минск, Белоруссия)
- Чукмаев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права (Астана, Казахстан)

Ответственный редактор

д.п.н., профессор Каркушин Дмитрий Петрович (Москва, Россия)

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия

E-mail: info@euroasia-science.ru ;

www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии г.Москва, Лужнецкая набережная 2/4, офис №17, 119270 Россия